

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»**

На правах рукописи

Теймуров Эльвин Сахават оглы

**Международно-правовое регулирование рационального использования
пресной воды**

Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
К.А. Бекашев

Москва – 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Рациональное использование пресной воды как предмет международно-правового регулирования.....	17
§ 1.1. Пресная вода как объект международных экологических правоотношений	17
§ 1.2. Международно-правовые принципы использования пресной воды ..	40
Глава 2. Международно-правовое обеспечение рационального использования пресной воды нормами о правах человека.....	72
§ 2.1. Содержание и место права на воду в системе прав человека	72
§ 2.2. Взаимосвязь норм о правах человека и международных экологических норм в регулировании рационального использования пресной воды	104
Глава 3. Роль универсальных и региональных судебных учреждений в обеспечении рационального использования пресной воды	132
§ 3.1. Практика международных судов и арбитражей в международно- правовом регулировании использования пресной воды	132
§ 3.2. Практика региональных и национальных механизмов защиты прав человека в обеспечении рационального использования пресной воды.....	148
Заключение.....	167
Список используемых сокращений.....	175
Библиография	177

Введение

Актуальность проблемы исследования международно-правового регулирования рационального использования ресурсов пресной воды обусловлена следующими обстоятельствами.

Историческое развитие показало несостоятельность взглядов на пресную воду как на неограниченный и не имеющий никакой самостоятельной ценности ресурс. Как отметил в одном из своих выступлений бывший Генеральный Секретарь ООН Б. Бутрос-Гали: «Следующая война на Среднем Востоке будет битвой из-за воды, а не из-за политики»¹.

«Водная» проблема превратилась из национальной в глобальную, что подразумевает невозможность самостоятельного решения отдельным государством проблем, связанных с водными ресурсами, и приводит к необходимости международного сотрудничества в данном направлении.

На универсальном уровне интерес к проблеме обеспечения населения питьевой водой активно проявляется с 70-х годов XX столетия. В 1977 г. состоялась первая Конференция ООН по воде в г. Мар-дель-Плата (Аргентина). 1980-1990-е гг. были объявлены Десятилетием питьевого водоснабжения и санитарии.

Позднее вопросы рационального использования ресурсов пресной воды были включены в Повестку дня на XXI в., Декларацию развития тысячелетия, План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. 2003 г. был объявлен Международным годом пресной воды, 2005-2015 гг. – десятилетием «Вода для жизни».

Кроме того, в 2003 г. учрежден механизм «ООН - водные ресурсы», в рамках которого взаимодействуют 26 организаций и учреждений системы ООН (ВМО, ВОЗ, ПРООН, ЮНЕП, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др.), одной из

---

¹ Цит. по Lo V.C.S. Right to water, right to life // Ateneo Law Journal Vol. 55, 2011. P. 1065.

главных функций которого является отслеживание и представление раз в три года докладов относительно развития водных ресурсов в мире.

Тем не менее, проблемы рационального использования пресной воды и сотрудничества государств по данному вопросу продолжают оставаться нерешенными.

По данным ООН в мире насчитывается около 263 водных объектов, которые пересекают границы между двумя или более странами, и 270 трансграничных водоносных горизонтов, на территории которых живут около 40 процентов мирового народонаселения. При этом межгосударственное сотрудничество осуществляется лишь по 1/3 из этих объектов, несмотря на принятие в конце XX столетия двух универсальных договоров в отношении использования и сохранения трансграничных ресурсов пресной воды.

До настоящего времени в международно-правовой доктрине использование и охрана трансграничных ресурсов пресной воды рассматривались исключительно в контексте сотрудничества государств по международным водотокам. При этом остаются без внимания отношения по использованию пресной воды как ресурса, представляющего самостоятельную ценность.

Существенной проблемой является и то, что соглашения по охране и использованию ресурсов пресной воды не учитывают специфику трансграничных водоносных горизонтов как объекта международно-правовых отношений государств. Несогласованное регулирование отношений по использованию различных трансграничных источников пресной воды препятствует реализации концепции устойчивого развития, которая требует интегрированного управления водными ресурсами.

Однако даже в случаях наличия механизмов сотрудничества по вопросам использования ресурсов пресной воды между государствами, разделяющими трансграничный водный объект, продолжают возникать

споры относительно содержания установленных международным правом прав и обязанностей, свидетельством чему служит практика Международного суда ООН.

Более того, пресная вода представляет ценность, прежде всего, для удовлетворения питьевых потребностей человека, что породило необходимость определенных изменений в области международного права прав человека. В частности, в международном праве прав человека предприняты попытки признать наличие права человека на воду, сложилась некоторая судебная практика по проблеме. Однако до настоящего времени остается неисследованным юридическое содержание права на воду, возможности внедрения норм и механизмов в области прав человека в систему правового регулирования межгосударственных отношений по использованию и охране ресурсов пресной воды. Теоретическую и практическую необходимость представляет изучение соотношения норм о правах человека и норм международного экологического права в регулировании рационального использования и охраны ресурсов пресной воды.

Обозначенное позволяет утверждать, что исследование международно-правового регулирования рационального использования пресной воды в настоящее время является одной из актуальных задач международно-правовой науки.

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблемы рационального использования пресной воды носят междисциплинарный характер, являются предметом исследования таких наук как физика, химия, экономика и др. Если в данных областях знаний указанные проблемы изучены в необходимой степени, то в международно-правовой науке до настоящего времени не предпринимались комплексные исследования международно-правового регулирования рационального использования ресурсов пресной воды. Существующие работы

преимущественно затрагивают вопросы управления трансграничными водными объектами с позиции международного экологического права.

В международно-правовой доктрине проблемы использования пресной воды рассматривались в научных работах К.А. Бекашева, М.М. Бринчука, Р.М. Валеева, А.Н. Вылегжанина, С.А. Гуреева, В.И. Данилов-Данильяна, И.Н. Тарасовой, Е.Е. Тертус, К.С. Лосева, С.Д. Махкамбаева, М.В. Некотеневой и других ученых.

При этом в данных работах практически не подвергались анализу международно-правовые нормы относительно использования подземных вод, которые в последние десятилетия подвергаются все большей антропогенной нагрузке и являются более уязвимыми к ее последствиям. В частности, не нашла должного изучения работа Комиссии международного права ООН (далее – КМП ООН) над темой «Общие природные ресурсы».

За исключением отдельных статей А.Х. Абашидзе, Р.М. Валеева, А.М. Солнцева и параграфа в диссертационном исследовании Л.А. Тимофеева в отечественной науке международного права не отражена особенность правового регулирования использования ресурсов пресной воды в целях удовлетворения питьевых потребностей человека, воздействие на данную сферу межгосударственного сотрудничества тенденции экологизации прав человека.

Неисследованными как в российской, так и зарубежной доктрине остаются вопросы взаимодействия норм международного экологического права и международного права прав человека в регулировании рационального использования ресурсов пресной воды.

Все вышеперечисленное служит достаточным стимулом для проведения научного исследования вопросов регулирования рационального использования различных источников пресной воды с учетом современных тенденций экологизации прав человека и сложившейся судебной практики.

Целью диссертационного исследования заключается в проведении комплексного исследования международно-правового регулирования рационального использования ресурсов пресной воды и выработке научно-практических рекомендаций по совершенствованию механизмов правового регулирования данной области общественных отношений.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- исследовать международные эколого-правовые основания использования ресурсов пресной воды;
- раскрыть специфику пресной воды как объекта международных экологических правоотношений;
- проанализировать систему, содержание и соотношение между собой международно-правовых принципов использования пресной воды;
- изучить содержание и место права на воду в системе прав человека;
- исследовать взаимосвязь норм о правах человека и норм международного экологического права в регулировании рационального использования пресной воды;
- раскрыть роль международных и региональных судебных органов и арбитражей в обеспечении рационального использования пресной воды;
- предложить пути совершенствования международно-правового регулирования рационального использования пресной воды.

Объектом диссертационного исследования выступают международно-правовые отношения по рациональному использованию и охране пресной воды.

Предметом исследования являются нормы международного права и законодательства отдельных государств, регламентирующие рациональное использование и охрану пресноводных ресурсов, судебная и арбитражная практика их применения, доктринальные разработки по данной проблематике.

Методологической основой работы выступили аналогия, исторический, диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-юридический, аналитический и синтетический методы научного познания.

Исторический метод исследования позволил раскрыть основные направления сотрудничества государств по использованию и охране ресурсов пресной воды с начала XX в. При помощи диалектического метода установлено развитие норм относительно приоритетных видов использования пресной воды трансграничных водных объектов. Метод аналогии составил основу изучения международно-правового регулирования использования ресурсов пресной воды, содержащихся во льдах. Сравнительно-правовой метод способствовал изучению практики региональных механизмов защиты права человека на воду, а также национальное законодательство по данному вопросу. Системно-структурный метод позволил выявить взаимосвязь норм международного экологического права и прав человека в контексте рационального использования ресурсов пресной воды. Посредством аналитического метода диссертант исследовал юридическое содержание права на воду.

В целях объективного и всестороннего изучения рационального использования ресурсов пресной воды в работе также использованы и другие общефилософские и частно-научные методы познания.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили разработки отечественных ученых в области международного права, а также иных отраслей знаний: К.А. Бекяшева, М.М. Бринчука, Р.М. Валеева, А.Н. Вылегжанина, С.А. Гуреева, В.И. Данилов-Данильяна, М.А. Косаревой, К.С. Лосева, С.Д. Махкамбаева, М.В. Некотеневой, Н.А. Соколовой, А.М. Солнцева, И.Н. Тарасовой, Е.Е. Тертус, Л.А. Тимофеева, В.М. Шуршалова и др.

Диссертант также активно использовал труды следующих зарубежных ученых: Х.А. Барберис, Е.Б. Блюмель, А. Бойль, С. Бурчи, Р. Бэйтс, С. де Видо, Х.Е. Винуалес, П. Воутерс, П. Глейк, И. Дамбровски, Дж.В. Деллапенна, Н. Джайхан, К.К. Джойнер, Д.А. Капонера, Ф. Куллет, Дж. Маковски, О. МакИнтаир, С. МакКаффри, К. Мешлем, А. дю Плеси, Н. Попаттаначай, Г. Сметс, Б.Т. Собока, М.Т. Таби, С. Талли, А. Танзи, М. Фитцморис, Х.М. Чаварро, Л.Б. де Шазурн, Г. Экштейн, М. Эрдем, А.Е. Юттон и др.

Эмпирическая база диссертационного исследования основывается на анализе правоприменительной практики международных органов, в том числе решений Постоянной палаты международного правосудия, Международного суда ООН, Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека, Африканской комиссии по правам человека и народов, а также судебных учреждений Южно-Африканской Республики и Индии по вопросам рационального использования ресурсов пресной воды.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно представляет собой комплексное исследование вопросов международно-правового регулирования рационального использования пресной воды.

В работе всесторонне исследовано нормативное содержание права на воду, определено его место в системе прав человека и раскрыта роль международного права прав человека в регулировании рационального использования пресной воды. Выявлена взаимосвязь международного права прав человека и международного экологического права в области рационального использования и охраны пресной воды.

На основе рассмотрения международных договоров, международной и национальной правоприменительной практики сформулированы

рекомендации и предложения, направленные на выработку действенных путей совершенствования рационального использования пресной воды.

По результатам исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Пресная вода – это природный ресурс, отношения по управлению, использованию и охране которого регулируются нормами международного экологического права. В большинстве случаев пресная вода как составная часть трансграничных водных источников выступает объектом отношений по их управлению, использованию и охране, урегулированных нормами международного экологического права, в то же время она может выступать в качестве самостоятельного объекта международных экологических правоотношений. В настоящее время эколого-правовые механизмы рационального использования ресурсов пресной воды дополняются инструментарием международного права прав человека – наблюдается тенденция к признанию в качестве одного из основных прав человека права на воду. В результате чего в международном праве пресная вода выступает в двух тесно взаимосвязанных качествах: как объект международных экологических правоотношений и как ресурс, без которого невозможно обеспечение и осуществление жизнедеятельности человека.

2. Анализ международно-правовых договоров в области рационального использования и охраны пресной воды с начала XX столетия свидетельствует о расширении объекта правового регулирования. Если объектом регулирования международно-правовых норм начала XX столетия выступали отношения по промышленному и сельскохозяйственному использованию международных водотоков, с установлением приоритета использования водотоков для целей судоходства над промышленным и сельскохозяйственным водопользованием, то международно-правовые нормы середины столетия оставляли вопрос о приоритете видов использования на усмотрение прибрежных государств. А с 60-70-х годов XX

в. началось международно-правовое регулирование вопросов использования водных ресурсов трансграничных водных объектов для удовлетворения потребностей людей в питьевой воде, санитарии или для иного жизнеобеспечения человека. При этом в настоящее время исследование договорной базы сотрудничества и норм мягкого права в данной сфере позволяет сделать вывод о приоритете использования ресурсов пресной воды для удовлетворения насущных потребностей человека, т.е. питьевых и в производстве продовольствия, перед иными видами водопользования, следствием чего является появление тенденции к внедрению норм о правах человека в механизмы рационального использования пресной воды.

3. Международно-правовое регулирование использования и охраны ресурсов пресной воды базируется на четырех принципах: суверенитета государств на свои части трансграничных водных объектов; справедливого и разумного использования; ненанесения значительного ущерба; сотрудничества. Указанные принципы использования и охраны пресных вод не обладают иерархией, не вступают в противоречия между собой, гармонично дополняют друг друга и, в конечном счете, направлены на достижение единых целей – установление равенства государств при использовании ресурсов пресной воды, максимизацию благ от их использования и минимизацию экологических, экономических и иных потерь.

4. Право на воду является производным и служит необходимым условием реализации иных прав человека – права на жизнь; на наивысший достижимый уровень здоровья; на достаточный жизненный уровень; на человеческое достоинство; права на социальную защиту; на продовольственную безопасность; права на развитие и др. Выделение права на воду в качестве самостоятельного права способно затруднить его имплементацию, приведет к ограничению определенной эффективности

реализации иных прав, закрепленных в действующих международных договорах, а также к правовой неопределенности в системе прав человека.

5. Анализ норм международных договоров и доктринальных положений позволяет утверждать, что нормативное содержание права человека на воду сводится к возможности индивида требовать от государства и иных лиц:

- обеспечения ежедневно для удовлетворения своих повседневных потребностей не менее 20 литрами питьевой воды;
- предоставления безвредной, приемлемой по цвету, запаху и вкусу пресной воды;
- обеспечения доступности пресной воды в экономическом и физическом плане, т.е. не более чем в одном километре от домовладения и из безопасных источников снабжения.

При этом на государства возлагаются корреспондирующие данному праву обязанности по созданию максимально благоприятных условий получения воды для личных целей, а также по невмешательству и предотвращению подобных действий со стороны третьих лиц в процесс осуществления данного права индивидами путем принятия законодательных, административных, технических, экономических и иных мер, в том числе учреждению эффективных механизмов его защиты в случае нарушений.

6. Глобальное, региональное и локальное регулирование использования и охраны ресурсов пресной воды базируются на международно-правовой концепции устойчивого развития, которую следует воплощать на практике, прежде всего, через интегрированный подход к управлению водными ресурсами (далее – ИУВР). ИУВР характеризуется следующим:

- изменение подхода к управлению подземными водами и учет природных особенностей при регулировании отношений по их использованию и охране, принятие во внимание естественной взаимосвязи водных ресурсов с иными компонентами окружающей среды;

– активное вовлечение частных лиц в процессы управления в сфере отношений по использованию и охране пресной воды;

– принятие во внимание интересов особо уязвимых групп населения – коренные народы, женщины, дети и старики, лица с ограниченными возможностями, заключенные и находящиеся под стражей.

7. Анализ практики международных судебных учреждений по рациональному использованию пресной воды позволяет определить в качестве наиболее значимой проблемы международно-правового регулирования соотношение принципов использования трансграничных водных объектов и возможности одностороннего использования государством трансграничных водных объектов. В связи с чем предлагается закрепить в международных договорах норму о возможности использования трансграничных водных объектов в одностороннем порядке при должном учете интересов других разделяющих их государств.

Судебная практика свидетельствует о возможности международно-правового регулирования как односторонней, так и совместной деятельности государств относительно извлечения благ и охраны трансграничных ресурсов пресной воды. При этом принципы суверенитета государств на часть трансграничного водного объекта, справедливого и разумного использования, ненанесения значительного ущерба и сотрудничества характеризуются целевым единством и взаимодействием в установлении правового режима трансграничных ресурсов пресной воды.

Среди универсальных судебных учреждений только в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) имели место споры, связанные с необходимостью учета норм о правах человека при определении рационального использования пресной воды. Данная практика свидетельствует о растущем воздействии норм о правах человека на вопросы управления ресурсами пресной воды и в то же время отражает недостаточную проработанность содержания обязательств

государств по обеспечению населения питьевой водой и их соотношения с другими международными обязательствами.

8. Исследование практики региональных и национальных механизмов защиты прав человека в обеспечении рационального использования пресной воды свидетельствует об экологизации содержания основных прав и свобод индивида. Несмотря на то, что ни один из региональных международных договоров по защите прав и свобод человека прямо не закрепляет право на воду, учрежденные региональные и национальные механизмы защиты осуществляют его охрану путем расширительного толкования, выведения его из содержания следующих прав и свобод человека: право на жизнь; право на здоровье; свобода от пыток; право на человеческое достоинство; право на удовлетворительную окружающую среду; право на частную и семейную жизнь; право на жилище; право на справедливое судебное разбирательство.

Научная и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что проведенное исследование международно-правового регулирования рационального использования пресной воды и соотнесение требований международно-правовых актов с правоприменительной практикой позволит:

- расширить теоретико-правовую основу для дальнейшей разработки проблем, касающихся сферы рационального использования пресной воды;
- использовать новые подходы при обосновании рационального использования пресной воды;
- на основе установленных международно-правовых стандартов осуществить мониторинг российского законодательства с целью его совершенствования в области рационального использования пресной воды;
- обогатить новым теоретическим и эмпирическим материалом учебные курсы, преподаваемые в высших учебных заведениях («Право прав человека», «Региональные системы защиты прав человека», «Международное экологическое право» и др.).

Содержащиеся в работе конкретные предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере могут быть использованы при разработке международных договоров и национальных нормативно-правовых актов, при дополнении или изменении действующих двусторонних соглашений Российской Федерации о сотрудничестве в вопросах рационального использования пресной воды, а также в практической деятельности юристов, руководителей сферы государственного управления, участвующих в реализации государственной политики в области водопользования. Многие положения диссертационного исследования могут быть рекомендованы для использования при экспертизе нормативной правовой базы, а также выработке мер по ее развитию.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на кафедре международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основные выводы и положения были отражены в научных статьях, в том числе в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования основных результатов диссертационных исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Результаты исследования были обсуждены на различных научно-практических конференциях, круглых столах и школах молодых ученых, в числе которых XII Ежегодная международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права», посвященная памяти профессора И.П. Блищенко (Российский Университет Дружбы Народов, 11-12 апреля 2014 г.); IX Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 29-

30 мая 2014 года); Летняя школа молодых ученых – 2014 «Инновационные модели и технологии в юридической науке и образовании» (МГЮА, 23-29 июня 2014 г.); Зимняя школа молодых ученых – 2015 «Продвижение юридических школ на российском научном пространстве» (МГЮА, 30 января-04 февраля 2015 г.); Летняя школа молодых ученых – 2015 «Юридическое познание: теория, методология, практика» (МГЮА, 23-29 июня 2015 г.); и др.

Структура диссертационной работы предопределена целями и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списков сокращений, нормативных правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы.

Глава 1. Рациональное использование пресной воды как предмет международно-правового регулирования

§ 1.1. Пресная вода как объект международных экологических правоотношений

Проблемы рационального использования пресной воды в последние десятилетия особо остро стоят перед международным сообществом и становятся все более актуальными с каждым днем. Это проявляется в принимаемых международно-правовых актах², создании и деятельности международных организаций и учреждений по проблемам пресной воды³, а также в увеличивающемся количестве научных работ по правовым аспектам использования и охраны пресной воды.

Прежде всего, следует определиться с понятием пресной воды, для чего необходимо обратиться к данным естественных наук. Пресной считается

---

² См. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций от 08 сентября 2000 г. A/RES/55/2. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/559/53/PDF/N0055953.pdf> (дата обращения: 25.02.2015 г.). Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 15 (2002). Право на воду (статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), 29-я сессия, Женева, 11-29 ноября 2002. U.N. Doc. E/C.12/2002/11 (20.01.2003). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G03/402/31/PDF/G0340231.pdf> (дата обращения: 25.02.2015 г.). Гл. 18 Повестки дня на XXI век, принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 03-14 июня 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 25.02.2015 г.). Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. 04 сентября 2002 г. A/CONF.199/20. URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

³ Например, Механизм «ООН-водные ресурсы», в рамках которого взаимодействуют 26 организаций и учреждений системы ООН (ВМО, ВОЗ, ПРООН, ЮНЕП, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др.), Всемирный водный форум, Всемирный водный совет, Глобальное водное партнерство, Международный центр по оценке ресурсов подземных вод, Глобальный экологический фонд, Африканскую комиссию по грунтовым водам и др.

вода, соленость которой не превышает 0,1 ‰, или в которой содержание соли не превышает 3 грамм на литр⁴.

Другим критерием, отличающим пресную воду от морской, является функциональный. По мнению В.И. Данилова-Данильяна и К.С. Лосева, пресная вода обеспечивает три основные функции: 1) бытовое водопотребление и удовлетворение санитарно-гигиенических потребностей; 2) производство продовольствия; 3) производство энергии и промышленной продукции⁵. Комиссия международного права в комментариях к Проектам статей по праву трансграничных водоносных горизонтов 2008 г.⁶ также обращает внимание на указанные три отличительные функции пресной воды⁷. При этом использование пресной воды для питья и жизнеобеспечения человека является наиболее распространенным способом использования.

В международном праве пресная вода выступает в двух тесно взаимосвязанных качествах. Во-первых, в международном праве прав человека наблюдается тенденция к признанию в качестве одного из основных прав человека права на воду, под которым понимается возможность каждого человека требовать достаточного количества безвредной и доступной в экономическом и физическом плане питьевой воды для удовлетворения его повседневных потребностей. Пресная вода в данном случае выступает в качестве ресурса, без которого невозможно обеспечение и осуществление прав человека.

Второй аспект – это ресурс, отношения по управлению, использованию и охране которого регулируются нормами международного экологического права. Как отмечал В.М. Шуршалов, объектом международного права

---

⁴ de Chazournes L.V. *Freshwater in International Law*. Oxford University Press, 2013. P. 1.

⁵ Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды: экологический, экономический, социальный и политический аспекты. - М.: Наука, 2006. С. 8.

⁶ Проекты статей по праву трансграничных водоносных горизонтов с комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН А/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 18-85.

⁷ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 214.

выступают общественные отношения, а объектами же правоотношений выступают конкретные жизненные блага⁸. Таким образом, в случае с пресной водой объектом регулирующего воздействия норм международного экологического права являются отношения по управлению, использованию и охране трансграничных водных источников, а объектом складывающихся в результате регулирования правоотношений выступают содержащиеся в этих реках, озерах, каналах и ледниках ресурсы пресной воды. То есть вода выступает в качестве блага, по поводу которого складывается правовое взаимодействие субъектов.

При этом определенным приоритетом обладает первое качество. Международное право, будучи явлением социальным, как и право в целом, антропоцентрично. Нормы, направленные на охрану окружающей среды, ее компонентов, ресурсов, их устойчивое использование, имеют целью не сохранение указанных объектов как таковых, а создание максимально благоприятных условий для существования и развития человека путем сохранения благоприятной экологии⁹.

Нормы международного права прав человека, касающиеся рационального использования пресной воды, будут подробно проанализированы в главе 2 настоящего диссертационного исследования. В настоящем параграфе пресная вода рассматривается во втором качестве – как незаменимый природный ресурс, выступающий в качестве объекта международных экологических правоотношений.

Пресная вода содержится в различных естественных источниках. Л.Б. де Шазурн выделяет семь таких естественных «резервуаров»: атмосфера,

---

⁸ Шуршалов В.М. Международные правоотношения – М.: Международные отношения, 1971. С. 147.

⁹ Бринчук М.М. Потенциал природы как методологическое основание развития и совершенствования международного экологического права // Международное право – International Law. 2010. № 2 (42). С. 9. Traversi C. The Inadequacies of the 1997 Convention on International Water Courses and 2008 Draft Articles on the Law of Transboundary Aquifers // Houston Journal of International Law Vol. 33 No 2, 2011. P. 480.

океаны, реки, озера, почва, ледники, снежники и грунтовые воды¹⁰. По данным ООН имеющиеся запасы пресной воды распределены по источникам следующим образом: ледники - 85%, водоносные горизонты - 14%, озера и водохранилища - 0,6%, речные воды - 0,04%, почвенная влага - 0,3%, пары атмосферы - 0,06%¹¹. Объектами международно-правовых отношений указанные источники становятся в случае, когда они имеют трансграничный характер, либо расположены на международных пространствах. Хотя стоит отметить, что определенное косвенное воздействие международное право оказывает и на национальные пресноводные объекты¹².

Пресная вода, содержащаяся в парах атмосферы и почвенной влаге, не представляет особого значения в связи с ее расположением, ничтожно малым объемом и трудностями добычи. Однако следует отметить, что в последнее время в некоторых штатах США активно применяются технологии искусственного вызова дождей – «cloud seeding», суть которых заключается в распылении химикатов над облаком, которые при попадании в облако вызывают образование капель, и как следствие - дождь. При этом их применение выступает причиной множества конфликтов между соседними штатами¹³, т.к. нарушение естественного круговорота воды путем человеческого вмешательства приводит к засухам на сопредельных территориях и в целом к нарушению годового уровня осадков. Тем не менее, международные конфликты подобного рода до настоящего времени не имели места так же, как и не возникали какие-либо международные отношения

---

¹⁰ de Chazournes L.B. Op. cit. P. 4.

¹¹ The United Nations World Water Development Report 1 “Water for people, water for life”. P. 68. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001297/129726e.pdf> (дата обращения: 25.02.2015 г.).

¹² Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 200. International Law Association Committee on Water Resources Law (2004). Fourth Report, Berlin Conference (2004). P. 8. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/meetings/legal_board/2010/annexes_groundwater_paper/Annex_IV_Berlin_Rules_on_Water_Resources_ILA.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

¹³ de Chazournes L.B. Op. cit. P. 46.

относительно пресной воды, содержащейся в почвенной влаге и парах атмосферы¹⁴.

В настоящее время нормами международного права в большей степени урегулированы отношения по использованию и охране ресурсов пресной воды, содержащихся в реках, озерах, водохранилищах и водоносных горизонтах.

В международном праве и доктрине используются различные термины для обозначения перечисленных природных объектов: «международная река», «многонациональная река», «разделяемый водоток», «трансграничные водные ресурсы», «международный речной бассейн», «международный водоток», «трансграничный водоносный горизонт» и другие.

Хотя различная терминология и отображает неоднозначные подходы к пониманию и управлению трансграничными водными объектами, однако зачастую используются в одном и том же акте в качестве синонимичных либо без прояснения их соотношения между собой. Подобная ситуация не способствует эффективному управлению, использованию и охране трансграничных водных объектов, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе.

В настоящем исследовании хотелось бы уделить внимание другому, не менее значимому аспекту. Все обозначенные термины применяются к тем или иным природным объектам, в которых содержится пресная вода. В то же время в международном праве в последние десятилетия все более ясно проявляется тенденция к разграничению водных объектов, расположенных на территории двух и более государств и составляющих в силу своих

---

¹⁴ Следует отметить, что в настоящее время предпринимаются попытки научного осмысления технологий извлечения воды из облаков с позиции международного права. См. Dellapenna J.W. Adapting the law of water management to global climate change and other hydropolitical stresses // *The Journal of the American Water Resources Association* Vol. 35 No 6, 1999. P. 1301-1326. Majzoub T., Quillere-Mazjoub F., Abdel Raouf M., El-Majzoub M. "Cloud busters": Reflections on the Right to Water in Clouds and a Search for International Law Rules // *Colorado Journal of International Environmental Law and Policy* Vol. 20 No 3, 2009. P. 321-365. Smeardon E.T. Impact of global change on water resources // *Arizona Journal of International and Comparative Law* Vol. 9 No 1, 1992. P. 155-168.

физических свойств единое целое, и содержащихся в них ресурсов пресной воды. То есть трансграничный водный объект представляет собой единство, как минимум, двух компонентов: пресной воды и гидрологической системы резервуаров (в случае водотоков – это реки, озера, каналы, водохранилища, водоносные горизонты), в которых она пребывает. Следует отметить, что еще в Древнем Риме в реке выделяли три составляющих элемента: водный поток, ложе и берега; русла рек считались частью территории и подчинялись верховенству государства, а воды – общим достоянием римских граждан¹⁵.

Обозначенная тенденция не нашла отражения ни в отечественной науке международного права, ни в учебной литературе, ни в договорной практике нашего государства. В научных исследованиях либо вовсе не проводится разница между пресноводным объектом и его водами¹⁶, либо отмечается важность ресурсов воды, однако исследование все же акцентируется на трансграничном водном объекте¹⁷.

В учебной литературе также упор делается на водных объектах и рассматривается их правовой режим в рамках разделов, посвященных территории государства¹⁸, либо затрагиваются только вопросы охраны водных ресурсов и предотвращения загрязнения¹⁹. Следует отметить, что

---

¹⁵ Некотенева М.В. Правовые проблемы использования международных водотоков: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

¹⁶ Махкамбаев С.Д. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по использованию трансграничных водных ресурсов в регионе Центральной Азии: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 227 с. Некотенева М.В. Указ. соч.

¹⁷ Бекашев К.А. Правовой режим международных водотоков // Lex Russica. 2009. № 2. С. 475-476. Косарева М.А. Трансграничные природные ресурсы в международном праве: понятие, статус, режим: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 187 с.

¹⁸ Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук. изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 410-412. Международное публичное право: учеб. / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Проспект, 2011. С. 563-571. и др.

¹⁹ Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Р.М. Валеев и проф. Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2010. С. 96-101. Международное право: Учебник / Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 540-543.

аналогичный подход был характерен и для зарубежной учебной литературы по международному праву²⁰.

Немногочисленные двусторонние договоры Российской Федерации по водным вопросам также посвящены охране и рациональному использованию трансграничных водных объектов, а не их водных ресурсов. В качестве примеров можно назвать Соглашения о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины от 18.10.1992 г.²¹, Правительством Республики Беларусь от 24.05.2002 г.²², Правительством Республики Казахстан от 07.09.2010 г.²³, Правительством Республики Абхазия от 06.10.2011 г.²⁴ и др.

Кроме того, в отдельных договорах используется термин «трансграничные воды», однако фактически под этим термином понимаются трансграничные водные объекты. Согласно ст. 1 Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о рациональном использовании и

---

²⁰ Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Кн. 1 / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Прогресс, 1977. С. 389-395. Хименес де Аречага Э. Современное международное право / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Прогресс, 1983. С. 280-298.

²¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 18.10.1992 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/5A85B58DA1C4DC5D43257DEA0045BE7C (дата обращения: 25.02.2015 г.).

²² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Белоруссия о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 24.05.2002 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/467703258468E81443257DEA00458E7F (дата обращения: 25.02.2015 г.).

²³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 07.09.2010 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/2802AD59421F365743257DEA00459548 (дата обращения: 25.02.2015 г.).

²⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 06.10.2011 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/EBD534384FE2BB9643257DEA004591D1 (дата обращения: 25.02.2015 г.).

охране трансграничных вод от 29.01.2008 г.²⁵ под последними понимаются реки, озера, ручьи, болота, расположенные или пересекающие границы двух договаривающихся государств. К.А. Бекашев аналогичным образом трактует понятие «трансграничных вод», используемое в Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.²⁶

Подобная ситуация в целом объяснима ходом исторического развития сотрудничества государств по вопросам использования водных объектов, а также разработанными подходами к управлению трансграничными водными объектами. Однако современное развитие международных правоотношений в данной сфере требует перемен.

Исторически первым видом использования трансграничных водных объектов, вызвавшим необходимость международно-правового регулирования, явилось судоходство. Среди наиболее ранних международных договоров, касающихся судоходства, можно назвать Заключительный акт Венского конгресса от 09.06.1815 г.²⁷, Барселонскую конвенцию и статут о режиме судоходных путей международного значения от 20.04.1921 г.²⁸, договоры о режимах судоходства по отдельным рекам и др.

С начала XX столетия начала назреть необходимость в регулирующем воздействии международного права на несудоходные виды использования международных рек и озер. Однако вплоть до 60-70-х годов XX в. международные акты не затрагивали вопросы использования водных ресурсов трансграничных водных объектов для удовлетворения потребностей людей в питьевой воде, санитарии или для иного

---

²⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о рациональном использовании и охране трансграничных вод от 29.01.2008 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/034CFEA1C9A4508A43257DEA004592E4 (дата обращения: 25.02.2015 г.).

²⁶ Международное публичное право: учеб. / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]. С. 568.

²⁷ Food and Agriculture Organization of the United Nations. Development Law Service. Sources of International Water Law FAO legislative study 65. Food & Agriculture Org., 1998. P. 5-7.

²⁸ Ibid. P. 7-20.

жизнеобеспечения человека. Тем не менее, именно с началом международно-правового регулирования несудоходных видов использования начинает проявляться необходимость разграничения трансграничных водных объектов и содержащихся в них ресурсов воды, приобретающая ярко выраженные черты в конце XX - начале XXI вв. в связи с нарастающим дефицитом ресурсов пресной воды.

Так, одним из первых международных актов относительно несудоходного использования международных водотоков является Мадридская декларация Института международного права от 20.04.1911 г. «Международные правила по использованию международных водотоков для целей иных, чем судоходство». 09 декабря 1923 г. в Женеве была принята Конвенция об устройстве гидротехнических сооружений, затрагивающих интересы более чем одного государства. Также следует упомянуть Декларацию Панамериканского союза относительно промышленного и сельскохозяйственного использования международных рек, принятую 24.12.1933 г. в Монтевидео²⁹.

Обозначенные акты не затрагивали проблем использования вод для удовлетворения питьевых и иных насущных потребностей человека, в качестве объекта регулирования выступали отношения по промышленному и сельскохозяйственному использованию международных водотоков. Кроме того, во всех перечисленных документах отмечается приоритет использования водотоков для целей судоходства над промышленным и сельскохозяйственным водопользованием³⁰.

Ситуация меняется с 60-х гг. XX в. Активную деятельность по кодификации норм конвенционного и обычного международного права относительно использования международных водотоков в данный период вела Ассоциация международного права (далее - АМП). В 1956 г. в г.

---

²⁹ Ibid. P. 269-270, 21-26, 200-202.

³⁰ Подпункт 4 п. 2 Декларации 1911 г., ст. 8 Конвенции 1923 г., п. 5 Декларации 1933 г.

Дубровник ею принята Резолюция «Заявление о принципах»³¹. Резолюция касалась всех видов использования международных рек, а не только судоходства, промышленного и сельскохозяйственного водопользования. В п. 5 перечислялись факторы, которые следует учитывать при заключении соглашений по международной реке и разрешении споров относительно видов использования. Кроме того, в положениях данного документа проводится различие между международной рекой, как единым целым, и ее водами.

Резолюция АМП об использовании вод международных рек 1958 г.³², принятая в Нью-Йорке, также касалась всех видов водопользования, при этом определение их приоритетности оставлено на усмотрение прибрежных государств с учетом совета технического эксперта. Резолюцией введено понятие международного водосборного бассейна, включающего систему рек и озер. При этом сохранен подход к разграничению водных объектов и их водных ресурсов.

Схожие положения содержатся в Декларации Буэнос-Айрес Межамериканской ассоциации адвокатов 1957 г.³³, которая касалась различных видов использования систем международных вод - водотока или системы рек или озер, которые пересекают или разделяют территории двух и более государств. Однако учрежденный во исполнение рекомендаций рассматриваемой декларации Постоянный комитет по использованию международных рек и озер сосредоточил внимание на промышленных, сельскохозяйственных и коммерческих целях использования вод. В результате чего в сентябре 1965 г. Организацией американских государств на конференции в Рио-де-Жанейро был принят Проект Конвенции о промышленном и сельскохозяйственном использовании международных рек

---

³¹ Ibid. P. 283-284.

³² Ibid. P. 285-286.

³³ Ibid. P. 327-328.

и озер³⁴, содержащий нормы аналогичные положениям ранее рассмотренных актов начала XX в. Дальнейшая работа Межамериканской ассоциации адвокатов относительно вод также касалась проблем промышленного, сельскохозяйственного и коммерческого использования международных рек и озер³⁵.

В 1966 г. АМП приняла Хельсинкские правила использования вод международных рек³⁶. Это первый значительный акт, в котором кодифицированы нормы относительно различных видов использования вод международных рек и озер. В ст. 1 отмечается, что положения документа применяются к использованию вод международных водосборных бассейнов. Под международным водосборным бассейном понимается географическое пространство, охватывающее два или более государства и определенное границами водосбора системы вод, включая поверхностные и подземные воды, впадающие в общий конечный пункт. Фактически Правила 1966 г. разграничили водные ресурсы и водные объекты, составляющие международный водосборный бассейн.

Положения глав 4 и 5 Правил 1966 г., содержащих нормы о судоходстве и сплаве леса, также указывают на разграничение водных ресурсов и водных объектов водосборного бассейна. Глава 4 оперирует понятиями «река» и «озеро», разделяющие или пересекающие границы двух или более государств, глава 5 - «водоток», который может быть судоходным или не судоходным, т.е. для целей судоходства и сплава леса была закреплена значимость использования самого трансграничного водного объекта как единого целого, а не отдельно его водных ресурсов.

---

³⁴ Ibid. P. 48-50.

³⁵ Inter-American Bar Association. Resolution of San Jose 15 April 1967 & Resolution of Caracas 08 November 1969 // Sources of International Water Law FAO legislative study 65. P. 329-332.

³⁶ The Helsinki Rules on the Uses of the Waters of International Rivers 1966. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/meetings/legal_board/2010/annexes_groundwater_paper/Annex_II_Helsinki_Rules_ILA.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

В пользу данного вывода также говорит принятие АМП в 1980 г. в Белграде Статей о взаимоотношении между водой, другими природными ресурсами и окружающей средой³⁷. В них особо отмечается, что в соответствии со ст. 4 Хельсинкских правил 1966 г. использование государством воды и других природных ресурсов не должно причинять значительный ущерб естественному состоянию вод и окружающей среды других государств.

Подобный подход АМП был воспринят Азиатско-африканским правовым консультативным комитетом (в настоящее время Азиатско-африканская правовая консультативная организация) в Нью-Дельфийском Проекте Предложений по праву международных рек 1973 г.³⁸ Более того, Комитет закрепил правило, согласно которому в случае коллизий между видами использования вод международного водосборного бассейна особое значение должно отдаваться использованию, являющемуся основой для жизни, как потребительское водопользование.

Практически в это же время на региональном уровне принимаются акты, в которых вода признается в качестве уникального природного ресурса, который не является неисчерпаемым. Так, ст.ст. 1 и 2 Европейской водной хартии 1967 г.³⁹ подчеркивают, что ресурсы пресной воды исчерпаемы и являются незаменимыми для человека. В ст. 11 подчеркивается необходимость бассейнового управления водными ресурсами и дается определение водосборного бассейна как водотоков, рек и их притоков.

---

³⁷ International Law Association. Articles on the Relationship between Water, Other Natural Resources and the Environment - Belgrade, 1980 // Sources of International Water Law FAO legislative study 65. P. 313.

³⁸ Draft Proposition on the Law of International Rivers 18 January 1973, New Delhi // Sources of International Water Law FAO legislative study 65. P. 212-214.

³⁹ Council of Europe. The Committee of Ministers. Resolution 67 (10) European Water Charter 26 May 1967. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=640943&Site=COE> (дата обращения: 25.02.2015 г.).

Африканская конвенция о сохранении природы и природных ресурсов 1968 г.⁴⁰ призывает государства к разработке политики по развитию и рациональному использованию поверхностных и подземных водных ресурсов, которая будет гарантировать их населению достаточное и продолжительное обеспечение приемлемой водой.

Признание воды в качестве незаменимого количественно ограниченного природного ресурса имело место и на глобальном уровне. Принцип 2 и Рекомендация 51 Стокгольмской Декларации ООН по проблемам охраны окружающей среды 1972 г.⁴¹ призывают к сохранению водных ресурсов для выгод настоящего и будущих поколений, а также к их рациональному использованию.

По результатам Конференции по воде и окружающей среде, проходившей 26-31 января 1992 г. в Дублине (Ирландия), были приняты Руководящие принципы⁴². Принцип 1 признает пресную воду в качестве ограниченного и уязвимого ресурса, необходимого для поддержания жизни, развития и окружающей среды.

В целом подход к разграничению водных ресурсов и трансграничных водных объектов сохранялся почти во всех последующих актах по водной проблематике, принятых различными организациями и учреждениями⁴³.

---

⁴⁰ African Convention on the Conservation of Nature and Natural Resources. Algiers, 15 September 1968. URL: <http://www.african-court.org/pt/images/documents/Sources%20of%20Law/Conservation%20of%20Nature/nature%20eng.pdf> (дата обращения: 25.02.2015 г.).

⁴¹ Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды Стокгольм, 1972 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 25.02.2015 г.).

⁴² The Dublin Statement - Dublin, 31 January 1992. URL: <http://www.wmo.int/pages/prog/hwrp/documents/english/icwedece.html> (дата обращения: 25.02.2015 г.).

⁴³ Draft European Convention for the Protection of International Watercourses against Pollution - Strasbourg, February 1974; Declarations and Resolutions of the United Nations Water Conference - Mar del Plata, March 1977; Resolution on International Water Resources Administration - Madrid, 1976; Regulation of the Flow of Water of International Watercourses - Belgrade, 1980; Complementary Rules Applicable to International Water Resources - Seoul, 1986 и др.

Кроме того, с 1971 г. КМП занималась темой «Право несудоходного использования международных водотоков». Работа над ней была завершена в 1994 г. представлением Проектов статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков, на основе которых в 1997 г. была принята Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков⁴⁴, вступившая в силу 17.08.2014 г.

Конвенция 1997 г. еще более четко отразила необходимость разграничения международных водотоков и их вод. В качестве сферы применения ст. 1 Конвенции 1997 г. указывает на несудоходное использование международных водотоков и их вод, а также меры по защите, сохранению и управлению при таком использовании этих водотоков и их вод. В комментариях к данной статье КМП отмечает, что включение слов «и их вод» было обусловлено необходимостью исключить многочисленные вопросы о том, применяются ли статьи только к «каналу» или включают и его воды. Более того, подчеркивалось, что статьи применимы не только к содержащимся в водотоке, но также к изъятым из него водам⁴⁵.

Данная мысль далее развита при комментировании понятия водотока. Так, отмечается, что слово «находятся» (имеются в виду части водотока) относится к каналу, дну озера или водоносному горизонту, которые статичны, не подвижны, а содержащаяся в них вода – в постоянном движении. Система поверхностных или грунтовых вод раскрывается как гидрологическая система, состоящая из ряда различных компонентов как на, так и под поверхностью земли, через которые течет вода. К ним, в частности, относятся реки, озера, водоносные горизонты, ледники, водохранилища и каналы⁴⁶.

---

⁴⁴ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 25.02.2015 г.).

⁴⁵ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 89.

⁴⁶ Ibid. P. 90.

Дальнейшая деятельность КМП по кодификации и прогрессивному развитию международного права также подтверждает подход к разграничению водного объекта и содержащихся в нем ресурсов пресной воды. Несмотря на усилия специального докладчика Р. Розенстока, в сферу действия Проектов статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1994 г. и соответственно Конвенции 1997 г. не вошли «замкнутые» водоносные горизонты. Работа по кодификации, а в данном случае скорее по прогрессивному развитию, права водоносных горизонтов началась с 2002 г. и закончилась в 2008 г. принятием Проектов статей по праву трансграничных водоносных горизонтов.

В контексте разграничения водных объектов и содержащихся в них водных ресурсов сразу же привлекает внимание название темы работы КМП относительно водоносных горизонтов – «Общие природные ресурсы», в рамках которой помимо водных ресурсов, содержащихся в водоносных горизонтах, предполагалось рассмотреть международные нормы, применимые к ресурсам нефти и газа. Как отмечали члены Комиссии, «воду необходимо рассматривать как принадлежащий государству ресурс, как нефть и газ, признанные объектом суверенитета»⁴⁷.

Г. Экштейн, комментируя Проекты статей 2008 г., указывает на их сходство с Конвенцией 1997 г. в плане применения к использованию ресурсов воды, включая меры по охране, сохранению и управлению ими⁴⁸.

Хотя работа относительно ресурсов нефти и газа была впоследствии прекращена по политическим соображениям, специальный докладчик Т. Ямада настаивал на принятии проектов о праве трансграничных водоносных горизонтов исходя из важности воды для питья, санитарии, сельского хозяйства и животноводства. При этом особо отмечается как в преамбуле, так

---

⁴⁷ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии: док. ООН А/59/10. Нью-Йорк: ООН, 2004. С. 134.

⁴⁸ Eckstein G. Commentary on the U.N. International Law Commission's Draft Articles on the Law of Transboundary Aquifers // Colorado Journal of International Environmental Law and Policy Vol. 18 No 3, 2007. P. 545.

и в комментариях, что в Проектах статей речь идет именно о пресной воде, жизненно необходимой для человека⁴⁹.

Рассмотрим более подробно понимание КМП водоносного горизонта. Водоносный горизонт определен как единство двух элементов: геологическая порода, выступающая резервуаром, и содержащаяся в ней вода⁵⁰.

Подобный подход Комиссии критикуется в научной литературе. Так, К. Траверси отмечает необходимость смещения внимания от геологической породы к самой воде, что сблизит Проекты статей 2008 г. с предметом Конвенции 1997 г., устранив возможные проблемы с суверенитетом и обеспечит применение концепции разделяемых ресурсов⁵¹. С позицией ученого трудно согласиться. Во-первых, Проекты статей 2008 г. во многом основаны на положениях, разработанных Комиссией в рамках права несудоходных видов использования международных водотоков, и демонстрируют единый подход к выделению в трансграничном водном объекте, как минимум, двух тесно взаимосвязанных элементов: «резервуара» и содержащейся в нем воды. Именно наличие резервуара в виде геологической породы делает возможным накопление и дальнейшее изъятие значительных объемов воды. Кроме того, такое понимание водоносного горизонта соответствует современным представлениям гидрологии и гидрогеологии о гидрологических системах, что предотвращает возможные проблемы их применения юристами и иными пользователями.

Во-вторых, акцентирование внимания исключительно на водной составляющей, наоборот, приведет к коренным различиям с положениями Конвенции 1997 г., сузит сферу охвата и существенно снизит эффективность норм права трансграничных водоносных горизонтов. Проекты 2008 г. применимы к трем видам деятельности:

---

⁴⁹ Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН А/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 39.

⁵⁰ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 203.

⁵¹ Traversi С. Op. cit. P. 473.

- использованию трансграничных водоносных горизонтов;
- иным видам деятельности, способным оказать воздействие на водоносные горизонты;
- мерам защиты, сохранения и управления водоносными горизонтами.

Объектом использования является, прежде всего, пресная вода водоносных горизонтов, что отмечается и самой Комиссией⁵². Однако, использоваться может и геологическая порода. В частности, в рамках франко-женевского водоносного горизонта она используется для очистки вод путем искусственной подпитки, т.к. это оказалось экономически эффективнее строительства очистных сооружений⁵³. Иные виды деятельности, которые могут оказать воздействие на водоносный горизонт, также могут быть связаны с геологической породой, например, возможно разрушение последней при строительстве туннелей. Другим примером, может служить добыча минеральных ресурсов, содержащихся в геологической породе, выступающей резервуаром для грунтовых вод.

В-третьих, Комиссия начала разработку темы водоносных горизонтов, в связи с убежденностью в том, что положения Проектов статей 1994 г. и Конвенции 1997 г. не применимы к неподпитываемым водоносным горизонтам. КМП изначально не ставила целью разработку максимально схожих правил регулирования использования водотоков и водоносных горизонтов. Крайняя важность грунтовых вод, их исчерпаемый характер, даже в случаях подпитываемых водоносных горизонтов, особая уязвимость водоносных горизонтов вызвали необходимость разработки особых правил использования, сохранения и управления ими.

---

⁵² Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии: док. ООН А/59/10. Нью-Йорк: ООН, 2004. С. 136.

⁵³ Wohlwend B.J. An Overview of Groundwater in International Law. A case study: The Franco-Swiss Genevese Aquifer. 2007. URL: <http://www.bjwconsult.com/The%20Genevese%20Aquifer.pdf> (дата обращения: 25.02.2015 г.).

В-четвертых, вода водоносного горизонта, будь то подпитываемого или неподпитываемого, участвует в гидрологическом цикле и в силу своих естественных свойств находится в постоянном движении. Поэтому необходимость международного сотрудничества в освоении ресурсов пресной воды вызывает расположение содержащей их геологической породы на территориях двух или более государств. От правового режима геологической породы зависят права государств на содержащиеся в ней ресурсы пресной воды.

Рассматривая вопрос о разграничении водных объектов и содержащихся в них ресурсов пресной воды, невозможно не обратиться к Берлинским правилам по водным ресурсам⁵⁴, принятым АМП в 2004 г. Правила 2004 г. явились результатом модернизации Хельсинкских правил 1966 г. с учетом сложившейся государственной практики за четыре десятилетия существования Правил 1966 г., практики КМП ООН, развития новых институтов международного гуманитарного права и права прав человека, связанных с водными ресурсами.

В Берлинских правилах внимание нормотворцев значительно более смещено в сторону ресурсной составляющей водных объектов - впервые дается понятие водной среды, вод, подземных вод, управления водами. Об акцентировании внимания на водных ресурсах международных бассейнов также свидетельствует наличие в Правилах 2004 г. норм о правах лиц на доступ к воде, информации о водных ресурсах, на участие в управлении ими, охране вод во время войны или вооруженных конфликтов, включенные как новые и развивающиеся институты тех или иных отраслей международного права. Тем не менее, наряду с обозначенными терминами употребляются такие понятия как водный объект, водоток, водоносный горизонт, водосборный бассейн и другие, что свидетельствует о тесной связи двух

---

⁵⁴ International Law Association Committee on Water Resources Law (2004). Fourth Report, Berlin Conference (2004).

компонентов трансграничного водного объекта – «резервуара» и пресной воды.

Хотя трансграничные реки, озера, водохранилища, водоносные горизонты и являются в настоящий момент основными эксплуатируемыми источниками пресной воды, однако большая ее часть заключена в ледниках. Основное скопление ледниковых запасов пресной воды приходится на полярные регионы Земли и Гренландию. С международно-правовой позиции интерес представляют ледники Антарктики и Арктики, т.к. Гренландия является частью Дании. Следует оговориться, что по геофизическим свойствам льды делятся на ледники, айсберги, ледяные скопления и шельфовый лед⁵⁵. С точки зрения использования как источников пресной воды внимание государств привлекают ледники и айсберги. Проекты по использованию полярных ледников предлагаются с 1970-х гг. и разрабатываются по сей день⁵⁶. В науке международного права также предпринимаются попытки определения правового режима льдов полярных регионов.

До настоящего времени нет единства мнений относительно правового режима льдов. Некоторые ученые приравнивают их к минеральным ресурсам, однако наблюдается тенденция к рассмотрению их в качестве водных ресурсов.

Так, Л.Б. де Шазурн пишет, что льды рассматриваются в качестве минеральных ресурсов по Договору об Антарктике 1959 г.⁵⁷ Мадридский протокол 1991 г. по охране окружающей среды⁵⁸ фактически исключил разработку льдов из числа допустимых видов деятельности относительно

---

⁵⁵ Joyner C.C. Ice-Covered Regions in International Law // Natural Resources Journal Vol. 31, 1991. P. 213-242.

⁵⁶ Spandonide B. Iceberg water transportation from Antarctica to Australia: PhD thesis, University of Tasmania, 2012. 539 p.

⁵⁷ Договор об Антарктике от 01 декабря 1959 г. URL: http://www.ats.aq/documents/ats/treaty_original.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

⁵⁸ Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике от 04 октября 1991 г. URL: http://www.ats.aq/documents/recatt/att006_r.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

минеральных ресурсов. Однако не исключена возможность их разработки в будущем путем исключения из-под действия ст. 7 Протокола 1991 г.⁵⁹

Как замечает Й. Маковски, лед следует признать особого рода элементом окружающей среды, требующим самостоятельного определения и регулирования⁶⁰.

К. Джойнер указывал на возможность присвоения айсбергов как водного ресурса любым государством⁶¹.

Х. Винуалес пишет, что на ледниковую пресную воду не распространяются режимы «живых ресурсов» и «минеральных ресурсов» в рамках режима Антарктики, их использование опосредовано нормами иных правовых режимов, применимых по аналогии⁶².

Рассмотрение ледников и айсбергов в качестве ресурсов пресной воды представляется более убедительным как с точки зрения их физикохимической природы, так и с правовой позиции. Понятие минеральных ресурсов содержится в Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г.⁶³ Согласно п. 6 ст. 1 данной Конвенции под термин «минеральные ресурсы» подпадают неживые природные невозобновляемые ресурсы, включая горючие ископаемые, металлические и неметаллические минералы. Следует отметить, что в отличие от минеральных ресурсов ледники и айсберги являются возобновляемыми. Ежегодно по сезонам от Антарктики отделяется огромное количество айсбергов, сокращается площадь ледяного покрова, однако впоследствии она снова восстанавливается.

---

⁵⁹ de Chazournes L.B. Op. cit. P. 42.

⁶⁰ Machowski J. The status of polar ice under international law // Polish Polar Research Vol. 13 No 2, 1992. P. 159.

⁶¹ Joyner C.C. The Status of Ice in International Law // The Law of the Sea and Polar Maritime Delimitation and Jurisdiction. – ed. by Oude Elferink A.G., Rothwell D.R. – The Hague, 1991. P. 38.

⁶² Vinuales J.E. Iced Freshwater Resources: A Legal Exploration // Yearbook of International Environmental Law Vol. 20, 2009. P. 189.

⁶³ Convention on the Regulation of Antarctic Mineral Resource Activities 02 June 1988. URL: http://www.ats.aq/documents/recatt/Att311_e.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

Кроме того, в Заключительном акте Четвертого Специального Консультативного Совещания по Договору об Антарктике 1988 г., на котором была принята рассматриваемая Конвенция, отмечается, что минеральные ресурсы, как они определены в п. 6 ст. 1 Конвенции 1988 г., не включают лед, и что возможность добычи льда Антарктики следует рассмотреть на будущих Консультативных совещаниях Сторон⁶⁴.

На следующем Консультативном совещании Сторон, состоявшемся в 1989 г. в Париже, была принята Рекомендация XV-21 «Использование антарктических льдов»⁶⁵. Рекомендация отмечает, что антарктические льды являются крупнейшим в мире источником пресной воды, правильно отработанная технология обеспечила бы возможность использования айсбергов для удовлетворения потребности в пресной воде. В рассматриваемом документе проявлен предосторожный подход – использование антарктических льдов для удовлетворения питьевых нужд признано нежелательным до проведения научных исследований на предмет возможного негативного воздействия подобной деятельности на уникальную среду Антарктики, а также зависимых и взаимосвязанных с ней экосистем. В Рекомендации Правительствам предлагается осуществлять обмен информацией об эксплуатации айсбергов, технологиях и возможных неблагоприятных последствиях для окружающей среды; проводить научные исследования, в частности в рамках Научного комитета по антарктическим исследованиям; включить в повестку дня XVI Консультативного Совещания по Договору об Антарктике пункт об использовании антарктических льдов.

Рекомендация XV-21 вступила в силу лишь через 15 лет, 29.01.2004 г., после ее одобрения Бельгией, последней из стран, одобрение которых

---

⁶⁴ Final Report of the Fourth Special Antarctic Treaty Consultative Meeting on Antarctic Mineral Resources. 02 June 1988. P. 39. URL: http://www.ats.aq/documents/SATCM4_12/fr/SATCM4_12_fr001_e.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

⁶⁵ Рекомендация Консультативного Совещания по Договору об Антарктике XV-21 от 20 октября 1989 г. URL: http://www.ats.aq/documents/SATCM4_12/fr/SATCM4_12_fr001_e.pdf (дата обращения: 25.02.2015 г.).

является обязательным для вступления меры в силу. К сожалению, до настоящего времени данный вопрос более не рассматривался на совещаниях Консультативных Сторон Договора об Антарктике.

В отличие от Антарктики в арктическом регионе отсутствует специальный договорный режим. К деятельности по использованию Арктики будут применяться общие нормы международного права, в частности, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., а также в определенных случаях законодательство приарктических государств. Правовой режим ледников и айсбергов в данном регионе будет различен в зависимости от пространственного расположения, что будет более подробно раскрыто в следующем параграфе.

Возвращаясь к проблеме разграничения трансграничных водных объектов и содержащихся в них ресурсов пресной воды, хочется отметить, что относительно ледников и айсбергов с определенной условностью также можно провести подобное разделение. В случае ледников и айсбергов роль «резервуара» фактически играет форма, в которой находится пресная вода, обеспечивающая ее обособление от иных компонентов окружающей среды.

Как отмечалось ранее, Комиссия международного права включила ледники в перечень компонентов гидрологической системы, в которых протекают поверхностные и подземные воды, наравне с реками, озерами, водоносными горизонтами и др. Комментарий КМП касается ледников, расположенных на территории двух и более государств, либо на территории одного государства, но составляющих в силу своей физической взаимосвязи единое целое с другими водными объектами, пересекающими или расположенными на государственных границах.

Подход Комиссии применим и ко льдам полярных регионов Земли, учитывая единую природу с трансграничными ледниками. При этом права государств на содержащиеся в них ресурсы пресной воды будут различны в зависимости от территориального местонахождения.

В заключение следует подчеркнуть, в международном праве пресная вода выступает в двух тесно взаимосвязанных качествах. Во-первых, в международном праве прав человека наблюдается тенденция к признанию в качестве одного из основных прав человека права на воду, пресная вода в данном случае выступает в качестве ресурса, без которого невозможно обеспечение и осуществление прав человека. Второй аспект – это ресурс, отношения по управлению, использованию и охране которого регулируются нормами международного экологического права. Объектом регулирующего воздействия норм международного экологического права являются отношения по управлению, использованию и охране трансграничных водных источников, а объектом складывающихся в результате регулирования правоотношений выступают содержащиеся в этих реках, озерах, каналах и ледниках ресурсы пресной воды.

Из семи естественных источников пресной воды регулирующее воздействие международных норм осуществляется на отношения по использованию и охране международных водотоков, трансграничных водоносных горизонтов, ледников и айсбергов, расположенных на международных пространствах. Указанные источники с точки зрения современного международного права представляют собой единство двух тесно связанных между собой компонентов: гидрологической системы резервуаров и содержащихся в них ресурсов пресной воды. При этом если в начале XX в. приоритетным видом использования международных водотоков являлось судоходство, то в настоящее время первостепенная роль отводится использованию ресурсов пресной воды для удовлетворения насущных потребностей человека.

§ 1.2. Международно-правовые принципы использования пресной воды

В отечественной литературе при изучении отдельных отраслей и институтов права традиционно уделяется особое внимание принципам, на которых базируется нормотворчество и правоприменительная практика в той или иной сфере общественной жизни. В настоящем параграфе исследования рассматриваются нормативные и доктринальные подходы к определению перечня, содержания и соотношения принципов, служащих в качестве руководящих начал для правового регулирования отношений по использованию ресурсов пресной воды.

В настоящее время в значительной степени развиты и исследованы в юридической науке принципы, касающиеся использования и охраны ресурсов пресной воды, содержащихся в реках, озерах, водохранилищах, и, в меньшей степени, в водоносных горизонтах.

Одним из универсальных документов, содержащих принципы использования пресноводных ресурсов, является Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. Конвенция базируется на Проектах статей 1994 г., принятых КМП ООН, и должна служить ориентиром для развития двустороннего и регионального сотрудничества по вопросам водопользования. В связи с неохотной ее ратификацией государствами в литературе высказывались сомнения о легитимности и правовой ценности ее положений⁶⁶. Однако спустя 17 лет необходимый минимум ратификаций был достигнут, и 17 августа 2014 г. она вступила в силу.

Конвенция 1997 г. установила четыре принципа использования международных водотоков: а) справедливое и разумное использование; б)

---

⁶⁶ Dellapenna J., Gupta J. Toward Global Law on Water // *Global Governance* Vol. 14, 2008. P. 447. Zaharia F. The Law of Transboundary Aquifers in Practice – the Mures Alluvial Fan Aquifer System (Romania / Hungary) // *International Community Law Review* Vol. 13, 2011. P. 304.

ненанесение значительного ущерба; в) сотрудничество; г) регулярный обмен данными и информацией.

Среди значимых региональных международных договоров в свете рассматриваемого вопроса можно назвать Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.⁶⁷ (далее – Конвенция ЕЭК 1992 г.). Согласно п. 5 ст. 2 Конвенции 1992 г. деятельность Сторон по использованию и охране трансграничных пресноводных объектов базируется следующих трех принципах: а) принятия мер предосторожности; б) «загрязнитель платит»; в) устойчивого развития.

Иным широкоизвестным региональным соглашением, закрепившим принципы использования и охраны пресноводных объектов, является Пересмотренный протокол по разделяемым системам водотоков 2000 г.⁶⁸ (далее – Пересмотренный протокол 2000 г.) к Договору о Сообществе развития Юга Африки от 1992 г. Данный документ в ст. 2 закрепил в качестве основных начал сотрудничества государств региона по использованию и охране водотоков следующие принципы: а) общности интересов; б) устойчивого развития; в) сотрудничества; г) обмена доступной информацией и данными; д) справедливого использования; е) принцип разрешительного порядка использования водотока (за исключением бытового водопользования); ж) незамедлительного уведомления при чрезвычайных ситуациях; з) недопущения привнесения чужеродных видов в экосистему водотока; и) предотвращения загрязнения и экологической деградации; к) мирного использования водотока.

Принципы использования пресной воды также находят отражение в двусторонних соглашениях. Так в двусторонних соглашениях Российской

---

⁶⁷ Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 18.07.2015 г.).

⁶⁸ Revised Protocol on Shared Watercourses 07 August 2000. URL: http://www.sadc.int/files/3413/6698/6218/Revised_Protocol_on_Shared_Watercourses_-_2000_-_English.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Федерации в качестве основ сотрудничества по использованию и охране трансграничных вод, как поверхностных, так и подземных, обозначены следующие принципы⁶⁹: а) справедливое и разумное использование; б) непричинение ущерба; в) сотрудничество; г) обмен информацией; д) взаимовыгодное и равноправное управление⁷⁰.

В отечественной и зарубежной юридической науке также уделяется внимание принципам использования и охраны трансграничных ресурсов пресной воды. При этом в работах юристов-международников, посвященных данному вопросу, различается не только перечень таких принципов, но и их нормативное содержание и соотношение между собой.

Исходя из положений Конвенции 1997 г. и Конвенции 1992 г. А.Н. Вылегжанин и Е.Е. Тертус относят к руководящим началам «международного водного права» принципы справедливого и разумного использования, непричинения значительного ущерба, сотрудничества, регулярного обмена данными и информацией, принятия мер предосторожности, «загрязнитель платит», устойчивого развития⁷¹.

По мнению К.А. Бекашева, о возможном формировании новой отрасли международного права – права международных водотоков – свидетельствуют наличие принципов: 1) оптимального и рационального использования ресурсов водотока; 2) недопущения дискриминации в использовании

---

⁶⁹ См. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов 24.05.2002 г.; Правительством Китайской Народной Республики о рациональном использовании и охране трансграничных вод 29.01.2008 г.; Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур от 03.09.2010 г.; Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов 07.09.2010г.; Правительством Республики Абхазия о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 06.10.2011 г. и др.

⁷⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии по охране и использованию трансграничных вод 11.02.1995 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3282> (дата обращения: 18.07.2015 г.).

⁷¹ Вылегжанин А.Н., Тертус Е.Е. Международное водное право как учебная дисциплина // Московский журнал международного права. 2015. № 1 (97). С. 72-77.

пространств и ресурсов международных водотоков; 3) предотвращения загрязнения международных водотоков; 4) свободы судоходства по трансграничным водотокам; 5) принятия мер предосторожности⁷².

С.А. Гуреев и И.Н. Тарасова в качестве принципов использования международных рек и озер называют: 1) суверенитет государства на принадлежащий ему участок реки; 2) равенство прибрежных государств; 3) разумное совмещение различных видов деятельности при отсутствии приоритета одного из них; 4) разумное и справедливое использование; 5) ненанесение значительного ущерба; 6) сохранение и защита экосистем международных рек и озер; 7) свобода судоходства⁷³.

М.В. Некотенева предлагает разделять принципы использования международных водотоков на общие и специальные. К числу первых автор относит принципы суверенитета прибрежных государств на свои участки водотоков, равенства прибрежных государств в использовании водотока, сотрудничества, ко второй группе – принципы свободы судоходства, рационального использования международных пресноводных ресурсов и предотвращения загрязнения окружающей среды⁷⁴.

С.Д. Махкамбаев, рассматривая право трансграничных водных ресурсов как новый институт международного экологического права, в качестве его специальных принципов выделяет: а) международное сотрудничество; б) суверенитет прибрежного государства на принадлежащий ему участок трансграничного водотока; в) равенство прибрежных государств в использовании всего течения трансграничного водотока; г) разумное совмещение различных видов деятельности государств на трансграничных водотоках при отсутствии приоритета какого-либо одного из них; д) справедливое и разумное использование трансграничных водотоков; е)

---

⁷² Бекашев К.А. Правовой режим международных водотоков. С. 476-478.

⁷³ Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право: Учебное пособие / под ред. С. А. Гуреева. – М.: Юридическая литература, 2004. С. 36-50.

⁷⁴ Некотенева М.В. Правовые проблемы использования международных водотоков: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

ненанесение значительного ущерба другим государствам при использовании трансграничных водотоков; ж) сохранение и защиту экосистем трансграничных водотоков⁷⁵.

Д.А. Капонера (Италия) отмечает, что выработанные принципы международного водного права базируются на двух основных положениях: а) общие ресурсы подлежат справедливому разделению между прибрежными государствами с учетом ограниченного суверенитета, обязательства сотрудничать по развитию и защиты общих ресурсов; б) государства ответственны за значительный трансграничный ущерб⁷⁶.

Ключевым принципом международного водного права, по мнению Дж. Деллапенна (США), является принцип суверенитета над водными ресурсами, ограничиваемый принципами справедливого использования и непричинения ущерба. В настоящее время появились еще два новых принципа водного права: включение частного сектора в управление водными ресурсами и принцип необходимости общественного обсуждения вопросов управления ресурсами воды⁷⁷.

Иной перечень принципов международного водного права выделяется О. МакИнтайром (Великобритания). К принципам использования и охраны водотоков он причисляет обязанность предотвращения трансграничного загрязнения, обязанность сотрудничать, обязанность проводить оценку трансграничного воздействия, принцип устойчивого развития, принцип межпоколенческого равенства, принцип общей, но дифференцированной

---

⁷⁵ Махкамбаев С.Д. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по использованию трансграничных водных ресурсов в регионе Центральной Азии: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 227 с.

⁷⁶ Caponera D.A. Patterns of Cooperation in International Water Law: Principles and Institutions // Natural Resources Journal Vol. 25, 1985. P. 565-566.

⁷⁷ Dellapenna J., Gupta J. Op. cit. P. 442-445.

ответственности, принцип предосторожности, принцип «загрязнитель платит» и экосистемный подход⁷⁸.

Н. Джайхан и Н. Попаттаначай (Таиланд) международно-правовые принципы использования и управления водными ресурсами сводят к следующим: а) справедливое и разумное использование и правило непричинения вреда; б) устойчивое и мудрое использование водотока; в) защита, сохранение и консервация экосистемы водотока; г) предосторожный подход; д) загрязнитель платит; е) право человека на воду⁷⁹.

Таким образом, согласно положениям обозначенных выше международных договоров и позициям ученых международно-правовое регулирование использования и охраны трансграничных водных ресурсов в настоящее время базируется в общей сложности более чем на двадцати принципах. Такая ситуация объясняется ошибочным пониманием и толкованием некоторых установленных принципов и разделением отдельных из них на более частные проявления.

В целях определения перечня принципов использования и охраны ресурсов пресной воды и их соотношения между собой более подробно рассмотрим содержание каждого из них. При этом следует отметить, что принципы использования и охраны трансграничных вод установлены как относительно международных водотоков, так и касательно водоносных горизонтов. Представляется необходимым определиться с тем, являются ли это одними и теми же принципами, или речь идет о различных началах.

На наш взгляд принципы использования трансграничных вод являются едиными. Как будет продемонстрировано ниже, их содержание практически идентично относительно использования и охраны поверхностных и подземных вод. На это указывает и то, что нормы Конвенции 1997 г.

---

⁷⁸ McIntyre O. The Role of Customary Rules and Principles of International Environmental Law in Protection of Shared International Freshwater Resources // *Natural Resources Journal* Vol. 46, 2006. P. 159.

⁷⁹ Jaihan N., Popattanachai N. Analysis of Thai Water Management Legislation from an International Law Perspective // *Yonsei Law Journal* Vol. 4 No. 2, 2013. P. 352-359.

применимы к трансграничным водоносным горизонтам, связанным с поверхностными водами. Отличие сводится лишь к учету особенностей водоносных горизонтов, особенно, не связанных с поверхностными водами. В частности, относительно последних осуществлен отход от правила устойчивого использования в пользу максимизации долгосрочных выгод, т.к. привязка объема использования вод к количеству подпитки фактически означало бы запрет использования⁸⁰, а также необходимо учитывать вклад каждого государства в подпитку водоносных горизонтов при определении справедливости и разумности использования водоносного горизонта. О том, что начала использования поверхностных и подземных вод едины, также свидетельствуют Берлинские правила по водным ресурсам, принятые Ассоциацией международного права в 2004 г.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Комиссия международного права при работе над Проектами статей 2008 г. сделала существенный упор на положения Конвенции 1997 г. Еще в 1993-1994 гг. Р. Розенсток, убежденный в применимости норм Проектов статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков с незначительными поправками к «замкнутым» подземным водам, пытался добиться их включения в сферу действия Проектов⁸¹, однако Комиссия приняла лишь Резолюцию по «замкнутым» подземным водам, не получившую в дальнейшем никакого отклика в Генеральной Ассамблее ООН. Специальный докладчик КМП по праву трансграничных водоносных горизонтов Т. Ямада в своем первом же докладе отмечает: «Очевидно, что почти все принципы, закрепленные в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков, также применимы к замкнутым трансграничным грунтовым водам»⁸².

---

⁸⁰ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 210.

⁸¹ Yearbook of the International Law Commission. 1993. Vol. II. Part 1. P. 179-185. Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 1. P. 113-128.

⁸² Yearbook of the International Law Commission. 2003. Vol. II. Part 1. P. 123.

Кроме того, в международно-правовых исследованиях о принципах использования подземных вод, которые предпринимались с 70-х гг. прошлого столетия, авторы также исходили из положений международных договоров об использовании международных рек и озер и национальных законодательств различных государств и указывали практически те же принципы – справедливого и разумного использования, непричинения вреда и др.⁸³

Одним из фундаментальных принципов международного водного права является принцип справедливого и разумного использования трансграничных вод. Согласно данному принципу каждое из государств, разделяющих трансграничный водный объект, имеет равные права на его использование и обязано не нарушать права пользования других государств. Статья 5 Конвенции 1997 г. подчеркивает, что международный водоток используется и осваивается государствами водотока с целью достижения его оптимального и устойчивого использования и извлечения связанных с этим выгод.

Большую конкретизацию принцип справедливого и разумного использования получил в Проектах статей по праву трансграничных водоносных горизонтов 2008 г. Согласно ст. 4 Проектов 2008 г. справедливое и разумное использование означает: а) справедливое накопление каждым государством благ от использования трансграничных водоносных горизонтов; б) максимизацию долгосрочных благ от такого использования; в) разработку всеобъемлющих планов использования с учетом имеющихся и потенциальных потребностей и альтернативных источников воды; г) использование водоносных горизонтов в объемах, которые не препятствуют продолжению их эффективного функционирования.

---

⁸³ Barberis J.A. International groundwater resources law (FAO legislative study 40). Food & Agriculture Org., 1986. 67 p. Caponera D.A. Principles for International groundwater law // Natural Resources Journal Vol. 18, 1978. P. 589-619. Fuentes X. The Utilization of International Groundwater in General International Law (chapter 8) // The Reality of International Law: Essays in Honour of Ian Brownlie / Guy S. Goodwin-Gill and Stefan Talmon. Oxford, Carendon press, 1999. P. 177-198. Zaharia F. Op. cit.

Определенную критику со стороны ученых вызывает установление таких чрезвычайно емких и оставляющих место для различных спекуляций критериев как «разумное», «выгодное» и «оптимальное» использование⁸⁴, но, тем не менее, они представляют собой большую возможность для справедливого разрешения различных вопросов использования трансграничных пресноводных ресурсов.

Комиссией международного права ООН в комментариях к Проектам статей о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1994 г.⁸⁵ и Проектам статей 2008 г., а также в доктрине международного права разъясняется, что следует понимать под справедливым и разумным использованием. Справедливое использование предполагает максимально оптимальное распределение воды и благ от использования трансграничного пресноводного объекта между государствами, на территории которых он расположен. Как отмечают А.Д. Тарлок и П. Воутерс (Великобритания), в международном праве осуществлен переход от справедливого распределения к справедливому использованию, включающему не только распределение воды, но и связанных с ней выгод, приводя в качестве примера сотрудничество США и Канады по трансграничным водным ресурсам⁸⁶.

При этом КМП особо подчеркивает, что «справедливое» не означает равное распределение благ или воды⁸⁷. Распределение благ между странами – не математические их разделение пополам, а извлечение каждым государством максимальной выгоды при минимальном негативном эффекте.

---

⁸⁴ Caponera D.A. Principles for International groundwater law. P. 603.

⁸⁵ Draft Articles on The Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses // Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 89-135.

⁸⁶ Tarlock A.D., Wouters P. Are Shared Benefits of International Waters an Equitable Apportionment? // Colorado Journal of International Environmental Law & Policy Vol. 18, 2007. P. 525-527. Dombrowsky I. Revisiting the potential for benefit sharing in the management of trans-boundary rivers // Water Policy Vol. 11, 2009. P. 125-126.

⁸⁷ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 97. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН A/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 209.

В связи с этим подвергается критике⁸⁸ утверждение Х. А. Барбериса (Аргентина) в рамках правовых исследований ФАО, согласно которому разумное распределение означает деление водных ресурсов пропорционально расположению частей водного объекта на территориях государств⁸⁹. Справедливость использования трансграничного пресноводного объекта в каждом случае определяется индивидуально с учетом ряда факторов, неисчерпывающий перечень которых закреплен в Конвенции 1997 г., Проектах статей 2008 г., Пересмотренном протоколе 2000 г. и других актах.

Разумность использования заключается в принятии мер по поддержанию и восстановлению водных ресурсов на уровне, обеспечивающем максимально возможное извлечение благ. Разумное использование раскрывается в пунктах b)-d) ст. 4 Проектов статей 2008 г. – максимизация долгосрочных благ от использования; разработка всеобъемлющих планов использования с учетом потребностей и альтернативных источников воды; использование водоносных горизонтов в экологически допустимых объемах⁹⁰.

Исходя из анализа международных договоров и документов, подготовленных по вопросам использования и охраны трансграничных вод в рамках различных международных организаций, не представляется возможным согласиться с мнением Д.А. Капонера о том, что разумность использования основывается на естественных свойствах водотока, а справедливость – на обстоятельствах⁹¹. Относительно каждого трансграничного пресноводного объекта и разумность, и справедливость использования определяются с учетом ряда факторов, которые можно

---

⁸⁸ Fuentes X. Op. cit. P. 186-187.

⁸⁹ Barberis J.A. Op. cit. P. 51.

⁹⁰ Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН A/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 45.

⁹¹ Caponera D.A. Patterns of Cooperation in International Water Law: Principles and Institutions. P. 567.

объединить в две группы – естественные и антропогенные. К числу первых относятся географические, гидрографические, гидрологические, климатические и другие естественные характеристики водного объекта, а также роль водотока или водоносного горизонта в связанных с ними экосистемах. Антропогенными факторами являются социальные и экономические нужды населения; воздействие на виды использования в другом прибрежном государстве; существующие и потенциальные виды использования; сохранение, защита, освоение и экономичность использования водных ресурсов и принятие соответствующих мер; наличие альтернатив тому или иному виду использования; в случае с водоносными горизонтами – еще и вклад в их образование и подпитку.

В литературе подвергается критике порядок перечисления указанных факторов в Конвенции 1997 г. и Проектах статей 1994 г., в которых сначала обозначены естественные факторы, а после – антропогенные, в качестве прогресса рассматривается поправка на первое место в Проектах статей 2008 г. «зависимости населения государств от водоносного горизонта»⁹². Данная мысль, конечно, понятна с точки зрения современных тенденций развития международно-правовых норм относительно использования и охраны ресурсов пресной воды – смещения акцента в пользу прав человека и их обеспечения – однако она не соответствует действительности. Порядок перечисления факторов в тексте документа не имеет значения для определения приоритета какого-либо из них. Пункт 3 ст. 6 Конвенции 1997 г., пп. в п. 8 ст. 3 Пересмотренного протокола 2000 г., п. 2 ст. 3 Нью-Дельфийского Проекта Предложений по праву международных рек 1973 г., п. 3 ст. 5 Хельсинских правил использования вод международных рек 1966 г., п. 3 ст. 13 Берлинских правил по водным ресурсам 2004 г. устанавливают, что в каждом случае значение того или иного фактора определяется с учетом

---

⁹² McIntyre O. International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation? // International Community Law Review Vol. 13, 2011. P. 245.

его важности по сравнению с другими факторами; разумность и справедливость использования вод определяется с учетом всех соответствующих факторов. Более того, Комиссия международного права в комментариях и к Проектам статей 1994 г.⁹³, и к Проектам статей 2008 г.⁹⁴ отмечала, что перечень этих факторов не исчерпывающий и не основан на определенном порядке приоритетности.

С принципом справедливого и разумного использования тесно связан вопрос о приоритетности того или иного вида использования трансграничных ресурсов пресной воды. Наличие в Конвенции 1997 г. отдельной статьи, устанавливающей отсутствие неотъемлемого приоритета какого-либо вида использования международного водотока перед другими видами, позволяет некоторым ученым сделать вывод о существовании самостоятельного принципа «взаимосвязи между различными видами использования»⁹⁵ или «разумного совмещения различных видов деятельности государств на трансграничных водотоках при отсутствии приоритета какого-либо одного из них»⁹⁶. С данной точкой зрения трудно согласиться. Вопрос о приоритете того или иного вида использования возникает лишь при коллизии этих видов, недостаточности водных ресурсов для удовлетворения всех потребностей пользователей. В подобных ситуациях п. 2 ст. 10 Конвенции 1997 г. приоритет отдан видам использования, направленным на удовлетворение насущных потребностей человека. При этом следует обратить внимание, что данная норма касается именно противоречий между различными видами использования как межгосударственных, так и внутригосударственных. Комиссия международного права в комментариях отмечает, что практически всегда в межгосударственных отношениях устанавливается приоритет видов

---

⁹³ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 101.

⁹⁴ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 212.

⁹⁵ Бекашев К.А. Правовой режим международных водотоков. С. 479.

⁹⁶ Махамбаев С.Д. Указ. соч. С. 18.

использования⁹⁷. Если обратиться к отечественному законодательству, то п. 5 ст. 3 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) также устанавливает приоритет использования вод для питьевых и хозяйственно-бытовых целей⁹⁸. Часть 4 ст. 43 ВК РФ устанавливает использование подземных вод исключительно для питьевых и хозяйственно-бытовых целей на территориях, в которых отсутствуют поверхностные воды. Положения о приоритете использования вод в питьевых и хозяйственно-бытовых целях также содержатся в ст.ст. 33, 50 Водного кодекса Республики Беларусь⁹⁹.

Вопросы приоритета отдельных видов использования стали актуальны для государств в начале XX в. в связи с развитием международно-правового сотрудничества по несудоходным видам использования международных рек и озер. Если в Конвенции об устройстве гидротехнических сооружений, затрагивающих интересы более чем одного государства 1923 г. (ст. 8), Мадридской декларации Института международного права от 20.04.1911 г. «Международные правила по использованию международных водотоков для целей иных, чем судоходство» (пп. 4 п. 2), Декларации Панамериканского союза относительно промышленного и сельскохозяйственного использования международных рек 1933 г. (п. 5)¹⁰⁰ устанавливается приоритет использования водотоков для целей судоходства, то в международных актах второй половины XX в. и начала XXI столетия однозначно приоритетным является использование вод для удовлетворения питьевых и бытовых нужд человека.

Одним из первых международных договоров, в котором установлен приоритет использования ресурсов пресной воды для удовлетворения

---

⁹⁷ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 110.

⁹⁸ Водный Кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

⁹⁹ Водный Кодекс Республики Беларусь от 30.04.2014 г. № 149-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2014. № 21.

¹⁰⁰ Food and Agriculture Organization of the United Nations. Development Law Service. Sources of International Water Law FAO legislative study 65. Food & Agriculture Org., 1998. P. 21-26, 269-270, 200-202.

питьевых и бытовых потребностей человека является Договор между США и Канадой о пограничных водах 1909 г.¹⁰¹ В статье VIII Договора 1909 г. установлена следующая приоритетность видов использования пограничных вод: а) для бытовых целей и санитарии; б) для судоходства; в) для энергетики и ирригации.

Приоритет использования трансграничных ресурсов пресной воды для удовлетворения питьевых и иных бытовых потребностей человека также установлен ст. 17 Проекта Европейской Конвенции о защите международных водотоков от загрязнения 1974 г., Декларации Европейской экономической комиссии ООН о политике по предупреждению и борьбе с загрязнением водных ресурсов, включая трансграничное загрязнение (решение В (XXV)) 1980 г., ст. 5 Нью-Дельфийского Проекта Предложений по праву международных рек 1973 г.¹⁰² Хотя в Хельсинских правилах 1966 г. установлено отсутствие приоритета какого-либо вида использования, уже в ст. 6 Мадридской резолюции 1976 г. об управлении международными водными ресурсами¹⁰³ Ассоциация международного права закрепляет преимущество бытового водопользования перед другими видами, а в ст. 14 Берлинских правил 2004 г. закрепляется первоначальное использование для удовлетворения насущных потребностей человека. В целом подобная ситуация соответствует и согласуется с современными тенденциями в области прав человека – стремлением признать право человека на воду в качестве одного из основных прав человека.

Таким образом, в международном праве отсутствует принцип «разумного совмещения различных видов деятельности государств на

---

¹⁰¹ Вылегжанин А.Н. Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы: монография / А.Н. Вылегжанин, Л.В. Савельева и др.; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар. права. - М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 92.

¹⁰² Food and Agriculture Organization of the United Nations. Development Law Service. Sources of International Water Law FAO legislative study 65. Food & Agriculture Org., 1998. P. 56-63.

¹⁰³ Ibid. P. 306-311.

трансграничных водотоках при отсутствии приоритета какого-либо одного из них». Равнозначность различных видов водопользования при отсутствии коллизий и приоритет удовлетворения насущных человеческих нужд при возникновении противоречий фактически являются частью принципа справедливого и разумного использования.

Рассматривая содержание и место принципа справедливого и разумного использования водных ресурсов, невозможно обойти вниманием вопрос о его соотношении с принципами суверенитета на принадлежащую государству часть пресноводного объекта и ненанесения значительного ущерба.

В юридической литературе и позициях отдельных государств предпринимаются попытки установить иерархию принципов использования и охраны ресурсов пресной воды. В частности, подобные суждения касаются соотношения принципа справедливого и разумного использования водных ресурсов с принципом суверенитета на принадлежащую государству часть пресноводного объекта.

Как отмечает К. Мешлем (Великобритания), принцип суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта является новеллой для международного водного права и вызвал осуждения со стороны ученых¹⁰⁴. Наибольшей критике принцип суверенитета над частью пресноводного объекта подвергает в своих работах С. МакКафри (США), который видит в нем возвращение к абсолютной власти государства над частью водного объекта, возврат к доктрине Хармона (США). В одной из работ он указывает, что Проекты статей 2008 г. привнесли новую и потенциально опасную концепцию суверенитета государств водотока на часть разделяемых подземных вод, а приведенная специальным докладчиком КМП практика государств по данному вопросу недостаточна для

---

¹⁰⁴ Mechlem K. Moving Ahead in Protecting Freshwater Resources: The International Law Commission's Draft Articles on Transboundary Aquifers // *Leiden Journal of International Law* Vol. 22, 2009. P. 811.

кодификации¹⁰⁵. По образному выражению С. МакКаффри «первое предложение ст. 3 Проектов 2008 г. выпустило из бутылки джина суверенитета, а второе предложение не способно засунуть его обратно»¹⁰⁶.

Аналогичной позиции придерживается О. МакИнтаир, который отмечает, что принцип справедливого и разумного использования основан на общности интересов, а не на суверенитете. Доктрина ограниченного территориального суверенитета лишь сужает сферу односторонних действий, тогда как общность интересов предполагает совместные действия¹⁰⁷.

С подобной критикой западных ученых трудно согласиться. Во-первых, именно на основе суверенитета государств на часть водного объекта возникают права и обязанности государств по его использованию и охране, их интерес, на который столь активно ссылаются С. МакКаффри и О. МакИнтаир. Ни у кого не вызовет сомнения, что правом устанавливать правовой режим использования и охраны трансграничных пресноводных объектов, а также участвовать в соглашениях о водотоке или водоносном горизонте обладают только государства, на территории которых они расположены. Пресноводный объект хотя бы частично должен находиться в пространственных пределах властвования государства, чтобы последнее могло определять его правовой режим.

Во-вторых, принцип суверенитета государства на часть международного водотока или трансграничного водоносного горизонта не является новеллой Проектов статей 2008 г. Суверенитет – неотъемлемый признак государства, который подразумевает верховенство на своей территории и независимость во внешних делах. Признаком трансграничных пресноводных объектов является их расположение или пересечение ими

---

¹⁰⁵ de Chazournes L.B. *International Law and Freshwater: The Multiple Challenges*. Edward Elgar Publishing Limited, 2013. P. 132.

¹⁰⁶ McCaffrey S. *The Law of International Watercourses*. 2nd ed. Oxford University Press, 2007. P. 291.

¹⁰⁷ McIntyre O. *International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation?* P. 249-253.

территории двух или более государств. Таким образом, суверенитет государства на свою часть трансграничного пресноводного объекта логически вытекает из того факта, что эта часть входит в состав территории государства, а на своей территории государства обладают полным верховенством.

Наличие суверенитета на часть трансграничного пресноводного объекта не вызывает сомнения у отечественных исследователей¹⁰⁸. Однако М.А. Косарева, разделяя мнение В.А. Чичварина, считает невозможным распространение суверенитета на трансграничные природные ресурсы. В случае признания суверенитета над трансграничными природными ресурсами на один и тот же ресурс распространялся бы суверенитет нескольких государств, что противоречит понятию суверенитета. Водные ресурсы являются динамичными и постоянно пересекают границы государств, т.е. суверенитет над ними меняется независимо от воли государств, что, по мнению ученого, также не укладывается в понимание суверенитета¹⁰⁹.

О. МакИнтаир отмечает, что, несомненно, государство обладает суверенитетом на часть дна реки, но подобное положение не включено в Конвенцию 1997 г., в случае с водотоками соответственно суверенитет распространяется на геологическую формацию, а не на воду¹¹⁰.

Как мы отмечали ранее, трансграничные пресноводные объекты состоят из двух элементов – гидрологической системы резервуаров (реки, озера, каналы, водохранилища, водоносные горизонты) и содержащейся в них пресной воды. Указанные «резервуары» составляют часть территории государства, соответственно находятся под суверенитетом государства. В

---

¹⁰⁸ Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Указ. соч. С. 36-50. Некотенева М.В. Указ. соч. С. 47-62. Махкамбаев С.Д. Указ. соч. С. 86-94.

¹⁰⁹ Косарева М.А. Трансграничные природные ресурсы в международном праве: понятие, статус, режим: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 69-78.

¹¹⁰ McIntyre O. International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation? P. 249.

отношении содержащихся в трансграничных реках, озерах, каналах, водоносных горизонтах ресурсов пресной воды государства осуществляют суверенные права, что означает возможность государством независимо использовать эти ресурсы в пределах, которые не нарушают права других государств, разделяющих пресноводный объект. КМП ООН также рассматривает воду как предмет суверенного права государства¹¹¹. Однако в литературе высказывается мнение о том, что трансграничные природные ресурсы, включая воду, не могут быть присвоены в одностороннем порядке, их использование осуществляется на основе принципа общего пользования¹¹². На наш взгляд, данное утверждение противоречит самой сущности государственного суверенитета. Постановка возможности одним государством использовать водные ресурсы международного водотока или трансграничного водоносного горизонта в зависимость от согласия другого прибрежного государства в большинстве случаев означало бы запрет использования. По данным ООН в настоящее время в 157 из 263 международных водотоков не осуществляется сотрудничество¹¹³, не говоря уже о трансграничных водоносных горизонтах. Конечно, данная ситуация негативно сказывается на состоянии водных объектов, однако она не противоречит действующим нормам международного права. Использование трансграничных пресноводных объектов без сотрудничества прибрежных государств само по себе не делает такое использование несправедливым и неразумным. Оно становится таковым только в том случае, когда в результате одностороннего использования ресурса другое государство, разделяющее общий ресурс, лишается или ограничивается в возможности использовать его в той же степени.

---

¹¹¹ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят седьмой сессии: док. ООН А/60/10. Нью-Йорк: ООН, 2005. С. 28.

¹¹² Косарева М.А. Указ. соч. С. 33.

¹¹³ Доклад о развитии человека 2006 «Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов». / Пер. с англ. - М.: «Весь Мир», 2006. С. 222.

Довод о том, что водные ресурсы находятся в перманентном движении и выбывают из-под действия суверенитета государства помимо воли последнего, когда соответственно невозможно говорить о суверенитете над ними, по нашему мнению, также несостоятелен. Действительно, вода в международных водотоках и водоносных горизонтах находится в постоянном движении и пересекает границы прибрежных государств. Однако, несмотря на постоянный поток, вода в трансграничном водном объекте в различные периоды времени всегда находится на том или ином уровне. Как объект суверенных прав она не характеризуется индивидуально-определенными признаками. Государство имеет право пользоваться и распоряжаться той частью воды, которая находится на его территории, с учетом факторов справедливого и разумного использования.

При определении своей части вод государства должны также учитывать нормы экологического пропуски, т.е. минимума воды, наличие которого в водном объекте необходимо для нормального функционирования экосистемы и предотвращения ее деградации. Удовлетворение потребностей государств в водных ресурсах за счет экологического пропуски не допускается. Представляется необходимым более активное включение в соглашения по использованию и охране пресноводных ресурсов положений об экологическом пропуске. В действующих договорах экологический пропуск определяется посезонно¹¹⁴ либо постоянно, непрерывно¹¹⁵.

На наш взгляд, одним из наиболее удачных примеров нормативного закрепления порядка распределения водных ресурсов с учетом экологического пропуски являются нормы Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской

---

¹¹⁴ Agreement on the cooperation for the sustainable development of the Mekong river basin 5 April 1995. URL: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/policies/agreement-Apr95.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹¹⁵ Treaty relating to cooperative development of the water resources of the Columbia River Basin 17 January 1961. URL: <http://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-145062.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур от 03.09.2010 г.¹¹⁶ Соглашением установлен экологический пропуск в объеме равном 30,5 %. Водные ресурсы за вычетом экологического пропуска подлежат делению между государства в равных долях¹¹⁷. Вододеление осуществляется посуточно, а планирование объемов вододеления и экологического пропуска осуществляется подекадно с учетом складывающейся водохозяйственной ситуации и потребностей сторон. В случае если одно из государств не использовало свою долю, другое может по согласованию с первым осуществить дополнительный водозабор. Как видно из указанных положений Соглашения по реке Самур, государства определяют минимально необходимый уровень воды для существования гидросистемы реки и возможные лимиты водозабора, учитывая при этом динамичность, непостоянство экосистемы.

Немало дискуссий вызывает определение места принципа ненанесения значительного ущерба в системе принципов использования и охраны ресурсов пресной воды. Содержание данного принципа заключается в обязательстве принять на своей территории все надлежащие меры для предотвращения значительного вреда другому государству при использовании трансграничного пресноводного объекта, уменьшения или ликвидации такого вреда, а также его компенсации. Рассматривая содержание указанного принципа, следует акцентировать внимание на двух аспектах: а) уровень ущерба и б) необходимость принятия действий по предотвращению негативного результата.

---

¹¹⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур от 03.09.2010 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/12B142813CAE27AA43257E6800415F32 (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹¹⁷ В договорной практике государств имеются примеры вододеления в иных пропорциях. Согласно Положению по совместному использованию водных ресурсов в бассейне реки Чу 1983 г. Казахстану предоставлено 42 % вод, Кыргызстану – 58%.

Практически во всех универсальных и региональных международных договорах по вопросам использования и охраны ресурсов пресной воды уровень ущерба, причинение которого влечет ответственность государства, определяется как «значительный»¹¹⁸. Аналогичный уровень ущерба установлен в двусторонних договорах Российской Федерации по водным ресурсам, формулировки которых в этой части, фактически, дублируют положения Конвенции ЕЭК 1992 г.¹¹⁹ Значительный ущерб в ст. 1 Пересмотренного протокола по разделяемым системам водотоков 2000 г. рассматривается как ущерб, не являющийся малым, обнаруживаемый на основе объективных доказательств и необязательно возросший до уровня существенного. Аналогичным образом понятие значительного ущерба раскрывается в комментариях КМП ООН к Проектам статей о предотвращении вреда от опасных видов деятельности 2001 г.¹²⁰, Проектам принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности 2006 г.¹²¹, Проектам статей 2008 г. – значительный характер ущерба означает нечто большее, чем «поддающийся обнаружению», но не обязательно «серьезный» или «существенный»¹²². Установление подобного оценочного критерия является оправданным, т.к. позволяет определить порог для наступления ответственности государства в каждом конкретном случае на основе

---

¹¹⁸ См. Конвенцию 1997 г., Конвенцию ЕЭК 1992 г., Пересмотренный протокол 2000 г. и др.

¹¹⁹ См. Соглашения о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия от 06.10.2011 г.; Правительством Республики Беларусь от 24.05.2002 г.; Правительством Республики Казахстан от 07.09.2010 г.; Правительством Монголии от 11.02.1995 г.

¹²⁰ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН А/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 406-409.

¹²¹ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 122-124.

¹²² Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН А/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 51.

индивидуальных для данной ситуации естественных и антропогенных факторов.

Под ущербом в рамках рассматриваемого принципа следует понимать причиненный другому государству вред посредством использования воды или «резервуара» трансграничного пресноводного объекта, в частности, гибель или причинение вреда здоровью людей, утрату или повреждение имущества, ущерб окружающей среде, расходы на разумные меры по восстановлению прежнего состояния имущества или среды. Представляются необоснованными позиции отдельных ученых, согласно которым невключение положений о компенсации в Проекты статей 2008 г., влечет отсутствие необходимости возместить причиненный ущерб¹²³. Обязательство компенсировать причиненный ущерб проистекает из характера правоотношений, складывающихся в результате его причинения. Нанесение ущерба другому государству представляет собой международно-противоправное деяние государства, соответственно вопрос о компенсации урегулирован действующими нормами международного права об ответственности государств, согласно которым ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда¹²⁴.

Неоправданным является критика А.Е. Юттоном (США) принципа ненанесения значительного ущерба как не включающего ущерб окружающей среде и экосистемам других государств¹²⁵. Во-первых, данный принцип касается случаев причинения ущерба другому государству через международный водоток или трансграничный водоносный горизонт; последние при этом сами являются экосистемами или частями других, больших экосистем. Таким образом, представляется невозможным

---

¹²³ McIntyre O. International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation? P. 247.

¹²⁴ См. Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН A/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 12-380.

¹²⁵ Utton A.E. Which Rule Should Prevail in International Water Disputes: That of Reasonableness or That of No Harm? // Natural Resources Journal Vol. 36, 1996. P. 640.

причинение вреда другому государству посредством использования трансграничного пресноводного объекта, без причинения ущерба самому объекту. Более того, Конвенция 1997 г., Проекты статей 1994 г. и 2008 г. включают отдельные положения о защите и сохранении экосистем, конкретизирующие содержание рассматриваемого принципа. Во-вторых, сложившееся в настоящее время понимание ущерба, включает любой моральный и материальный вред, т.е. в том числе ущерб окружающей среде и расходы на меры по ее восстановлению¹²⁶.

Важным аспектом при рассмотрении содержания принципа ненанесения значительного ущерба является вопрос о том, охватывает ли данный принцип негативный результат или касается лишь поведения государства. В доктрине международного права широко распространено мнение, что рассматриваемый принцип сводится лишь к стандарту должной осмотрительности, поведению субъекта, нежели к абсолютному обязательству относительно результата¹²⁷. На наш взгляд, подобный подход является не совсем верным. Как уже отмечалось, принцип ненанесения значительного ущерба налагает обязательства по принятию всех надлежащих мер для предотвращения значительного вреда другому государству, а также для его уменьшения или ликвидации, и компенсации за него. Обязательство принять все надлежащие меры, в частности, включает создание необходимой нормативной базы, введение ее в действие, предотвращение или приостановление незаконной деятельности, наказание ответственных лиц, иные технические и финансовые действия. Само по себе непринятие указанных мер без факта причинения вреда другому государству не способно породить материальную ответственность государства и поставить вопрос о

---

¹²⁶ См. ст. 31 Проектов статей об ответственности государств 2001 г., ст. 2 Проектов статей о предотвращении вреда от опасных видов деятельности 2001 г., Принцип 2 Проектов принципов о распределении убытков в случае трансграничного вреда от опасных видов деятельности 2006 г.

¹²⁷ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 103. McIntyre O. The Role of Customary Rules and Principles of International Environmental Law in Protection of Shared International Freshwater Resources. P. 170. Traversi C. Op. cit. P. 482-484.

компенсации; обязанность возместить причиненный ущерб возникает у государства лишь в случае его реального наличия. Таким образом, для реализации рассматриваемого принципа важны как превентивные действия государства, так и их результат.

В международно-правовой доктрине высказываются различные точки зрения относительно места принципа ненанесения значительного ущерба в системе принципов использования и охраны ресурсов пресной воды. Так, К. Мешлем пишет, что значительным вызовом в работе КМП над Проектами статей 2008 г. являлось определение взаимосвязи принципов справедливого и разумного использования и ненанесения значительного ущерба. При этом, исходя из системного анализа ст.ст. 4, 5 и 6 Проектов 2008 г., ученый приходит к выводу о приоритете принципа справедливого и разумного использования над ненанесением значительного ущерба, т.к. при использовании может быть причинен определенный вред¹²⁸. Подобную позицию также поддерживает Р. Пейсли (Канада), аргументируя это тем, что в деле Габчиково-Надьмарош Международный Суд ООН отклонил ссылку Словакии на принцип ненанесения значительного ущерба, тем самым подтвердив главенствующую роль принципа справедливого использования¹²⁹.

Иной точки зрения придерживается П. Воутерс, которая в результате анализа Проектов статей 1994 г. и Хельсинских правил 1966 г., приходит к выводу, что принцип ненанесения значительного ущерба является доминирующим в международном водном праве¹³⁰. О. МакИнтайр полагает, что все остальные принципы в определенной степени потеряют свой смысл без принципа ненанесения значительного ущерба¹³¹. По мнению С.А.

---

¹²⁸ Mechlem K. Op. cit. P. 812-815.

¹²⁹ Paisley R. Adversaries into partners: International Water Law and the equitable sharing of downstream benefits // Melbourne Journal of International Law Vol. 3, 2002. P. 283-284.

¹³⁰ Utton A.E. Op. cit. P. 637.

¹³¹ McIntyre O. The Role of Customary Rules and Principles of International Environmental Law in Protection of Shared International Freshwater Resources. P. 171.

Мохаммеда (Египет), проблемы использования водных ресурсов рек привели к возникновению принципа ненанесения значительного ущерба и, как следствие, справедливого и разумного использования¹³².

Противопоставление принципов справедливого и разумного использования трансграничного пресноводного объекта и ненанесения ущерба другому государству, а также выгода первого из них для государств, расположенных выше по течению, а второго – для нижележащих государств отмечается в исследованиях А.Е. Юттона¹³³, М. Эрдема (Турция)¹³⁴, Н. Джайхана и Н. Попаттаначая¹³⁵ и др.

Согласиться с подобным подходом к определению взаимосвязи указанных принципов не представляется возможным. Противопоставление или попытки установить иерархию принципов справедливого и разумного использования трансграничного пресноводного объекта и ненанесения значительного ущерба другому государству в корне неверны и не находят нормативного подкрепления. Оба принципа тесно связаны, совместно регулируют отношения по использованию и охране ресурсов пресной воды и преследуют единые цели – обеспечение равенства государств при использовании вод, максимизацию благ от использования при минимизации экологических, экономических и иных потерь.

Отдельные исследователи предлагают следующее разграничение сферы действия указанных принципов: государства должны руководствоваться принципом справедливого и разумного использования относительно вопросов количества воды, а принципом ненанесения значительного ущерба

---

¹³² Mohamed S.A. Equitable and Reasonable Utilization of International Rivers in the UN Convention with a Particular Reference to the River Nile // African Perspectives Vol. 11 Issue 39, 2013. P. 23.

¹³³ Utton A.E. Op. cit. P. 635.

¹³⁴ Erdem M. The Tigris-Euphrates rivers controversy and the role of International Law. P. 8. URL: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/Mete-Erdem.pdf> (дата обращения: 18.07.2015 г.).

¹³⁵ Jaihan N., Popattanachai N. Op. cit. P. 353-354.

– качества воды¹³⁶. Схожая логика прослеживается в предложении С.Д. Махкамбаева, согласно которому принцип «загрязнитель платит» должен трансформироваться в «государство, превысившее лимит водозабора, должно платить»¹³⁷. Во-первых, следует сразу оговориться, что в большинстве случаев далеко нелегко разграничить вопросы количества от вопросов качества воды. Во-вторых, значительный ущерб может быть причинен не только ухудшением качества воды путем загрязнения, привнесения чужеродных организмов и т.д., но также путем чрезмерного водозабора¹³⁸. В частности, именно чрезмерный водозабор во многих регионах мира вызвал состояния «водного стресса» и «водного кризиса», характеризующиеся деградацией водных экосистем, засолением пресноводных объектов и т.д. Государство должно предпринять все надлежащие меры для предотвращения причинения ущерба, в частности, рассмотреть возможность удовлетворения потребностей за счет альтернативных источников воды. Использование геологической породы в качестве полезного ископаемого также способно существенно изменить распределение воды в трансграничном водоносном горизонте, что может повлечь причинение ущерба другому государству. В свою очередь, принцип справедливого и разумного использования не исчерпывается вопросами количества воды. Справедливость использования предполагает распределение не только воды, но и благ от ее использования, а также от использования «резервуара». Разумность заключается в принятии мер по максимизации благ при устойчивости трансграничного пресноводного

---

¹³⁶ Grzybowski A., McCaffrey S., Paisley R. Beyond International water law: Successfully Negotiating Mutual Gains Agreements for International Watercourses // *Global Business & Development Law Journal* Vol. 22, 2010. P. 142. McCaffrey S. An Assessment of the Work of the International Law Commission // *Natural Resources Journal* Vol. 36, 1996. P. 308. Utton A.E. *Op. cit.* p. 635-639.

¹³⁷ Махкамбаев С.Д. Указ. соч. С. 20.

¹³⁸ Подобная ситуация наблюдается на реках Тигр и Евфрат между Турцией, Ираком и Сирией, а также на реке Нил – между Египтом, Суданом и другими государствами, разделяющими реку. См. Erdem M. *Op. Cit.* Mekonnen D.Z. The Nile Basin cooperative framework agreement negotiations and the Adoption of a “Water Security Paradigm”: Flight into Obscurity or a Logical Cul-de-Sac? // *The European Journal of International Law* Vol. 21 No. 2, 2010. P. 421-440. Mohamed S.A. *Op. cit.* P. 23.

объекта, таким образом, ухудшение качества воды способно привести к уменьшению благ, а соответственно нарушению разумности использования.

В связи с рассмотрением вопроса о месте принципа ненанесения значительного ущерба в системе принципов использования и охраны ресурсов пресной воды следует также обратиться к его соотношению с такими принципами, как предотвращение загрязнения окружающей среды, принятия мер предосторожности, «загрязнитель платит», обязанность проводить оценку трансграничного воздействия.

Несмотря на то, что указанные принципы в исследованиях, посвященных международно-правовой охране окружающей среды, выделяются в качестве самостоятельных начал¹³⁹, на наш взгляд, в контексте использования и охраны ресурсов пресной воды они охватываются содержанием принципа ненанесения значительного ущерба. Как было указано выше, понятие ущерба в рамках принципа ненанесения значительного ущерба шире понятия загрязнение и включает также негативные последствия использования «резервуара», привнесения чужеродных видов, истощение вод и деградацию экосистемы трансграничного пресноводного объекта в результате чрезмерного водозабора и т.д. При этом на государства, разделяющие водный объект, возлагается обязательство не только по уменьшению или ликвидации ущерба и возмещению компенсации за него, но, в первую очередь, обязанность предпринять все надлежащие меры для предотвращения нанесения значительного ущерба. Таким образом, принятие всех надлежащих мер для предотвращения ущерба другому государству, разделяющему трансграничный пресноводный объект, охватывает меры по предотвращению

---

¹³⁹ Соколова Н.А. Теоретические проблемы международного права окружающей среды. Монография / Отв. ред.: Бекяшев К.А. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. С. 152. Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права окружающей среды / Отв. ред.: Колбасов О.С. - М.: Наука, 1986. С. 50-72. Nafziger J. Basic Functions and Principles of International Environmental Law in the Context of Managing Water Resources // Denver Journal of International Law and Policy Vol. 39 No. 3, 2011. P. 381-395.

загрязнения окружающей среды и иные меры предосторожности. Кроме того, представляется затруднительным принятие мер по предотвращению значительного ущерба без проведения оценки трансграничного воздействия. В случае же нанесения ущерба, государство обязано возместить причиненный вред, что, как отмечалось выше, вытекает из существа возникающих в подобной ситуации правоохранительных отношений.

Подобная точка зрения находит подтверждение в положениях международных договоров по использованию и охране ресурсов пресной воды¹⁴⁰, а также в доктринальных источниках. В частности, положения частей III и IV Конвенции 1997 г. предусматривают необходимость уведомления о планируемых мерах, чреватых неблагоприятными последствиями, консультации и переговоры по ним, защиту и сохранение экосистем, предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения и др. Аналогичные положения содержатся в части 3 Проектов статей 2008 г.

Пересмотренный протокол по разделяемым системам водотоков 2000 г., основанный преимущественно на положениях Конвенции 1997 г., в ст. 4 устанавливает обязанность уведомлять другое государство о планируемых мерах и проводить консультации и переговоры по ним. Такое уведомление должно быть своевременным, т.е. иметь место до начала осуществления деятельности, а также содержать доступные технические данные и информацию, включая результаты оценки воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС). Часть 2 ст. 4 Пересмотренного протокола 2000 г., касающаяся защиты и сохранения окружающей среды, базируется на предосторожном подходе, предписывая предотвращать, сокращать и сохранять под контролем загрязнение и экологическую деградацию

---

¹⁴⁰ Следует оговориться, что в некоторых договорах по использованию и охране пресноводных ресурсов они разделяются. Например, Agreement on the Nile River Basin Cooperative Framework 2010. URL: http://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/Nile_River_Basin_Cooperative_Framework_2010.pdf (дата обращения: 18.07.2015 г.).

водотоков, способные причинить значительный ущерб окружающей среде, жизни и здоровью людей, водным и живым ресурсам водотока.

Обязанность проводить ОВОС планируемой деятельности, способной оказать негативное воздействие на трансграничный водный объект, и при необходимости экологическую экспертизу такой оценки, возместить причиненный ущерб, регулярный обмен данными и информацией о состоянии водных объектов устанавливается также в двусторонних соглашениях Российской Федерации по рациональному использованию водных ресурсов¹⁴¹.

По справедливому мнению Д.А. Капонера, согласно принципу ненанесения значительного вреда государству должны принять адекватную нормативную базу для регулирования и контроля трансграничного загрязнения в пределах их юрисдикции с учетом технических и социально-экономических возможностей, а также обязаны развивать технологии для повторного использования и очистки вод¹⁴².

П. Бирни (Нидерланды) и А. Бойл (Великобритания) верно отмечают правоту специального докладчика ООН в том, что принцип предосторожного подхода, оценка воздействия на окружающую среду включены в принцип ненанесения значительного вреда и не могут быть отделены от него. По мнению ученых, без проведения ОВОС обязательства по уведомлению и проведению консультаций и переговоров будут лишены всякого смысла¹⁴³.

Ф. Окова (Великобритания) полагает, что хотя Конвенция 1997 г. не включает обязательство по проведению оценки воздействия на окружающую среду, оно вытекает из других норм, в частности, из требований об

---

¹⁴¹ Ст.ст.4-9 Соглашения с Правительством Республики Абхазия от 06.10.2011 г., ст.ст. 4-11 Соглашения с Правительством Республики Беларусь от 24.05.2002 г.; ст.ст. 3-11 Соглашения с Правительством Республики Казахстан от 07.09.2010 г.; ст.ст. 2-7 Соглашения с Правительством Монголии от 11.02.1995 г.

¹⁴² Caponera D.A. Patterns of Cooperation in International Water Law: Principles and Institutions. P. 570.

¹⁴³ Birnie P., Boyle A. International Law and the Environment (second edition). Oxford University Press, 2002. P. 120.

уведомлении другого государства о предполагаемой деятельности, которая может причинить трансграничный ущерб¹⁴⁴.

К числу международно-правовых начал использования и охраны ресурсов пресной воды, бесспорно, относится принцип сотрудничества государств, разделяющих трансграничный водный объект. Принцип сотрудничества подразумевает заключение договоров по использованию трансграничных ресурсов пресной воды, создание совместных механизмов, обмен данными и информацией, уведомление о планируемых мерах, которые способны оказать воздействие на прибрежное государство, встречи технических и правительственных экспертов, обмен проектами документов и т.д. Практически во всех двусторонних и региональных договорах о рациональном использовании и охране пресных вод предусматривается осуществление большинства из обозначенных мер.

Тем не менее, до настоящего времени в литературе остается дискуссионным вопрос о юридической сущности данного принципа. В частности, К.К. Родригез (Бразилия) считает, что сотрудничество – это не обязательство государств, за нарушение которого непременно следует ответственность, а цель, к которой необходимо стремиться¹⁴⁵.

С другой стороны Б. Графрат (Германия) убежден, что сотрудничество – не просто принцип, а юридическая обязанность государств¹⁴⁶.

Третья группа ученых рассматривает сотрудничество в качестве общего термина, некоего ярлыка, который находит реализацию в целом ряде обязательств¹⁴⁷.

Представляется, что сотрудничество является не обязательным, но в крайней степени желательным, необходимым условием достижения

---

¹⁴⁴ Okowa Ph. Procedural Obligations in International Environmental Agreements // British Yearbook of International Law, 1996. P. 275-279.

¹⁴⁵ Yearbook of the International Law Commission. 1987. Vol. I. P. 71.

¹⁴⁶ Yearbook of the International Law Commission. 1987. Vol. I. P. 85.

¹⁴⁷ Данной точки зрения придерживаются П. Реутер и Ф. Сандс. См. McIntyre O. The Role of Customary Rules and Principles of International Environmental Law in Protection of Shared International Freshwater Resources. P. 180.

рационального и оптимального использования трансграничных пресноводных объектов. Именно обязательство сотрудничать в том или ином виде может возникнуть у государства лишь в связи с заключением международного договора. До его заключения государства как равноправные и суверенные участники международного общения свободны в использовании принадлежащих им частей трансграничного водного объекта в той степени, в какой они не причиняют значительный ущерб другим государствам и окружающей среде.

Как отметила КМП ООН в комментариях к Проектам статей 1994 г., у государств отсутствует обязанность заключать соглашения по использованию водотока. Установление подобного требования означало бы наделение прибрежные государства правом вето на использование водотоков путем избегания заключения соглашений о сотрудничестве по их использованию. Довод о том, что трансграничный водный объект не может использоваться в отсутствие договора между прибрежными государствами не находит поддержки ни в государственной практике, ни в решениях международных судов и арбитражей¹⁴⁸.

В завершение следует подчеркнуть, что попытки установить иерархию принципов использования и охраны ресурсов пресной воды являются неоправданными. Подобные суждения в основном сводятся к обоснованию превалирующего характера принципа справедливого и разумного использования, или ненанесения значительного вреда, или же принципа суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта.

Так, О. МакИнтаир отмечает, что постановка на первое место принципа суверенитета государства на часть водоносного горизонта в Проектах статей 2008 г. устанавливает его приоритет над принципом справедливого и разумного использования. Подобные суждения не находят своего нормативного подтверждения.

---

¹⁴⁸ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 1. P. 95.

Как было показано на примере принципов суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта и справедливого и разумного использования, первый – вытекает из основных принципов международного права и самой сущности государства, тогда как второй – устанавливает правовые рамки, способствующие максимально эффективному использованию водных ресурсов при уважении суверенных прав прибрежных государств и сохранении водной среды.

Ошибочными также являются доктринальные попытки разграничения сфер действия принципов ненанесения значительного ущерба другому государству и справедливого и разумного использования ресурсов пресной воды. Обозначенные принципы совместно применимы как к вопросам качества воды, так и к сотрудничеству относительно количества.

Таким образом, международно-правовое регулирование использования и охраны ресурсов пресной воды базируется на четырех основных началах: принципах суверенитета государств на свои части трансграничных водных объектов, справедливого и разумного использования, ненанесения значительного ущерба и сотрудничества. Указанные принципы использования и охраны трансграничных вод не обладают никакой иерархией, не вступают в противоречия между собой, гармонично дополняют друг друга и, в конечном счете, направлены на достижение единых целей – установление равенства государств при использовании ресурсов пресной воды, максимизацию благ от их использования и минимизацию экологических, экономических и иных потерь.

Глава 2. Международно-правовое обеспечение рационального использования пресной воды нормами о правах человека

§ 2.1. Содержание и место права на воду в системе прав человека

В последние два десятилетия особое внимание на международной арене получило широкое распространение признание ценности воды как незаменимого ресурса для удовлетворения личных и бытовых нужд индивида. Как указывается в рамках седьмой цели, обозначенной в Декларации развития тысячелетия¹⁴⁹, к 2015 г. необходимо вдвое сократить долю населения, не имеющего постоянного доступа к чистой питьевой воде и основным санитарно-техническим средствам. По оценкам экспертов ВОЗ, к 2015 году 92% глобального населения будет иметь доступ к улучшенной питьевой воде, однако подчеркивается, что еще 11% населения Земли не имеет доступа к безопасной питьевой воде¹⁵⁰.

В настоящее время международным сообществом осознается тесная связь охраны ресурсов пресной воды с правами человека. Для комплексного регулирования использования ресурсов пресной воды инструментария международного экологического права не достаточно, в связи с чем необходимо задействовать механизмы, используемые в области международного права прав человека. В частности, получает признание право человека на воду.

Следует сразу же оговориться, что само понятие «право на воду» в юридической литературе не ново, оно использовалось и ранее. Так, еще в

---

¹⁴⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций от 08 сентября 2000 г. A/RES/55/2. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/559/53/PDF/N0055953.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁵⁰ WHO/UNICEF Joint Report «Progress on Drinking Water and Sanitation: 2012 Update». 2012. P. 4. URL: http://whqlibdoc.who.int/publications/2012/9789280646320_eng_full_text.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

1927 г. Ф.В. Дьяковым опубликована статья в журнале «Советское право» под названием «Право на воду». Однако данное право понималось автором как возможность пользоваться водой, содержащейся в водных объектах. Ученый при этом подчеркивал, что субъектом права на воду является не гражданин персонально, а пользователь земельного участка, на котором расположен водный объект. Отсутствие потребности в начале XX в. в признании права человека на воду ярко выражена в словах Ф.В. Дьякова: «огромная часть СССР настолько богата водой, воды, как и воздуха, настолько хватает для всех, что пользование ею не вызывает никаких конфликтов, а посему и необходимости правового регулирования»¹⁵¹.

Впервые вопрос о праве на воду в современном его понимании поднял в 1992 г. С. МакКаффри, будучи на тот момент специальным докладчиком КМП ООН по теме «Право несудоходных видов использования международных водотоков». В результате исследования ученый пришел к выводу, что в международном праве существует право на достаточное количество воды для поддержания жизни и обязательство государства охранять это право¹⁵².

Далее данная идея была подхвачена и развита в 1996-1999 гг. П. Глейком (США), предлагающим закрепить данное право в документах по правам человека в следующей формулировке: «Каждое лицо имеет неотъемлемое право на доступ к воде в количестве и качестве, необходимом для удовлетворения его базовых нужд. Это право должно защищаться законом»¹⁵³. А после принятия Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам (далее – КЭСКП) в 2002 г. Замечания общего порядка №

¹⁵¹ Дьяков Ф.В. Право на воду // Советское право. Журнал института советского права. - М.: Государственное издательство. 1927. № 2 (26). С. 142-143.

¹⁵² McCaffrey S. A Human Right to Water: Domestic and International Implications // Georgetown International Environmental Law Review, Volume V, Issue 1, 1992. P. 1-24.

¹⁵³ Gleick P.H. Basic Water Requirements for Human Activities: Meeting Basic Needs // Water International, Vol. 21, 1996. P. 83-92. Gleick P.H. The Human Right to Water // Water Policy, Vol. 1 Issue 5, 1999. P. 487-503.

15¹⁵⁴ данная тема привлекла внимание широкой юридической общественности.

В отечественной юридической науке право человека на воду также привлекало внимание исследователей в области международного, экологического и конституционного права. Так, в 2004 г. юридическому анализу права на воду посвятил отдельную главу в своем докторском диссертационном исследовании Л.А. Тимофеев¹⁵⁵. Вопросы права на воду в системе прав человека и механизмы его реализации затрагивались Случевской Ю.А.¹⁵⁶, Султановой С.С.¹⁵⁷, Олейниковой Т.Ю., Спиридоновой Е.С.¹⁵⁸

В российской международно-правовой науке праву на воду посвящены лишь несколько статей А.Х. Абашидзе и Н.Ф. Кислицыной¹⁵⁹, Р.М. Валеева и Т. Гусейнова¹⁶⁰, а также А.М. Солнцева¹⁶¹.

¹⁵⁴ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 15 (2002). Право на воду (статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), 29-я сессия, Женева, 11-29 ноября 2002 г. U.N. Doc. E/C.12/2002/11 (20.01.2003). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G03/402/31/PDF/G0340231.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁵⁵ Тимофеев Л.А. Правовые проблемы обеспечения населения России питьевой водой нормативного качества: Дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004. 453 с.

¹⁵⁶ Случевская Ю.А. Право на воду в системе прав человека, конституционно-правовой механизм его реализации в законодательстве Российской Федерации // Научные труды РАЮН. Вып. 14: в 2 т. Т. 1. – М.: Юрист, 2014. С. 741-745.

¹⁵⁷ Султанова С.С. Реализация права человека на достаточный уровень жизни в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал 2012. № 3 (46). С. 94-97.

¹⁵⁸ Олейникова Т.Ю., Спиридонова Е.С. Право на воду в контексте европейского и российского правозащитного законодательства // Проблемы современного российского права. Материалы международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной памяти Ивана Яковлевича Дюрягина (4-5 мая 2007 г.). - Челябинск: Полиграф-Мастер, 2007, Ч. 1. - С. 148-151.

¹⁵⁹ Абашидзе А.Х., Кислицына Н.Ф. Доступ к питьевой воде - неотъемлемое право человека // Обозреватель - Observer. - М: РАУ-Университет. 2004. № 7. С. 86-94.

¹⁶⁰ Валеев Р.М., Гусейнов Т. Право на воду для жизни и международное право // Основные тенденции развития современного международного права. LIBER AMICORIUM в честь профессора Геннадия Иринарховича Курдюкова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2010. – С. 88-105. Гусейнов Т. Международно-правовое регулирование обеспечения права человека на воду // Казанский журнал международного права. - Казань: Изд-во Акад. управления «ТИСБИ». 2008. № 2. С. 77-84.

¹⁶¹ Солнцев А.М. Право на доступ к воде и международное право // Подготовка доклада о состоянии прав человека в Российской Федерации и зарубежных странах. – М.: Юрист, 2010. – С. 137-149.

При этом в большинстве из указанных работ авторы ограничиваются лишь рассмотрением Замечания общего порядка № 15 либо внимание уделяется актам мягкого права, принятым на различных международных конференциях по окружающей среде.

Для выявления юридического содержания права на воду и его места в системе прав человека необходимо обратиться к анализу его нормативной базы. Среди источников, прямо отражающих право на воду, следует назвать Замечание общего порядка № 15, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18.12.1979 г.¹⁶², Конвенцию о правах ребенка от 20.11.1989 г.¹⁶³, Конвенцию о правах инвалидов от 13.12.2006 г.¹⁶⁴, резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/64/292 «Право человека на воду и санитарии» от 03.08.2010 г.¹⁶⁵ На региональном уровне можно обозначить Африканскую хартию прав и основ благосостояния ребенка 1990 г.¹⁶⁶, Протокол относительно прав женщин в Африке 2003 г. к Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г.¹⁶⁷, Арабскую хартию прав человека 2004 г.¹⁶⁸ и др.

---

¹⁶² Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 341 – 355.

¹⁶³ Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁶⁴ Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7. С. 45 - 67.

¹⁶⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Право человека на воду и санитарии от 03 августа 2010 г. A/RES/64/292. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/479/37/PDF/N0947937.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁶⁶ African Charter on the Rights and Welfare of the Child 1990 // URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/afchild.htm> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁶⁷ Protocol to the African Charter on human and peoples' rights of women in Africa 2003 // URL: http://www.achpr.org/files/instruments/women-protocol/achpr_instr_proto_women_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁶⁸ Arab Charter on human rights 2004 // Translation by Dr. Mohammed Amin Al-Midani and Mathilde Cabanettes. Revised by Professor Susan M. Akram. URL: http://www.acihl.org/res/Arab_Charter_on_Human_Rights_2004.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Кроме того, выделяют также источники, содержание которых хотя прямо и не предусматривает право человека на воду, однако подразумевает его обеспечение¹⁶⁹. К их числу относят Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.¹⁷⁰, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее – Пакт 1966 г.)¹⁷¹, Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 46/91 от 16.12.1991 г. «Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей»¹⁷², Замечание общего порядка № 14 «Право на наивысший достижимый уровень здоровья» 2000 г.¹⁷³, и др.

В отдельных случаях к юридическим источникам права на воду относят также соглашения в области рационального использования и охраны трансграничных пресноводных ресурсов, в частности, Протокол по проблемам воды и здоровья 1999 г. (далее – Протокол 1999 г.) к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.¹⁷⁴, Берлинские правила 2004 г., Дублинские принципы 1992 г.¹⁷⁵, Водную хартию реки Сенегал 2002 г.¹⁷⁶ и др.

¹⁶⁹ Beail-Farkas L. The human right to water and sanitation: context, contours, and enforcement prospects // Wisconsin International Law Journal Vol. 30 No. 4, 2013. P. 772-774. Rutherford R. An international human right to water: How to secure the place of people ahead of profits in the struggle for water access // Alabama Law Review Vol. 62 No. 4, 2011. P. 872-874.

¹⁷⁰ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право. Сборник документов / Бекашев К.А., Бекашев Д.К. - М.: Проспект, 2009. С. 221 - 224.

¹⁷¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Международное публичное право. Сборник документов / Бекашев К.А., Бекашев Д.К. - М.: Проспект, 2009. С. 225 - 231.

¹⁷² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей от 16 декабря 1991 г. 46/91. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/586/23/IMG/NR058623.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁷³ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000). Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), 22-я сессия, Женева, 25 апреля - 12 мая 2000 г. U.N. Doc. E/C.12/2000/4 (11.08.2000). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G00/439/36/PDF/G0043936.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁷⁴ Протокол по проблемам воды и здоровья от 17 июня 1999 г. к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года // URL:

Касаясь вопроса об источниках рассматриваемого права, следует обратить внимание на проблему признания права на воду в качестве обычно-правовой нормы. Как отмечает С. МакКаффри, хотя многие государства и могут признавать право на воду, лишь отдельные из них сделали это явным образом, поэтому право на воду не является нормой, вытекающей из обычного международного права¹⁷⁷.

К данному вопросу также обращался в своем исследовании К. Боркуэйн (Германия), который пришел к выводу, что ввиду нежелания государств принимать на себя обязательства в рамках права на воду трудно установить какую-либо постоянную практику государств по нему, в связи с чем в настоящее время говорить о его обычно-правовом характере не представляется возможным¹⁷⁸.

В то же время имеются и иные точки зрения. Так, Р. Бэйтс (Австралия), исследовав наличие признаков международного обычая – продолжительность практики; ее постоянство и единообразие; всеобщий характер; убежденность в правомерности и необходимости соответствующего действия (*opinio juris*) – в контексте права на воду, приходит к выводу, что в настоящий момент в международном праве существует обычно-правовая норма, обеспечивающая право человека на воду¹⁷⁹.

---

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/water_protection.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁷⁵ The Dublin Statement on Water and Sustainable Development. January 31, 1992. URL: <http://www.un-documents.net/h2o-dub.htm> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁷⁶ Charter of Water of the Senegal River 28 May 2002 // URL: http://iea.uoregon.edu/pages/view_treaty.php?t=2002-SenegalRiverWaterCharter.EN.txt&par=view_treaty_html (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁷⁷ McCaffrey S. A Human Right to Water // in Fresh Water and International Economic Law – Weiss E.B. et al eds., 2005. P. 93-115.

¹⁷⁸ Bourquain K. Freshwater Access from a Human Rights Perspective: A Challenge to International Water and Human Rights Law. Martinus Nijhoff Publishers, 2008. P. 179-185.

¹⁷⁹ Bates R. The road to the well: an evaluation of the customary right to water // Review of European Community & International Environmental Law Vol. 19 No. 3, 2010. P. 282-293.

Аналогично, по мнению С. де Видо (Италия), выделяющей два критерия международного обычая – объективный (государственная практика) и субъективный (*opinio juris*, т.е. восприятие действия в качестве юридически обязательного) – большое количество практики позволяет утверждать, что право на воду получило признание в качестве обычно-правовой нормы. Оно может быть признано в качестве самостоятельного или независимого права¹⁸⁰.

Однако с подобной позицией и аргументами авторов трудно согласиться. Во-первых, не приходится говорить о продолжительном характере практики по данному вопросу.

Во-вторых, отсутствует единый подход к праву на воду и его месту в системе прав человека как в позициях государств, так и среди органов ООН, региональных и национальных механизмов защиты прав человека, что более детально рассматривается в главе 3 настоящего исследования. В качестве примеров государственной практики по праву на воду Р. Бэйтс и С. де Видо ссылаются на конституции отдельных стран (Южно-Африканская Республика (далее – ЮАР), Уругвай, Эфиопия, Замбия, Гамбия, Гайана, Лаос, Нигерия, Камбоджа, Колумбия, Эритрея, Панама, Венесуэла, Иран и Португалия)¹⁸¹. В литературе указывается, что конституции сорока двух стран предусматривают право на воду¹⁸². Однако в большинстве из указанных случаев речь идет не о прямо, непосредственно закрепленном праве на воду, а о праве «подразумеваемом», «имплицитном», вытекающем из текста конституции.

Кроме того, отдельные государства прямо выразили позицию относительно обычно-правового характера права на воду. Так, Министерство международного развития Великобритании в 2006 г. официально объявило, что право на воду – это не самостоятельное право или обычно-правовая

---

¹⁸⁰ de Vido S. Right to Water as an International Custom // Carbon & Climate Law Review Vol. 6 Issue 3, 2012. P. 223-225.

¹⁸¹ Bates R. Op. cit. P. 291. de Vido S. Op. cit. P. 223-224.

¹⁸² Rutherford R. Op. cit. P. 877.

норма, это также не часть права на жизнь, а элемент права на достаточный уровень жизни. По мнению Великобритании, каждый имеет право на достаточное количество безвредной и разумно доступной воды, необходимой для выживания, т.е. питья, приготовления пищи и личной гигиены¹⁸³.

Юридическое содержание права на воду раскрывается в Замечании общего порядка № 15. Право на воду определяется как обеспечение каждому человеку достаточного количества безвредной и доступной в экономическом и физическом плане питьевой воды для удовлетворения его повседневных потребностей. Оно является естественным правом человека и, по мнению КЭСКП, включает свободы (получение доступа к существующим ресурсам; защиту от произвольного отключения или загрязнения) и материальные права (право пользования системой водоснабжения и удаления сточных отходов)¹⁸⁴.

Неверными являются утверждения отдельных ученых и понимание отдельными государствами данного права в том ключе, что оно наделяет одно государство возможностью требовать обеспечения водой от другого государства¹⁸⁵. Право на воду не предполагает обязанность государств обеспечивать другие государства питьевой водой. Межгосударственные права и обязательства возникают относительно использования и охраны трансграничных ресурсов пресной воды и регулируются соответствующими универсальными, региональными и двусторонними международными договорами. Субъектом же права на воду выступает индивид, правомочиям которого корреспондируют обязательства со стороны государства по их обеспечению и реализации.

---

¹⁸³ UK position on human right to water 2006 // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/36540/uk-position-human-right-water.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁸⁴ Пункты 2, 10-12 Замечания общего порядка № 15 (2002).

¹⁸⁵ Pardy B. The dark irony of international water rights // Pace Environmental Law Review Vol. 28 Issue 3, 2011. P. 909.

Как отмечает КЭСКИ элементы права (свободы и материальные права) на воду должны быть адекватными. При определении адекватности следует руководствоваться следующими факторами:

а) наличие, т.е. достаточность и непрерывность водоснабжения для личных и бытовых целей;

б) качество – вода должна быть безопасной, свободной от микроорганизмов, химических веществ и радиоактивных отходов, опасных для здоровья человека;

в) доступность, которая, в свою очередь, включает четыре аспекта: физическая и экономическая доступность, недискриминация, доступ к информации¹⁸⁶.

Указанные факторы тесно взаимосвязаны и должны рассматриваться в совокупности при определении адекватности обеспечения индивида пресной водой. Следует обратить внимание на несколько моментов, связанных с данными факторами.

Так, согласно ст. 1 Основных принципов Глобальной рамочной конвенции о праве на воду, принятых в Барселоне на Всемирном форуме культур 2004 г., организованном ЮНЕСКО и Правительством Испании, назначение права на воду заключается в обеспечении человека пресной водой для удовлетворения его потребностей в питье, гигиене, приготовлении пищи, санитарии, а также в сельском хозяйстве¹⁸⁷.

Аналогично М. Коллинс (Канада) в рекомендациях Правительству Канады, в которых призывает государство к признанию данного права, отмечает, что оно включает различные виды водопользования, в том числе, судоходное, сельскохозяйственное и рыболовное¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Пункты 2, 10-12 Замечания общего порядка № 15 (2002).

¹⁸⁷ Fundamental Principles for a Global Convention on the Right to Water. May 2004. URL: http://www.barcelona2004.org/www.barcelona2004.org/esp/banco_del_conocimiento/docs/CO_49_EN_2.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁸⁸ Collins L.M. Implementing the Human Right to Water in Canada: A Discussion Paper. Ottawa, March 29 & 30, 2007. P. 6 // URL: <http://unac.org/wp-content/uploads/2012/10/A-Human-Right-to-Water.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Подобные утверждения не имеют под собой правовых оснований. Право на воду предполагает обеспечение водой для удовлетворения личных и бытовых потребностей. Под личными и бытовыми потребностями понимается необходимость воды для питья, личной санитарии, приготовления пищи, стирки и соблюдения элементарной гигиены. В связи с этим являются необоснованными попытки распространить право на воду на судоходное, сельскохозяйственное, рыболовное другие виды водопользования.

Фактор наличия воды рассматривается КЭСКИП через достаточность и непрерывность водоснабжения. Однако Комитет не раскрывает данные критерии, а лишь указывает, что непрерывность означает достаточность регулярного водоснабжения для личного и бытового использования¹⁸⁹.

При определении достаточности водоснабжения следует исходить из положений Руководства по обеспечению качества питьевой воды, принятого Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ) в 2011 г.¹⁹⁰ ВОЗ выделяет четыре уровня водообеспеченности, исходя из количества предоставляемой воды:

- а) отсутствие доступа – 5 литров на человека в день;
- б) основной (базовый) доступ – 20 литров на человека в день;
- в) средняя обеспеченность – 50 литров на человека в день;
- г) оптимальная обеспеченность – 100-200 литров на человека в день.

По мнению, Всемирного банка и Агентства США по международному развитию, обеспечение каждому лицу от 20 до 40 литров воды в день является достаточным для удовлетворения его базовых потребностей¹⁹¹.

---

¹⁸⁹ Замечание общего порядка № 15 (2002). С. 6.

¹⁹⁰ Guidelines for Drinking-water Quality – 4th ed., 2011. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/44584/1/9789241548151_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

¹⁹¹ Цит. по Gleick P.H. The Human Right to Water // Water Policy, Vol. 1 Issue 5, 1999. P. 487-503.

П. Глейк убежден, что для удовлетворения повседневных нужд человеку необходимо 50 литров воды в день, из них 5 – для питья, 20 – санитария и гигиена, 15 – принятие душа, 10 – приготовление пищи¹⁹².

Таким образом, критерий достаточности достигается, если в государстве каждому лицу обеспечивается ежедневный доступ к пресной воде в количестве не менее 20 литров.

Однако в связи с этим возникает вопрос с критерием непрерывности: означает ли он, что право на воду подразумевает запрет отключения или приостановления водоснабжения, т.к. в подобных случаях человек лишается доступа к воде, особенно в городских условиях? В развитых странах проблема с имплементацией права на воду связана именно с обеспечением доступа к услугам водоснабжения, а не с нехваткой инфраструктуры, как это имеет место в развивающихся государствах.

Как отмечается в выпущенном Управлением Верховного Комиссара ООН по правам человека издании «Право на воду. Изложение фактов № 35», не допускается лишение ни одного человека или группы лиц доступа к безопасной питьевой воде лишь на основании неплатежеспособности¹⁹³.

Замечание общего порядка № 15 прямо на данный вопрос не отвечает. Однако следует учитывать, что помимо непрерывности КЭСКП рекомендовал государствам принимать во внимание фактор доступности, который в свою очередь включает экономическую доступность воды.

Экономическая доступность воды включает возможность для всех пользоваться водой и системами и объектами водоснабжения, а также финансовую приемлемость прямых и косвенных затрат на водопользование¹⁹⁴. Согласно позиции ПРООН в рамках права на воду

---

¹⁹² Gleick P.H. Basic Water Requirements for Human Activities: Meeting Basic Needs. P. 83-92.

¹⁹³ Право на воду. Изложение фактов № 35 / Серия «Права человека: изложение фактов» - С. 15 // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet35ru.pdf> (дата обращения: 10.04.2014).

¹⁹⁴ Пункт 12 Замечания общего порядка № 15 (2002).

затраты на водоснабжение экономически обоснованы, если они не превышают трех процентов от дохода домохозяйства¹⁹⁵.

Большинство ученых, обращающихся к рассмотрению права на воду, также единогласны относительно платности водопользования¹⁹⁶. Как утверждают А. Кок (ЮАР) и М. Лэнгфорд (Великобритания), обязанность государства обеспечить доступ к воде предполагает создание достаточных условий для индивидов, обладающих денежными средствами, для покупки воды¹⁹⁷.

В практике отдельных государств возможность отключения водоснабжения решается по-разному. Так, в ЮАР, стране с наиболее развитым законодательством относительно права на воду, допускается полное прекращение подачи воды в домохозяйства в случае превышения бесплатно предоставляемых лимитов и неуплаты за использование ресурсов сверх этих норм.

Аналогичным примером является Франция, которая горячо выступает на различных международных конференциях за признание права на воду, тем не менее, считает допустимым прекращение водоснабжения в связи с неуплатой¹⁹⁸.

В Российской Федерации, также признающей право на воду, согласно ст. 21 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении» № 416-ФЗ от 07.12.2011 г. организация, занимающаяся предоставлением услуг горячего и холодного водоснабжения и водоотведения, вправе прекратить или ограничить предоставление услуг в случае наличия задолженности по их оплате за два расчетных периода, уведомив об этом абонента и надзорные

---

¹⁹⁵ Право на воду. Изложение фактов № 35. С. 16. Tabi M.T. Implementing the human right to water in Europe: Lessons from French and British Experiences // Willamette Journal of International Law & Dispute Resolution Vol. 19 Issue 1, 2011. P. 15.

¹⁹⁶ Fitzmaurice M. The Human Right to Water // Fordham Environmental Law Review Vol. XVIII, 2007. P. 556. Pardy B. Op. cit. P. 914.

¹⁹⁷ Fitzmaurice M. Op. cit. P. 200-202.

¹⁹⁸ Smets H. Implementing the Right to Water in France. P. 3 // URL: http://www.ielrc.org/activities/workshop_0704/content/d0723.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

органы за одни сутки¹⁹⁹. Более того, в случае непогашения задолженности в течение 60 дней со дня приостановления или прекращения подачи воды организация, осуществляющая водоснабжение и водоотведение, вправе отказаться от исполнения договора в одностороннем порядке.

В то же время в Великобритании, выступавшей в 2010 г. против принятия Генеральной Ассамблеей ООН упомянутой выше Резолюции A/RES/64/292 «Право человека на воду и санитарию», действует строгий запрет на отключение водоснабжения. Однако указанное вовсе не означает бесплатность водопользования. В рассматриваемой стране водный сектор был приватизирован еще в 1989 г., и к настоящему моменту существует целая сеть органов (например, Совет потребителей воды), благотворительных фондов и различных программ («WaterSure Scheme» и др.) субсидирования обеспечения водой бедных слоев населения²⁰⁰.

Качество воды означает, что по своим физическим и химическим свойствам, а также содержащимся микроорганизмам она должна быть безопасной для здоровья человека. Вода является безопасной в том случае, когда информированный и находящийся в здравом состоянии ума человек будет чувствовать себя защищенным при ее потреблении. На международном уровне стандарты качества воды разрабатываются и периодически обновляются ВОЗ в виде Руководств по обеспечению качества воды (в настоящее время действует вышеупомянутое четвертое издание 2011 года). Они служат ориентиром для разработки национальных стандартов качества питьевой воды, их надлежащее осуществление способно привести к исчезновению или минимизации содержащихся в воде вредных для здоровья человека веществ и микроорганизмов.

---

¹⁹⁹ Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении» от 07.12.2011 г. № 416-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7358.

²⁰⁰ Fitzmaurice M. Op. cit. P. 561-562. Tabi M.T. Op. cit. P. 16.

Фактор доступности раскрывается через физическую и экономическую доступность, недискриминацию и доступ к информации. Мы выше рассмотрели, что понимается под экономической доступностью.

Физическая доступность воды и систем водоснабжения предполагает их физическую безопасность для человека, а также доступ к ним в домохозяйствах, учебных заведениях, больницах и рабочих местах или их наличие на разумном расстоянии от этих мест с учетом возможностей различных групп населения. Согласно позициям международных органов разумным считается расстояние до источника водоснабжения, не превышающее одного километра²⁰¹.

Гарантия недискриминационного доступа к услугам водоснабжения и водоотведения предписывает государствам не лишать отдельных лиц или их группы возможности осуществления права на воду, исключительно исходя из запрещенных признаков – расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, религии, убеждений, происхождения, физической или психической недееспособности и др. Критерий недискриминации предполагает распределение водных ресурсов между различными группами потребителей на равной основе, что предотвращает противоправность экономического дефицита воды. Экономический дефицит воды, в отличие от физического, является искусственным, обуславливается государственной политикой, способствующей избыточному водопотреблению, препятствующей бедным слоям населения в доступе к объектам водной инфраструктуры, предоставляющей льготы отдельным водопользователям и т.д. Согласно Докладу о развитии человека 2006 г. дефицит воды в мире носит преимущественно не физический, а институциональный или политический характер²⁰².

---

²⁰¹ Право на воду. Изложение фактов № 35. С. 15. Guidelines for Drinking-water Quality – 4th ed., 2011. P. 84.

²⁰² Доклад о развитии человека 2006 «Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов». / Пер. с англ. - М.: «Весь Мир», 2006. С. 3, 211.

Кроме того, государствам рекомендуется уделять особое внимание категориям лиц, которые традиционно сталкиваются с трудностями при реализации права на воду: женщинам, детям, лицам с ограниченными возможностями, меньшинствам, коренным народам, беженцам, трудящимся-мигрантам, заключенным и находящимся под стражей лицам. Особое уязвимое положение указанных категорий лиц вызвало принятие международных договоров и деклараций, которые в том числе предусматривают обеспечение доступа к чистой питьевой воде. Как отмечалось выше, защиту права на воду предусматривают конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 г., о правах ребенка 1989 г., о правах инвалидов 2006 г.

В 2007 г. Резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация ООН о правах коренных народов, ст. 25 которой предусматривает, что последние имеют право поддерживать и укреплять особую духовную связь с традиционно принадлежащими им территориями и ресурсами, в том числе водами²⁰³. Статья 32 документа предписывает сотрудничество и консультации государств с представителями коренных народов относительно любых проектов, затрагивающих их земли и другие ресурсы, особенно связанных с освоением, использованием или разработкой полезных ископаемых, водных или других ресурсов.

В настоящее время реализация права коренных народов на воду подвергается существенной угрозе. Согласно Докладу парламентского комиссара Канады по окружающей среде и устойчивому развитию 2005 г. коренные народы пользуются меньшей степенью защиты, нежели иные граждане страны, около 75 % водных систем коренных народов несут существенный риск для качества и безопасности питьевой воды; реализация права на воду коренных народов должна быть приоритетной задачей

---

²⁰³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Декларация ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

канадского правительства²⁰⁴. Значительные нарушения права коренных народов на воду наблюдаются в США²⁰⁵.

В 1955 г. на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты и впоследствии одобрены Экономическим и Социальным Советом ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными²⁰⁶. Данный акт носит рекомендательный характер. В пунктах 13, 15, 20 указывается на необходимость обеспечения лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, достаточным количеством воды для питья, принятия душа и поддержания личной гигиены. Однако практическая реализация указанных положений далека от желаемого эффекта. Как показывает судебная практика большинство рассматриваемых международными органами дел относительно права на воду, в особенности с участием Российской Федерации, связаны с нарушением юридических возможностей данной категории лиц.

Фактор доступности также предполагает возможность индивида искать, получать и распространять информацию касательно вопросов воды. Речь идет об информации относительно ресурсов пресной воды, системах водоснабжения и окружающей среде, которой располагают государственные органы и третьи лица.

Право на доступ к информации нашло отражение в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., все государства-участники обязаны обеспечивать его реализацию.

Возможность получения сведений о ресурсах пресной воды, в том числе содержащихся в трансграничных водных объектах, и об окружающей

---

²⁰⁴ Collins L.M. Op. cit. P. 11-14. Harnum J. Deriving the Right to Water from the Right to Life, Liberty and Security of the Person: Section 7 of the Canadian Charter of Rights and Freedoms and Aboriginal Communities in Canada // Review of European Community & International Environmental Law Vol. 19, Issue 3, 2010. P. 306-315.

²⁰⁵ Hiers R.H. Water: A Human Right Or Responsibility? // Willamette Law Review Vol. 47, Issue 3, 2011. P. 467-493.

²⁰⁶ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты в г. Женеве в 1955 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 290-311.

среде подпадает также под более конкретное юридическое дозволение – право на доступ к экологической информации, закрепленное в Орхусской конвенции 1998 г.²⁰⁷ Конвенцией к экологической информации отнесены три категории сведений: а) о состоянии элементов окружающей среды, в частности, воде; б) о факторах, деятельности, включая соглашения в области окружающей среды, анализ и результаты деятельности, касающейся окружающей среды; в) состоянии здоровья и безопасности людей, условиях их жизни, состоянии объектов в той степени, в какой на них воздействуют или могут воздействовать элементы окружающей среды.

От всемерной реализации норм обозначенных документов зависит адекватность реализации права на воду. Как замечает А.М. Солнцев, право на доступ к информации представляет собой гарантию осуществления экологических прав человека²⁰⁸, к числу последних можно также отнести и право на воду. С подобным мнением можно согласиться, исходя из положений ст. 1 Орхусской конвенции, согласно которой государства гарантируют права на доступ к информации, на участие общественности в процессе принятия решений и на доступ к правосудию по вопросам окружающей среды для содействия защите прав нынешнего и будущих поколений людей.

Помимо элементов права на воду и фактором определения их адекватности в Замечании общего порядка № 15 выделяются также три типа обязательств государств относительно права на воду:

1) уважать – государства воздерживаются от прямого или косвенного вмешательства в процесс осуществления права на воду;

---

²⁰⁷ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 05 июня 1998 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁰⁸ Солнцев А.М. Международно-правовая защита экологических прав человека: региональная специфика // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского Института Бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 276.

2) защищать – предотвращение вмешательства третьих лиц в процесс осуществления права на воду;

3) осуществлять – государства должны принимать законодательные, административные, бюджетные, судебные, поощрительные и иные меры для полной реализации права на воду²⁰⁹.

Подобное разделение обязательств было предложено в 1980 г. Г. Шью (Британия), и в настоящее время широко распространено в практике международных органов по защите прав человека и специализированных учреждений ООН²¹⁰.

Основная дискуссия в юридической литературе относительно обязательств в рамках права на воду сводится к порядку их реализации. Так, С. МакКаффри пишет, что обязательства государств в рамках права на воду должны носить характер должной осмотрительности, а не абсолютный. По мнению ученого, ни Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., ни Конвенция о правах ребенка 1989 г. не предусматривают наделение соответствующим правом индивидов, а лишь налагают обязательства на государства. Более того, даже если существует право на воду, то его реализация должна быть постепенной. Незамедлительное исполнение обязательств государств относительно данного права, во-первых, не реально, во-вторых, принесет больше вреда, чем пользы²¹¹.

Данное мнение также разделяет М. Фитцморис (Великобритания), указывая, что реализация права на воду должна носить нарастающий, прогрессивный характер, а Замечание общего порядка № 15 не носит обязательного характера. Однако далее автор отмечает, что право на воду

---

²⁰⁹ Пункты 20-29 Замечания общего порядка № 15 (2002).

²¹⁰ Shue H. *Basic Rights: Subsistence, Affluence and US Foreign Policy*. – New Jersey: Princeton University Press. – 1st ed., 1980; 2nd, revised ed., 1996. 256 p. / Цит. по Захарова Л.И. Права человека и охрана окружающей среды: взаимосвязь концепций, актуальные проблемы (часть 1) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 94.

²¹¹ McCaffrey S. *A Human Right to Water* // in *Fresh Water and International Economic Law* – Weiss E.B. et al eds., 2005. P. 115.

является существующим, живым элементом современного международного права, но, в то же время, это некий хрупкий, новорожденный компонент, нуждающийся в развитии и тщательной разработке²¹².

Согласно ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. государства приняли на себя обязательства по обеспечению постепенного осуществления признанных в Пакте прав в пределах имеющихся ресурсов. Однако еще в 1990 г. в Замечании общего порядка № 3 КЭСКП указал, что, несмотря на положение о постепенной реализации Пакта, по смыслу ст. 2 на государства возлагаются два типа обязательств безотлагательного характера: а) гарантия осуществления прав на недискриминационной основе; б) принятие мер, шагов, действий по реализации предусмотренных прав хотя бы на самом минимальном уровне²¹³.

В п. 37 Замечания общего порядка № 15 определен низший предел незамедлительного осуществления права на воду, согласно которому государства обязаны обеспечить:

- а) доступ к минимально необходимому количеству безопасной воды;
- б) доступ к воде и водным объектам без какой бы то ни было дискриминации;
- в) физический доступ к водным системам;
- г) отсутствие угрозы личной безопасности при физическом доступе к водной инфраструктуре;
- д) равномерное распределение воды в рамках всех имеющихся систем водоснабжения;
- е) принятие национальной стратегии и планов действий касательно водоснабжения;

---

²¹² Fitzmaurice M. Op. cit. P. 554-555.

²¹³ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 3 (1990). Природа обязательств государств-участников (пункт 1 статьи 2 Пакта), 5-я сессия, 1990 г. U.N. Doc. E/1991/23. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCESCR%2fGEC%2f4758&Lang=ru (дата обращения: 01.07.2015 г.).

- ж) мониторинг реализации права на воду;
- з) принятие недорогостоящих целевых программ для помощи уязвимым и обездоленным слоям населения;
- и) принятие мер превенции и контроля водообусловленных заболеваний.

Учитывая, что право на воду сводится к обеспечению каждому лицу достаточного количества безвредной, физически и экономически доступной питьевой воды для удовлетворения повседневных потребностей, фактически, перечисленный КЭСКП минимальный перечень безотлагательных обязательств предполагает незамедлительную реализацию данного права человека. Подобный подход, конечно, обоснован, т.к. сама жизнедеятельность, существование человека немыслимо без необходимого количества питьевой воды. Как известно, если человек может обойтись без пищи до ста дней, то без воды здоровый человек, помещенный в идеальные условия, способен прожить не более пяти дней. В то же время следует помнить, что хотя КЭСКП и является органом, который занимается толкованием положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., его замечания не носят юридически обязательного характера, соответственно их несоблюдение не влечет какой-либо ответственности для государств.

Примечательно, что Замечание общего порядка № 15 ничего не говорит об обязательствах водопользователей. К ним, в частности, можно отнести обязательство сохранять водные ресурсы, использовать их устойчивым образом, не допускать загрязнения источников воды, своевременно оплачивать полученные ресурсы и др.

С обязательствами государств относительно права на воду связан иной, наверное, наиболее дискуссионный вопрос – о его самостоятельном характере и месте в системе прав человека. При рассмотрении данного аспекта перед исследователем предстает многообразие мнений ученых, а

также разнородные подходы в международном и национальном правотворчестве.

Некоторые ученые в целом отвергают наличие права на воду в современном международном праве. Так, французский исследователь Г. Сметс (Франция) пишет, право на воду предполагает возложение определенных обязательств на государства, т.к. действующие международные договоры прямо не предусматривают подобных обязательств, соответственно оно не существует²¹⁴.

Аналогично С. Талли (Нидерланды) выступил с жесткой критикой Замечания общего порядка № 15. Автор отмечает, что трактовка слова «включая», данная КЭСКП в упомянутом акте, является спекуляцией с количеством и природой условий для реализации права на достаточный жизненный уровень. С таким же успехом, по мнению ученого, можно было бы включить в условия обеспечения достаточного уровня жизни доступ к сети Интернет, почтовые услуги и др., положения Пакта 1966 г. следует трактовать буквально, а не заниматься их пересмотром или ревизией²¹⁵.

Критика С. Талли представляется необоснованной по следующим основаниям. Во-первых, согласно ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. толкование международных соглашений должно осуществляться добросовестно с учетом обычного значения слов, а также исходя из его объекта и целей²¹⁶. Кроме того, существенное значение имеют любые последующие соглашения, установившаяся практика применения, а также иные нормы международного права. Толкование статей 11 и 12 Пакта 1966 г., данное КЭСКП в Замечании общего порядка № 15, соответствует объекту и целям договора, и, безусловно, направлено на

---

²¹⁴ Smets H. Economics of Water Services and the Right to Water // in Fresh Water and International Economic Law – Weiss E.B. et al eds., 2005. P. 177.

²¹⁵ Tully S. A Human Right to Access Water? A Critique of General Comment No 15 // Netherlands Quarterly of Human Rights Vol. 23 No. 1, 2005. P. 37-38.

²¹⁶ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

защиту прав человека и устранение имеющихся нарушений. В частности, КЭСКП установил нарушения, связанные с обеспечением населения водой, в 33 из 144 Заключительных замечаний по докладам государств, сделанных в период с 1993 по 2002 гг., в том числе в отношении Российской Федерации в 1997 г.²¹⁷ Сложившаяся практика также демонстрирует обеспечение права на воду в том или ином виде в большинстве современных государств. Тот факт, что в подготовительных материалах ни разу не упоминалась питьевая вода, объясняется тем, что вода, как и воздух, является настолько фундаментальным, необходимым для человека ресурсом, что его отдельное включение в акты по правам человека их авторам в 50-60-е гг. XX в. не представлялось необходимым.

Во-вторых, расширительное толкование текстов юридических документов посредством использования слова «включая» не является новеллой в деятельности КЭСКП. Многие международные и национальные органы используют подобную юридическую технику.

Наконец, неуместна аналогия с доступом к сети Интернет, почтовым услугам и т.п. Обозначенные условия жизни современного человека не являются жизненно необходимыми, в отличие от обеспеченности питьевой водой надлежащего качества и в достаточном количестве.

По мнению Б. Парди (США), нельзя говорить о наличии того или иного права, если отсутствуют механизмы его защиты, соответственно право на воду не существует, т.к. оно не подлежит защите в международных органах и судебных учреждениях²¹⁸. Однако автор заблуждается, т.к. наличие права человека не находится в зависимости от существования механизмов его защиты. Более того, право на воду эффективно охраняется в рамках существующих международных и национальных институтов защиты прав

---

²¹⁷ Bulto T.S. The Emergence of the Human Right to Water in International Human Rights Law: Invention or Discovery? // Melbourne Journal of International Law Vol. 12, 2011. P. 305-306.

²¹⁸ Pardy B. Op. cit. P. 915.

человека, решения которых будут рассмотрены в главе 3 настоящего исследования.

Фактически аргументы противников признания права на воду сводятся к двум основным доводам: а) инструменты в области прав человека не содержат его явного выражения, закрепления; б) оно является частью других прав (на жизнь и здоровье) и не может выходить за их пределы, например, устанавливая требования относительно количества и качества воды.

Позиции сторонников признания права на воду, в свою очередь, характеризуются разнообразием относительно его места в системе прав человека. Так, в качестве самостоятельного права его рассматривают Ю.А. Случевская, П. Глейк, Б.Т. Собока (Австралия), К. Тецлаф (Новая Зеландия), Л. Хуанг (США), Дж. Карлсон (США)²¹⁹, Л. Бийл-Фаркас (США)²²⁰, Р. Резерфорд (США)²²¹ и др.

Ю.А. Случевская отмечает, что в международном праве прослеживается тенденция признания права на воду в качестве неотчуждаемого права. Далее автор указывает, что хотя оно и защищается в качестве составной части большинства других признанных прав человека, в том числе Конституцией Российской Федерации, однако такой подход не учитывает ценность воды как уникального блага. В связи с этим ученый ставит радикальный вопрос – принять новую Конституцию, в которой следует прямо закрепить право человека на воду²²².

П. Глейк, как отмечалось ранее, предлагает закрепить отдельной формулировкой право на воду в международных договорах по правам человека.

---

²¹⁹ Carlson J. A critical resource or just a wishing well? A proposal to codify the law on transboundary aquifers and establish an explicit human right to water // *American University International Law Review* Vol. 26 No. 5, 2011. P. 1412, 1436.

²²⁰ Beail-Farkas L. *Op. cit.* P. 799, 801.

²²¹ Rutherford R. *Op. cit.* P. 884.

²²² Случевская Ю.А. Указ. соч. С. 741-745.

К. Тецлафф предлагает принять отдельную конвенцию, признающую право на воду в качестве самостоятельного права²²³.

По мнению, Б.Т. Собока самостоятельное право на воду существовало и до принятия Замечания общего порядка № 15, а КЭСКП лишь отразил имеющуюся практику и более того, к сожалению, слишком узко трактовал содержание права на воду.

В более осторожной манере относительно самостоятельного характера права на воду высказывается Л.И. Захарова. Она отмечает, что для граждан государств, столкнувшихся с водным кризисом, более желательным является вариант прямого закрепления права на воду в региональном договоре по правам человека или национальном законодательстве, т.к. это приведет к установлению юридической определенности и эффективного правового механизма защиты²²⁴. Действующие международно-правовые нормы не устанавливают требований относительно формы закрепления и обеспечения права на воду в национальном законодательстве, ее выбор зависит от воли национальных правотворческих сил. Как следует из государственной практики, эффективная реализация права на воду осуществляется и в тех странах, где рассматриваемое право не нашло прямого отражения в конституциях или иных нормативных актах.

В пункте 66 Доклада Управления Верховного комиссара ООН по правам человека A/HRC/6/3 от 16.08.2007 г. также отмечается, что настало время признать доступ к безопасной питьевой воде и санитарным услугам в качестве одного из прав человека²²⁵.

---

²²³ Tetzlaff K. Towards a Global Convention on the Right to Water? / New Zealand Postgraduate Law E-Journal Issue 2, 2005. P. 31.

²²⁴ Захарова Л.И. Права человека и охрана окружающей среды: взаимосвязь концепций, актуальные проблемы (часть 2) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10 (77). С. 85.

²²⁵ Совет по правам человека. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о сфере охвата и содержании соответствующих правозащитных обязательств, связанных со справедливым доступом к безопасной питьевой воде и санитарным услугам, в рамках международных договоров о правах человека, 6-я сессия,

Однако более убедительной представляется иная точка зрения – право на воду является производным от других прав человека и служит необходимым условием их реализации. Подобный подход, в частности, нашел отражение в Замечании общего порядка № 15, в п. 3 Резолюции Совета по правам человека A/HRC/RES/15/9 от 06.10.2010 г.²²⁶, Основных принципах глобальной рамочной конвенции о праве на воду 2004 г., а также в юридической литературе²²⁷.

В качестве аргументов в пользу выделения права на воду в качестве самостоятельного права указывается на то, что таким образом будет внесена ясность в содержание права на воду, что, в свою очередь, облегчит процессы его имплементации государствами и даст ясные представления индивидам о юридических средствах защиты данного права²²⁸. Кроме того, это даст возможность контроля его реализации со стороны международных органов и повлечет более специфическую ответственность государств²²⁹.

Б.Т. Собока также указывает, что отрицание самостоятельного характера права на воду приводит к тому, что оно становится вспомогательным, в таком случае защита его возможна только тогда, когда нарушено основное право. Таким образом, будут обеспечены правовой охраной и имплементированы лишь отдельные аспекты права на воду. Например, если вода будет предоставляться в количестве и качестве ниже

2007 г. U.N. Doc. A/HRC/6/3 (16.08.2007). П. 66. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G07/136/57/PDF/G0713657.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²²⁶ Резолюция Совета по правам человека. Права человека и доступ к питьевой воде и санитарным услугам от 06 октября 2010 г. A/HRC/RES/15/9. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G10/166/35/PDF/G1016635.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²²⁷ Абашидзе А.Х., Кислицына Н.Ф. Доступ к питьевой воде - неотъемлемое право человека. С. 86-94. Солнцев А.М. Право на доступ к воде и международное право. С. 138-139. Bluemel E.B. The Implications of Formulating a Human Right to Water // Ecology Law Quarterly Vol. 31 No. 4, 2004. P. 1005-1006. Donoho D. Some critical thinking about a human right to water // ILSA Journal of International & Comparative Law Vol. 19 No. 1, 2012. P. 99.

²²⁸ Beail-Farkas L. Op. cit. P. 799-801. Rutherford R. Op. cit. P. 883, 884.

²²⁹ Huang L. Not Just Another Drop in the Human Rights Bucket: the Legal Significance of a Codified Human Right to Water // Florida Journal of International Law Vol. 20, 2008. P. 361-362.

необходимого, тогда это не будет нарушением права на здоровье, а право на воду будет нарушено²³⁰.

По мнению Ф. Роз (США), основанному на изучении опыта ЮАР, признание самостоятельного права на воду ценно в том смысле, что это способно привести: а) к возложению на государства конкретных обязательств и ответственности; б) возобновлению попыток удовлетворить основные потребности населения в питьевой воде; в) установлению экономического приоритета удовлетворения базовых потребностей людей в воде перед иными инвестиционными и управленческими решениями²³¹.

Однако сторонниками данной позиции не учитывается, что достижение указанных целей возможно и путем толкования действующих международных норм, направленных на защиту прав человека. Именно на телеологическом толковании положений Пакта 1966 г. основано Замечание общего порядка № 15, что согласуется с нормами Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. о толковании соглашений.

Авторитетный ученый в области международного экологического права А. Бойл (Великобритания) в своих недавних работах анализировал вопросы соотношения прав человека и экологических прав – «экологизацию» («озеленение») международного права прав человека, необходимость принятия протокола по экологическим правам к Европейской конвенции о правах человека, и другие проблемы. В результате исследования ученый пришел к выводу, что, за редким исключением, действующие механизмы защиты прав человека с учетом их современного толкования судебными и иными органами способны и обеспечивают достаточную защиту экологических прав²³². Анализ практики Европейского суда по правам

---

²³⁰ Bulto T.S. Op. cit. P. 304-305.

²³¹ Rose F. Water Justice in South Africa: Natural Resources Policy at the Intersection of Human Rights, Economies, and Political Power // *Georgetown International Environmental Law Review* Vol. 18 Issue 1, 1992. P. 185.

²³² Boyle A. Human Rights and the Environment: A Reassessment // *Fordham Environmental Law Review*, 2008. P. 471-511. Boyle A. Human Rights and the Environment: Where Next? // *The European Journal of International Law* Vol. 23 No. 3, 2012. P. 613-642. Boyle A. Human

человека, представленный в главе 3 настоящего исследования, также подтверждает выводы А. Бойла относительно права на воду.

Более того, признание права на воду в качестве отдельного права наоборот способно затруднить процессы его имплементации. Так, например, если в настоящий момент национальные суды государств защищают право на воду путем расширительного толкования права на жизнь, благоприятную окружающую среду и др., то в случае признания права на воду в качестве самостоятельного, они будут лишены такой возможности.

Следует также заметить, что обособление права на воду обедняет иные права, закрепленные в действующих нормативных актах в области прав человека, лишает их определенного нормативного содержания, вносит правовую неопределенность в систему прав человека. Вычленение различных прав из устоявшихся к настоящему моменту приведет к размыванию прав человека.

Анализ источников, прямо или косвенно предусматривающих право на воду, также выявляет различные подходы относительно места права на воду в системе прав человека. Так право на воду выделяется в контексте права на жизнь, на достаточный жизненный уровень, на наивысший достижимый уровень здоровья, права на развитие, права на социальную защиту, права на развитие сельских районов, права на продовольственную безопасность, права на человеческое достоинство и др.

КЭСКОП определил его частью прав на достаточный жизненный уровень и наивысший достижимый уровень здоровья, т.е. соответственно ст. ст. 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. При этом также отмечена особая связь с правом на жизнь и человеческое достоинство. Данная позиция также отражена в п. 3 упоминаемой ранее Резолюции Совета по правам человека A/HRC/RES/15/9

от 06.10.2010 г., и вновь была подтверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/157 «Право человека на безопасную питьевую воду и санитарную» от 18.12.2013 г.²³³

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. рассматривает право пользоваться водоснабжением как часть права на надлежащие условия жизни (пп. «h» п. 2 ст. 14). Следует отметить, что С. МакКаффри критикует выделение права на воду из права на жизнь, аргументируя свою позицию тем, что Комиссия по правам человека исключила условия существования из юридического содержания права на жизнь²³⁴. Однако с ученым согласиться невозможно. Так, еще в 1982 г. Комитет по правам человека в Замечании общего порядка № 6²³⁵ к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. указал, что государства в своих докладах крайне часто узко трактуют право на жизнь, что является недопустимым. В п. 5 указанного Замечания Комитет отметил, что право на жизнь возлагает на государства не только негативные обязательства, но и требует принятия конструктивных мер для снижения смертности и увеличения продолжительности жизни. Обеспечение необходимым количеством безопасной питьевой воды, безусловно, является необходимым условием жизни человека.

Право на воду как часть права на здоровье рассматривается в пп. «с» п. 2 ст. 24 Конвенции о правах ребенка 1989 г., пп. «с» п. 2 ст. 14 Африканской хартии прав и основ благосостояния ребенка 1990 г., пп. «е» п. 2 ст. 39 Арабской хартии прав человека 2004 г., государства-участники которых признают право на здоровье и для его реализации, в частности, обязуются

---

²³³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Право человека на безопасную питьевую воду и санитарную от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/157. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/448/89/PDF/N1344889.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²³⁴ McCaffrey S. A Human Right to Water // in Fresh Water and International Economic Law – Weiss E.B. et al eds., 2005. P. 93.

²³⁵ Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 6 (1982). Статья 6 (право на жизнь), 16-я сессия, 1982 г. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6630&Lang=ru (дата обращения: 01.07.2015 г.).

обеспечивать предоставление достаточного продовольствия и чистой питьевой воды.

Конвенция о правах инвалидов 2006 г. в ст. 28 «Достаточный жизненный уровень и социальная защита» относит доступ к получению чистой воды к праву на социальную защиту (пп. «а» п. 2).

Обеспечение доступа к чистой питьевой воде как часть права на продовольственную безопасность предписывает п. «а») ст. 15 Протокола к Африканской Хартии прав человека и народов относительно прав женщин в Африке 2003 г.

На национальном уровне также не наблюдается единства при определении места права на воду в системе прав человека.

Наиболее развитой страной в вопросах обеспечения права на воду в настоящее время являются ЮАР. Конституция ЮАР 1996 г. выделяет право на воду в качестве отдельного гарантируемого права. Пункт «b» ч. 1 ст. 27 устанавливает право каждого на достаточное количество еды и воды²³⁶. Часть 2 обозначенной статьи обязывает государство в пределах своих возможностей проводить административные и иные мероприятия для достижения прогрессивной реализации указанного права. Кроме того, нормативную базу обеспечения права на воду в ЮАР также составляют Национальный закон о воде 1998 г. и Закон об услугах водоснабжения 1997 г.²³⁷ Юридическое содержание конституционного права на воду, предлагаемое теоретиками, тождественно тому, что содержится в Замечании общего порядка № 15, также отмечается его связь с иными правами – на жизнь, равенство, образование, безвредную и благополучную окружающую среду, на санитарии²³⁸.

---

²³⁶ Constitution of the Republic of South Africa 1996 // URL: <http://www.gov.za/documents/constitution/1996/a108-96.pdf> (дата обращения: 10.04.2014 г.).

²³⁷ du Plessis A. A Government in deep water? Some thoughts on the State's duties in relation to water arising from South Africa's Bill of Rights // Review of European Community & International Environmental Law Vol. 19 No. 3, 2010. P. 317.

²³⁸ Ibid. P. 319.

В 2006 г. во Франции был принят закон «О воде и водной среде», вносящий поправки в ст. 210 Экологического кодекса 2006 г.²³⁹, в результате которых текст данной статьи в настоящее время прямо предусматривает, что «согласно действующему законодательству каждый человек имеет право на доступ к питьевой воде для приготовления пищи и личной гигиены на экономических приемлемых условиях».

В 2004 г. в Уругвае был проведен общенациональный референдум, в результате которого к Конституции 1967 г.²⁴⁰ страны были приняты поправки, признающие право на воду в качестве одного из фундаментальных прав человека. Более того, ст. 47 Конституции Уругвая устанавливает, что государственная политика в области водоснабжения и санитарии будет основываться на устойчивом использовании водных ресурсов, участии общественности в принятии решений по водным вопросам на всех уровнях управления, установлении приоритета питьевого водопользования. Поверхностные и подземные воды составляют единый гидрологический ресурс и признаются общественным достоянием, запрещается оказание услуг водоснабжения и санитарии со стороны негосударственных компаний. Конституция также содержит положение о том, что тремя пятими голосов от общего числа депутатов обеих палат законодательного органа страны допускается принятие законов о предоставлении воды другим государствам при ее дефиците в них и по соображениям солидарности.

Право на воду прямо предусмотрено в основных законах и некоторых других стран: Демократическая Республика Конго – ст. 48; Кения – ст. 65; Уганда – ст. 14; Гамбия – ст. 216; Замбия – ст. 112; и др.

Однако в большинстве государств право на воду защищается через иные общепризнанные права человека. Так, в Великобритании – это часть

---

²³⁹ Code de l'environnement. Version consolidée au 01 juillet 2015. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006074220&dateTexte=20150828> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁴⁰ Constitution of the Oriental Republic of Uruguay 1967. URL: <http://faolex.fao.org/faolex/Constitutions.html> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

права на достаточный уровень жизни. Аналогичный подход к праву на воду проявлен в Конституциях Ирана, Доминиканской Республики, Индонезии, Эквадора и др. стран. В качестве элемента права на жизнь или права на благоприятную окружающую среду оно защищается в Индии, Филиппинах и некоторых других странах.

Российская Федерация признает право человека на воду, о чем свидетельствует, в частности, ее позиция при голосовании по упоминаемым ранее резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН по воде и санитарии. При этом в России отсутствует прямое признание и закрепление права на воду. Фактически оно обеспечивается через положения упомянутого Водного кодекса 2006 г., ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» 2011 г., Санитарно-эпидемиологическими правилами и нормами 2.1.4.10749-01 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды» от 16.09.2001 г.²⁴¹ и 2.1.4.1175-02 «Гигиенические требования к качеству воды нецентрализованного водоснабжения. Санитарная охрана источников» от 17.11.2002 г.²⁴², и др.

Подводя итоги, необходимо отметить, что анализ международных договоров, норм мягкого права и национальных актов, прямо или косвенно предусматривающих право на воду, показал отсутствие единообразной, продолжительной и всеобщей практики на всех уровнях, что не позволяет рассматривать право на воду в качестве обычно-правовой нормы международного права.

Юридическая сущность права на воду сводится к возможности индивида требовать от государства и иных лиц:

– обеспечения ежедневно для удовлетворения своих повседневных потребностей не менее 20 литрами питьевой воды;

---

²⁴¹ СанПиН 2.1.4.10749-01 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды» от 16.09.2001 г. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901798042> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁴² СанПиН 2.1.4.1175-02 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды» от 17.11.2002 г. // URL: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/10/10948/ (дата обращения: 01.07.2015 г.).

– предоставляемая пресная вода должна быть безвредной, приемлемой по цвету, запаху и вкусу;

– должна обеспечиваться доступность пресной воды в экономическом и физическом плане, т.е. не более чем в одном километре от домовладения и из безопасных источников снабжения.

При этом на государства возлагаются корреспондирующие данному праву обязанности по созданию максимально благоприятных условий получения воды для личных целей, а также по невмешательству и предотвращению подобных действий со стороны третьих лиц в процесс осуществления данного права индивидами путем принятия законодательных, административных, технических, экономических и иных мер, в том числе учреждению эффективных механизмов его защиты в случае нарушений.

Право на воду является производным и служит необходимым условием реализации иных прав человека – на достаточный жизненный уровень; на наивысший достижимый уровень здоровья; права на жизнь; права на развитие; права на социальную защиту; на продовольственную безопасность; на человеческое достоинство и др. Выделение права на воду в качестве самостоятельного права способно затруднить его имплементацию, приведет к лишению определенного юридического содержания иных прав, закрепленные в действующих нормативных актах, а также к правовой неопределенности в системе прав человека.

§ 2.2. Взаимосвязь норм о правах человека и международных экологических норм в регулировании рационального использования пресной воды

Как мы отмечали в главе 1 настоящего исследования, пресная вода в современном международном праве выступает в двух аспектах:

1) как объект международных экологических правоотношений, т.е. ресурс управление, использование и охрана которого порождает включенные в определенные правовые рамки отношения между субъектами;

2) как ресурс, наличие которого является необходимым условием обеспечения права человека на воду.

Указанное означает, что международно-правовое регулирование рационального использования ресурсов пресной воды осуществляется нормами двух отраслей международного права – международного экологического права и международного права прав человека.

Исследовав каждый из вышеуказанных аспектов в отдельности, а также учитывая, что международное право представляет собой самостоятельную систему, т.е. единство закономерно расположенных и взаимосвязанных юридических норм, необходимо рассмотреть соотношение норм обозначенных отраслей международного права в вопросах рационального использования пресной воды в целях выявления возможных коллизий, путей их устранения и дальнейшего совершенствования нормативного регулирования.

В связи с этим следует, прежде всего, обратиться к доминирующей в настоящее время концепции устойчивого развития. Возникновение данной концепции связано с осознанием человечеством того факта, что возможности окружающей нас природной среды не безграничны, как и ее ресурсный потенциал. Британский исследователь У. Онзиву отмечает, что международное экологическое право в своем развитии прошло три стадии,

которые частично перекрывают друг друга по временным рамкам. Первый этап характеризовался исключительной антропоцентричностью, заинтересованностью настоящего поколения в использовании ресурсов и их защите от загрязнения. Второй этап дополнил данные положения обязанностью настоящего и будущих поколений сохранять нашу планету. Наконец, третий этап – отход от антропоцентризма и появление новой парадигмы, которая признает за природой возможность обладать собственными правами. По мнению У. Онзиву (Великобритания), на данной стадии право сконцентрировано на обязательствах человека перед окружающей средой и на экологическом выживании, нежели на развитии человека и его потребностях²⁴³.

В некоторой степени к данной точке зрения примыкает позиция Д.С. Боклан, по мнению которой в действующем международном праве окружающей среды осуществлен переход от антропоцентризма к эоцентризму²⁴⁴.

Указанные авторы правы в том, что современное международное экологическое право делает существенный упор на сохранении окружающей среды, однако вопросы развития и удовлетворения человеческих нужд не отходят на второй план и, тем более, не прекращают приниматься во внимание, подтверждением чему является концепция устойчивого развития.

Впервые термин устойчивое развитие и его определение появляются в Докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития (далее – Комиссия Брундтланд) «Наше общее будущее» 1987 г.²⁴⁵ Дальнейшее подтверждение данная концепция нашла в Рио-де-Жанейрской

---

²⁴³ Onzivu W. Long Road to Integrating Public Health into Sustainable Development of Shared Freshwaters in International Environmental Law: Lessons from Lake Victoria in East Africa // International Lawyer Vol. 46 No. 3, 2012. P. 869.

²⁴⁴ Боклан Д.С. «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 118.

²⁴⁵ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития от 04 августа 1987 г. A/42/427. С. 59. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. (далее – Декларация Рио-92)²⁴⁶, которая провозглашает основные начала международного сотрудничества государства по экологическим вопросам, Повестке дня на XXI век, Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию 2002 г. и Йоханнесбургском Плане выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию 2002 г. и др. В частности, в Декларации Рио-92 отмечается, что забота о людях должна занимать центральное место при достижении устойчивого развития (принцип 1); реализация права на развитие должна обеспечивать удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений (принцип 3); окружающая среда должна составлять неотъемлемую часть процесса устойчивого развития (принцип 4); необходимым условием устойчивого развития является сотрудничество государств в искоренении бедности (принцип 5); и др.

Концепция устойчивого развития также заложена в основу отдельных международных договоров и упоминается, например, в преамбуле и ст. 8 Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. (далее – Конвенция о биоразнообразии 1992 г.)²⁴⁷, в ст.ст. 7, 13 Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 г.²⁴⁸, ст. 3 Рамочной конвенции об изменении климата 1992 г.²⁴⁹ и ст. 2, 10 и 12 Киотского протокола к ней 1997

---

²⁴⁶ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁴⁷ Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁴⁸ Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pollutants.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁴⁹ Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 01.07.2015 г.).

г.²⁵⁰ и др. При этом ее нормативное содержание в перечисленных актах не раскрывается.

В настоящее время концепция устойчивого развития получила более 60 определений²⁵¹. Однако самой распространенной является дефиниция, содержащаяся в вышеупомянутом докладе Комиссии Брундтланд. Комиссией Брундтланд под устойчивым развитием предложено понимать развитие, удовлетворяющее потребности настоящего времени и при этом не ставящее под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять их собственные потребности²⁵².

Имеются и более краткие определения:

- развитие, не налагающее дополнительные затраты на следующие поколения;
- прогресс, сводящий к минимуму внешние эффекты между поколениями;
- развитие, при котором происходит постоянное простое или расширенное воспроизводство ресурсного и иного потенциала²⁵³.

Н.А. Соколова определяет устойчивое развитие как эффективное и благоприятное согласование в глобальном масштабе экономических, социальных приоритетов и интересов охраны окружающей среды. Далее автор отмечает, что данная концепция имеет договорное закрепление и представляет собой:

- а) цель и принцип, т.е. вектор развития и взаимодействия различных отраслей международного права;

---

²⁵⁰ Киотский протокол 1997 г. к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/kyoto.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁵¹ Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учебное пособие под общей редакцией проф. В.П. Колесова (экономический факультет МГУ), 2-е издание, дополненное и переработанное. – М.: Права человека, 2008. С. 429.

²⁵² Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития 1987 г. С. 59.

²⁵³ Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. С. 429.

б) комплексный международно-правовой институт, который впоследствии может перерасти в самостоятельную отрасль международного права;

в) основа обеспечения прав человека²⁵⁴.

Аналогично С.А. Мохаммад считает возможным рассматривать устойчивое развитие в трех аспектах:

а) как цель, к достижению которой необходимо стремиться;

б) как постоянный и динамичный процесс, в рамках которого должно осуществляться эффективное правовое регулирование различных международных вопросов;

в) как концепцию международного сотрудничества, связанную с координацией интересов различных субъектов и созданием механизмов для управления процессами устойчивого развития²⁵⁵.

Выделяют три компонента устойчивого развития: социальный, экономический и экологический²⁵⁶. В последнее время отдельные исследователи дополнительно выделяют четвертый компонент – духовный²⁵⁷. Концепция устойчивого развития, как вектор направления развития международно-правовых норм, прежде всего, призвана согласовать, «примирить» потребности человеческого развития, улучшения условий жизни человечества с возможностями окружающей природной среды.

В контексте регулирования рационального использования и охраны ресурсов пресной воды необходимо взаимосвязанное развитие норм международного экологического права, координирующих сотрудничество государств по пресной воде, и международного права прав человека,

---

²⁵⁴ Соколова Н.А. Международно-правовые принципы устойчивого развития // Евразийский юридический журнал. 2010. № 8 (27). С. 35-37.

²⁵⁵ Мохаммад С.М.А. Международные режимы в международном экологическом управлении: Монография / Под ред. М.Н. Копылова. – М.: АДС Групп, 2013. – С. 50.

²⁵⁶ Бекашев Д.К. Роль ООН в формировании и развитии международно-правовой концепции устойчивого рыболовства в Мировом океане // Международное публичное и частное право. 2015. № 5 (86). С. 17.

²⁵⁷ Боклан Д.С. Указ. соч. С. 124.

направленных на обеспечение индивидов пресной водой. Прежде всего, такая координация проявляется в изменении подходов к управлению пресноводными ресурсами.

Вопросы управления неоднократно подвергались исследованиям правовой направленности²⁵⁸. По определению Н.А. Соколовой управление – это целенаправленное воздействие со стороны государств на международные отношения с целью достижения благоприятного качества окружающей среды для обеспечения устойчивого развития и экологической безопасности²⁵⁹.

Статья 24 Конвенции 1997 г. устанавливает, что управление подразумевает планирование устойчивого освоения международного водотока и обеспечение исполнения таких планов, а также иное содействие рациональному использованию и защите водотока и контролю за ним. Аналогичное понимание управления водными ресурсами содержится в Пересмотренном протоколе 2000 г. и Проектах статей 2008 г.

Согласно пп. «с» п. 5 ст. 2 Конвенция ЕЭК 1992 г. управление водными ресурсами должно обеспечивать удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности.

Рассмотрение вопросов использования и охраны воды исключительно сквозь призму международных экологических норм не позволяет регулировать вопросы, касающиеся питьевых и ирригационных свойств воды и учитывать глобальный гидрологический цикл. В связи с этим действующие международные документы в данной сфере все в большей степени

---

²⁵⁸ Соколова Н.А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: Дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2010. 467 с. Малеев Ю.Н. Новое в международном управлении // Международное право и современные теории международных отношений: аспекты сочетаемости (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – ЗАО Издательство «Аспект Пресс», Издательство «МГИМО-Университет», 2013. С. 89-99. Мохаммад С.М.А. Указ. соч. и др.

²⁵⁹ Соколова Н.А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды. С. 18.

призывают государства к осуществлению интегрированного управления водными ресурсами.

Из смысла ст. 6 Берлинских правил 2004 г. интегрированное управление подразумевает согласованное управление водными и иными ресурсами. Кроме того, ст. 5 указанного акта содержит понятие совместного управления, под которым понимается объединенное управление поверхностными, подземными и другими связанными водами.

Исходя из данных положений А.Н. Вылегжанин и Е.Е. Тертус также выделяют два вида управления: всеобъемлющее (*conjunctive*), т.е. касающееся различных ресурсов пресной воды, и интегрированное, т.е. в отношении воды с другими ресурсами²⁶⁰.

Однако данный подход является ограниченным и, как будет показано ниже, представляет собой лишь часть интегрированного подхода к управлению ресурсами пресной воды. Наиболее распространенным является определение ИУВР, данное Глобальным водным партнерством (далее – ГВП), – это процесс, способствующий координации развития водного сектора и связанных с ним ресурсов в целях максимизации результатов экономического и социального благосостояния и повышения равенства в обществе при минимальном ущербе для устойчивости экосистем²⁶¹. Как отмечается экспертами ГВП, ИУВР подразумевает кросс-секторальный подход взамен традиционного, фрагментарного отношения к управлению пресноводными ресурсами.

В последнее время в юридической литературе данный подход подвергается серьезной критике. В частности, указывается, что имеются противоречия между положениями о необходимости охраны водных экосистем и использованием водных ресурсов для достижения

---

²⁶⁰ Вылегжанин А.Н., Тертус Е.Е. Международное водное право как учебная дисциплина. С. 82.

²⁶¹ Официальная Интернет-страница Глобального водного партнерства. URL: <http://www.gwp.org/en/The-Challenge/What-is-IWRM/> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

экономических и социальных целей; нормативно пустая концепция, слишком бессмысленная, широкая в содержании и сложная в реализации²⁶².

По мнению А. Эпини (Швейцария), до настоящего момента ИУВР не имеет никакого значения, т.к. обязательные международно-правовые инструменты придерживаются изолированного подхода вместо интегрированного²⁶³.

Х. Трамбле (Шотландия) противопоставляет ИУВР и подход к управлению водными ресурсами, базирующийся на правах человека, отмечая, что эти две управленческие парадигмы имеют разные предпосылки и цели, их совместная реализация может вызвать значительные противоречия. Далее ученый отмечает, что управление водными ресурсами, базирующееся на правах человека, характеризуется антропоцентричностью, тогда как ИУВР направлено на устойчивое развитие экосистем²⁶⁴. С подобной точкой зрения трудно согласиться. ИУВР базируется на концепции устойчивого развития и, таким образом, направлено не на установление приоритетов экологических интересов над социальными или наоборот, а на их взаимодействие, согласование в целях дальнейшего развития человечества.

Сущность ИУВР преимущественно раскрывается через его основные начала, которые базируются на Дублинских принципах 1992 г.: а) пресная вода является ограниченным и уязвимым ресурсом; б) совместное участие; в) особая роль женщин; г) социальная и экономическая ценность воды; д) интеграция трех «Э» (экономика, энергетика и экология).

Рассмотрим подробно каждый из указанных принципов ИУВР и действующие нормы международного экологического права и

---

²⁶² Biswas A.K. Integrated Water Resources Management: Is It Working? // International Journal of Water Resources Development Vol. 24 No. 1, 2008. P. 5-19.

²⁶³ Epiney A. Sustainable use of freshwater resources // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, 2003. P. 6-7.

²⁶⁴ Tremblay H. A clash of paradigms in water sector? Tensions and Synergies Between Integrated Water Resources Management and the Human Rights-Based Approach to Development // Natural Resources Journal Vol. 51 No. 2, 2011. P. 308.

международного права прав человека, в которых они находят свою реализацию.

Ограниченность и уязвимость ресурсов пресной воды предполагает, во-первых, необходимость бассейнового управления ресурсами пресной воды (так называемый гидрографический подход); во-вторых, согласованное управление различными видами водных ресурсов – поверхностными, подземными и др.

Бассейновый подход к управлению водными ресурсами является наиболее распространенным в настоящее время. Он начал применяться в начале XX в. Францией и Испанией. Бассейновый подход закреплён в Хельсинкских правилах АМП 1966 г. и Нью-Дельфийском Проекте Предложений по праву международных рек 1973 г. Под бассейном понимается географическое пространство, охватывающее два или более государства и определенное границами водосбора системы вод, включая поверхностные и подземные воды, впадающие в общий конечный пункт.

Бассейновый подход к управлению пресными водами отражен в Берлинских правилах 2004 г. Подпункт 5 ст. 3 Берлинских правил 2004 г. раскрывает водосборный бассейн как пространство, определенное географическими границами системы взаимосвязанных вод, поверхностные воды которого разделяют общий конечный пункт.

Договорные инструменты сотрудничества по вопросам использования и охраны ресурсов пресной воды также придерживаются бассейнового подхода к управлению. Например, Договор о сотрудничестве в бассейне реки Амазонка 1978 г.²⁶⁵, Соглашение о сотрудничестве по устойчивому развитию бассейна реки Меконг 1995 г. и др.

---

²⁶⁵ Amazon cooperation treaty 3 July 1978. URL: <http://sedac.ciesin.columbia.edu/entri/texts/amazonian.cooperation.1978.html> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

В качестве источника закрепления бассейнового управления водными ресурсами можно упомянуть Рамочную Директиву Европейского парламента и Совета ЕС 2000/60/ЕС от 23.10.2000 г. по воде²⁶⁶.

Данный подход также находит отражение в двусторонней практике России и нормативно закреплен в Водном кодексе РФ 2006 г.

Однако универсальные и наиболее крупные региональные инструменты по вопросам использования и охраны пресноводных ресурсов – Конвенция 1997 г., Конвенция ЕЭК 1992 г., Пересмотренный протокол 2000 г. – не содержат положений о бассейновом управлении. Как отмечает Д.А. Капонера, основная критика понятия «международный водосборный бассейн» в КМП и Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН сводилась к тому, что оно акцентирует значительное внимание на землях водораздела, а, следовательно, посягает на суверенитет прибрежного государства, тогда как термин «система водотока» делает упор именно на водных ресурсах²⁶⁷.

Тем не менее, сказанное вовсе не означает, что обозначенные документы устанавливают фрагментарный подход к управлению пресноводными ресурсами. Указанные акты основываются на экосистемном подходе, однако не раскрывают его содержание. Как отмечает КМП ООН в комментариях к Проектам статей 1994 г.²⁶⁸ и Проектам статей 2008 г.²⁶⁹ экосистемы означают, как правило, экологические единицы, состоящие из живых и неживых компонентов, которые взаимозависимы и функционируют как общее целое. Трансграничные пресноводные объекты способны как включать экосистемы, так и являться составными частями более крупных экологических единиц.

---

²⁶⁶ Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council establishing a framework for Community action in the field of water policy 23 October 2000. URL: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5c835afb-2ec6-4577-bdf8-756d3d694eeb.0004.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁶⁷ Caponera D.A. Patterns of Cooperation in International Water Law: Principles and Institutions. P. 566.

²⁶⁸ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 118.

²⁶⁹ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 223.

Понятие «экосистемы» содержится в ст. 2 Конвенции о биоразнообразии 1992 г. – это динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также их неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое. В мае 2000 г. на Пятой Конференции Сторон Конвенции о биоразнообразии 1992 г. в г. Найроби (Кения) было принято Решение V/6 (Decision V/6) «Экосистемный подход»²⁷⁰, в котором отмечается общепризнанный характер экосистемного подхода. Данное Решение содержит призыв к государствам-участникам в максимально возможной степени внедрять экосистемный подход, проводить научные исследования, осуществлять обмен опытом, оказывать техническую и финансовую помощь для его реализации, сотрудничать путем принятия деклараций и подписания меморандумов о взаимопонимании относительно экосистемного подхода, учреждения совместных механизмов и т.д.

Для унификации и единства понимания Сторонами сущности экосистемного подхода в приложении А к Решению V/6 дается определение, согласно которому он представляет собой стратегию комплексного управления земельными, водными и живыми ресурсами, которая обеспечивает их сохранение и устойчивое использование на справедливой основе. Применение экосистемного подхода должно способствовать достижению баланса трех целей Конвенции: сохранения; устойчивого использования; справедливого распределения выгод, вытекающих из использования ресурсов.

Таким образом, понятие экосистемы включает не только водные ресурсы, но и земельные и живые ресурсы. В связи с этим представляется справедливым утверждение турецкого исследователя М. Эрдема о том, что нежелание КМП ООН дополнить понятие водотока земельными ресурсами, связанными с трансграничными пресноводными объектами, в конечном счете, нивелируется, т.к. физическая взаимосвязь элементов экосистемы

---

²⁷⁰ COP Decision V/6 “Ecosystem approach” 15-26 May 2000. URL: <https://www.cbd.int/decision/cop/?id=7148> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

приводит к необходимости включения окружающих земель в экосистему водотока²⁷¹.

Экосистемный подход предполагает не только согласованное управление водными, земельными и живыми ресурсами, но и требует координации в правовом регулировании рационального использования различных видов водных ресурсов, в частности, поверхностных и подземных.

Если по состоянию на начало XXI в. согласно Атласу международных соглашений по пресной воде 2002 г., подготовленному Орегонским государственным университетом (США) в сотрудничестве с ЮНЕП и ФАО, государствами было заключено более 450 различных международных договоров по тем или иным аспектам использования и охраны поверхностных пресных вод²⁷², то международно-правовое регулирование использования подземных вод находится на зачаточной стадии.

Так, в рамках правового исследования ФАО № 86 С. Бурчи (Италия) и К. Мешлем на 2005 г. выделили лишь 2 соглашения по подземным водам:

- в рамках Программы по развитию региональной стратегии использования системы водоносных горизонтов Нубийского Песчаника 05 октября 2000 г. в Триполи между Египтом, Чадом, Ливией и Суданом были заключены Соглашение № 1 «Техническое задание для мониторинга и обмена информацией по подземным водам водоносной системы Нубийского Песчаника» и Соглашение № 2 «Техническое задание для мониторинга и обмена данными»;

---

²⁷¹ Erdem M. Ecosystem Approach to Environmental Protection in the Law of International Watercourses // Özel Sayı Dokuz Eylül Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi, 2013. P. 1381-1384.

²⁷² Из них: универсальные - 14, в Африке – 76, в Азии – 68, в Европе – 197, в Северной Америке – 91, в Южной Америке – 35. См. Atlas of International Freshwater Agreements. UNEP/Earthprint, 2002. 184 p.

- в 2002 г. между Алжиром, Ливией и Тунисом подписано Соглашение о создании механизма консультаций для системы водоносных горизонтов Северо-Западной Сахары²⁷³.

Этот список можно дополнить Конвенцией о защите, использовании, подпитке и мониторинге Франко-швейцарского женеvского водоносного горизонта, заключенной Францией и Швейцарией 18 декабря 2007 г. (далее – Конвенция о Франко-швейцарском женеvском ВГ 2007 г.) и вступившей в силу 01 января 2008 г.²⁷⁴.

Кроме того, 20 июня 2009 г. в Бамако (Мали) Нигерией, Нигером и Мали был подписан меморандум о взаимопонимании, учреждающий Консультативный механизм управления системой водоносных горизонтов Июлемеден (Iullemeden Aquifer System)²⁷⁵.

Одним из последних международных договоров по использованию подземных вод является подписанное 02 августа 2010 г. Соглашение по системе водоносных горизонтов Гуарани четырьмя государствами водотока – Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем²⁷⁶.

Вопросы использования водоносных горизонтов, как отмечает Ф. Захариа (Румыния), в государственной практике игнорируются не намеренно, а в связи с мнением, что к ним применимы те же правила, что и к поверхностным водам²⁷⁷.

Действительно, практика государств относительно использования подземных ресурсов пресной воды базируется на положениях, применимых к

---

²⁷³ Burchi S., Mechlem K. Groundwater in International Law - Compilation of Treaties and Other Legal Instruments. FAO legislative study 86. FAO/UNESCO, 2005. 557 p.

²⁷⁴ Convention on the protection, utilisation, recharge and monitoring of the Franco-Swiss Genevois Aquifer 2007. URL: <http://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/2008Franco-Swiss-Aquifer-English.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁷⁵ Burchi S. The Year in Review. Report on Fresh water // Yearbook of International Environmental Law Vol. 20, 2009. P. 285-288.

²⁷⁶ Guarani Aquifer Agreement 02 August 2010. URL: http://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/Guarani_Aquifer_Agreement-English.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

²⁷⁷ Zaharia F. Op. cit. P. 292.

поверхностным водам. Наверное, единственным исключением является сотрудничество государств в рамках системы водоносных горизонтов Гуарани. Соглашение по системе водоносных горизонтов Гуарани от 02.08.2010 г. преимущественно основано на Проектах статей 2008 г. При этом в ст. 15 Соглашения 2010 г. предусмотрено, что управление системой водоносных горизонтов осуществляется Комиссией по реке Ла-Плата, созданной в соответствии Договором по реке Ла-Плата 1969 г. Таким образом, концентрация полномочий по управлению водами реки Ла-Плата и подземными водами системы водоносных горизонтов Гуарани в рамках одного органа должна привести к обеспечению координированного характера и согласованности принимаемых решений и мер по рациональному использованию и охране пресных вод.

Практика применения норм о регулировании использования и охраны поверхностных вод к подземным водам нашла отражение и в процессе кодификационной деятельности КМП. В частности, понятие водотока, данное в статье 2 Конвенции 1997 г., включает как поверхностные, так и грунтовые воды. Однако в данном случае речь идет о грунтовых водах, связанных с поверхностными водами. Замкнутые, не связанные грунтовые воды были исключены из сферы действия Конвенции 1997 г. В комментариях к Проектам статей 2008 г. Комиссия отмечает, что они регулируют вопросы использования и охраны трансграничных грунтовых вод, независимо от их взаимосвязи с поверхностными водами. То есть в случае, если Проекты статей 2008 г. приобретут форму юридически обязательного акта, возможна коллизия с положениями Конвенции 1997 г. в части регулирования использования грунтовых вод, связанных с поверхностными, в связи с чем потребуется дальнейшая проработка взаимосвязи указанных актов²⁷⁸.

К сожалению, именно в данной части интегрированное управление различными видами пресноводных ресурсов остается наиболее

---

²⁷⁸ Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН A/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 35.

неисполняемым, т.к. не учитывается особенность подземных вод, и вытекающая из этого необходимость специального правового регулирования.

Данная проблема продолжает оставаться актуальной и для отечественного законодателя. Так, использование и охрана поверхностных ресурсов пресной воды регулируется положениями Водного кодекса РФ 2006 г. Что касается подземных вод, то хотя они частично подпадают под действие норм Водного кодекса, однако преимущественно вопросы их использования и охраны регулируются законодательством о недрах, в частности, Законом РФ «О недрах» № 2395-1 от 21.02.1992 г.²⁷⁹ Сказанное приводит большинство исследователей, на наш взгляд, к обоснованному выводу о фрагментарном характере правового регулирования использования и охраны водных ресурсов и игнорировании экосистемного подхода в российском законодательстве²⁸⁰.

Следует отметить, что подобный подход получил отражение и в некоторых международных договорах на постсоветском пространстве. К примеру, 31 мая 2001 г. в Минске Россией, Беларусью, Киргизией, Молдовой, Таджикистаном и Украиной было подписано Соглашение о приграничном сотрудничестве в области изучения, освоения и охраны недр²⁸¹, к которому в 2004 г. присоединился Казахстан. Соглашение касается использования трансграничных месторождений полезных ископаемых, к числу которых наряду с углеводородным сырьем, твердыми полезными ископаемыми, общераспространенными полезными ископаемыми, используемыми местным населением для собственных нужд, отнесены и

---

²⁷⁹ Закон «О недрах» от 21.02.1992 г. № 2395-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

²⁸⁰ См. Вылегжанин А.Н. Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы: монография / А.Н. Вылегжанин, Л.В. Савельева и др.; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар. права. - М.: МГИМО-Университет, 2008. Мухина Э.Н. Правовое регулирование использования и охраны подземных вод: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 222 с. Тимофеев Л.А. Указ. соч.

²⁸¹ Соглашение о приграничном сотрудничестве в области изучения, освоения и охраны недр от 31 мая 2001 г. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=4703 (дата обращения: 01.07.2015 г.).

подземные воды. Отнесение подземных вод к полезным ископаемым, минеральным ресурсам прослеживается также в Соглашении России с Монголией о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15.02.1994 г.²⁸²

Другим принципиальным положением ИУВР является совместное участие различных субъектов в рациональном использовании и охране ресурсов пресной воды. Совместное участие предполагает вовлечение всех водопользователей на различных уровнях в процессы управления ресурсами пресной воды – государственных и муниципальных органов власти, местных общин, представителей коренных народов, организаций водоснабжения, различных категорий потребителей воды и других лиц.

Конвенция 1997 г., Пересмотренный протокол 2000 г. и Проекты статей 2008 г. не устанавливают обязанности государств обеспечивать совместное участие в управлении международными водотоками или трансграничными водоносными горизонтами. Более того, как отмечалось ранее, использование и охрана ресурсов пресной воды может осуществляться без согласия и сотрудничества с другими государствами, разделяющими трансграничный пресноводный объект.

Однако положения о необходимости вовлечения общественности в управленческие процессы содержатся в Протоколе по проблемам воды и здоровья 1999 г., участником которого является и Российская Федерация. Так, подпункт «f» ст. 5 Протокола 1999 г. требует от государств-участников принятия мер по управлению ресурсами питьевой воды на самом низком административном уровне.

Подпункт «i» ст. 5 предписывает обеспечение доступа к информации, участия общественности и возможности выразить беспокойство при обсуждении вопросов использования воды и охраны здоровья в целях

---

²⁸² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15.02.1994 г. URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/12236> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

улучшения качества принимаемых решений и повышения осведомленности физических и юридических лиц и организаций о соответствующих вопросах. При этом органы и лица, наделенные полномочиями по принятию решений по вопросам воды и здоровья, обязаны принимать во внимание такое беспокойство. В целях реализации эффективного участия общественности в вопросах использования ресурсов пресной воды государства должны обеспечивать доступ к судебному и административному пересмотру подобных решений. Подпункт «n» рассматриваемой статьи устанавливает необходимость принятия во внимание местных, т.е. различных уровней территориальных единиц ниже государственных, проблем и потребностей. При этом на физические и юридические лица, а также различные организации, действующие в водохозяйственном секторе, налагаются ответная обязанность содействовать охране водной среды и сохранению водных ресурсов (пп. «m» ст. 5 Протокола 1999 г.).

Ярким и удачным примером реализации подобных положений является упомянутая ранее Конвенция о Франко-швейцарском Женевском ВГ 2007 г. и деятельность созданной на ее основе Комиссии по Женевскому ВГ. Комиссия состоит из трех представителей от каждой стороны. Так, ст. 2 указанной конвенции уполномочивает Комиссию разрабатывать годовые программы использования вод, которые в максимально возможной степени учитывают потребности различных водопользователей. В этих целях в начале каждого года потребители воды или их объединения должны представить Комиссии сведения о потенциальных объемах водозабора в течение последующих двенадцати месяцев, которые именуются «зарезервированными объемами воды» (ст. 9). Водопользователи впоследствии имеют право на превышение водозабора по сравнению с зарезервированными объемами, но не более чем на 20 %. При этом в любом случае объем общего водозабора не должен превышать 5 млн. кубических метров воды в год.

Нормы об участии общественности в управлении ресурсами пресной воды и доступе к информации об их состоянии содержатся также в Берлинских правилах 2004 г. В частности, ст. 18 обозначенного акта устанавливает, что государства обязаны обеспечить участие лиц, которые могут быть затронуты решениями по управлению водными ресурсами, в процессах принятия таких решений, и предоставить им возможность выражать свое мнение относительно программ и планов использования и охраны пресных вод. Необходимым условием такого участия является наличие у заинтересованных лиц соответствующей информации.

Прогрессивным развитием норм об участии граждан, юридических лиц и иных субъектов в управлении пресноводными ресурсами является закрепление в ст. 19 Берлинских правил обязанности государства обеспечивать образование на всех уровнях по вопросам использования и охраны воды. Действительно, само право на участие водопользователей и других лиц в процессах управления водными ресурсами не является достаточной гарантией вовлеченности общественности, т.к. в большинстве случаев индивидуальные и коллективные водопользователи будут не в состоянии обоснованно выдвигать свои позиции по обсуждаемым вопросам, дать надлежащую оценку принимаемым решениям и их последствиям для потребителей воды и природной среды.

Рассматриваемый аспект затрагивается также отдельными двусторонними договорами Российской Федерации по вопросам использования и охраны трансграничных ресурсов пресной воды. В частности, ч. 2 ст. 3 Соглашения между Правительствами РФ и Абхазии о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 06.10.2011 г. предусматривает, что Стороны информируют общественность о состоянии водных ресурсов бассейнов и принимаемых или планируемых мерах по предотвращению, ограничению и сокращению трансграничного воздействия, а также

поощряют сотрудничество между органами власти различных уровней и организациями в области совместного использования и предотвращения от загрязнения. Согласно ст. 12 указанного соглашения в компетенцию созданной двусторонней комиссии входит информирование общественности о состоянии трансграничных водных объектов.

Аналогичные положения содержатся в ст. 4 и 14 Соглашения с Белоруссией о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 24.05.2002 г. и пункте 11 ст. 2 Соглашения с Китаем о рациональном использовании и охране трансграничных вод от 29.01.2008 г.

Очевидно, что лишь малая часть двусторонних договоров России регулируют вопросы участия общественности в процессе управления пресноводными ресурсами. При этом данное регулирование сводится только к предоставлению информации, а процесс принятия решений проходит без всякого участия водопользователей и иных заинтересованных лиц. Единственным исключением служит ст. 9 Соглашения с Белоруссией 2002 г., которая предусматривает за общественностью и органами местного самоуправления право на доступ к данным мониторинга и участие в решении вопросов, связанных с использованием и охраной трансграничных водных объектов. При этом такой доступ осуществляется в соответствии с национальным законодательством стран-участниц Соглашения. Однако на практике данная норма не получила реализации.

Если обратиться к национальному законодательству, то Водный кодекс РФ в качестве участников водных отношений именуется Российской Федерацию, субъектов РФ, муниципальные образования, физических и юридических лиц (ст. 7). Согласно ст. 29 Кодекса в границах бассейновых округов создаются бассейновые советы для осуществления разработки рекомендаций в области использования и охраны ресурсов пресной воды. Субъектный состав бассейновых советов включает представителей органов

государственной власти, местного самоуправления, а также представителей водопользователей, общественных объединений и общин коренных народов России.

Несмотря на нормативное закрепление права общественности участвовать в процессах управления водными ресурсами России степень вовлеченности и информированности населения страны о состоянии водных ресурсов, мерах их охраны и использования остается крайне низкой. Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ № 1235-р от 27.08.2009 г.²⁸³, относительно совершенствования государственного управления охраной и использованием водных объектов в качестве принципиального направления отмечает необходимость интеграции бассейновых советов в систему государственного управления, их активное участие в реализации государственной политики в области водных отношений. Водная стратегия до 2020 г. особо подчеркивает стремление государства внедрить принципы интегрированного управления водными ресурсами в российский водохозяйственный сектор.

Подобные положения соответствуют общим тенденциям развития глобального экологического управления в настоящее время – уменьшение роли и значения государств в международном управлении и увеличение роли частного сектора и гражданского общества, уравнивание позиций государственных и негосударственных акторов, включение частного сектора в межгосударственные институты²⁸⁴.

С участием общественности в управлении ресурсами пресной воды тесно связан иной принципиальный аспект ИУВР – особая роль женщин в этих процессах. Выделение данного аспекта обусловлено установившимися, прежде всего и в основном, на Африканском континенте обычаями, которые

---

²⁸³ Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2009 № 1235-р «Об утверждении Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 36. Ст. 4362.

²⁸⁴ См. Cullet Ph. Governing the Environment without CoPs - The Case of Water // International Community Law Review Vol. 15, 2013. P. 123-135.

фактически лишают женщин доступа в процессы управления и ограничивают в других общепризнанных международными актами правах. Как отмечается, в Докладе о развитии человека 2006 г. «Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов» женщины и девочки тратят долгие часы, чтобы набрать и принести воду домой, что приводит к невозможности посещать школьные занятия и, как результат, к неравенству в образовании. Время, потраченное на хождение за водой, в сельских районах Мозамбика, Сенегала и Восточной Уганды составляет 15-17 часов в неделю, при этом нередко источники воды расположены на расстоянии более 10 км. от домохозяйства. Хотя женщины, как правило, придают проблемам воды большее значение, нежели мужская половина населения, они лишены возможности участия в процессах принятия решений по вопросам использования воды, в связи с неравным домашним распределением труда, ограничением высказываний, отсутствием права голоса и др. факторами²⁸⁵.

В связи с этим следует отметить принятие Протокола относительно прав женщин в Африке 2003 г. к Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г. Пункт «с» ч. 1 ст. 9 Протокола 2003 г. устанавливает равенство мужчин и женщин на всех уровнях разработки и реализации государственной политики и программ развития. Согласно ч. 2 данной статьи государства должны обеспечивать увеличение и эффективность представительства женщин на всех уровнях управления. Кроме того, как отмечалось ранее, ст. 15 Протокола 2003 г. устанавливает право на продовольственную безопасность, которая предполагает обязанность государства обеспечить лицам женского пола доступ к чистой питьевой воде.

Примером реализации обозначенных норм может служить законодательство Уганды, активно и весьма удачно имплементирующее

---

²⁸⁵ Доклад о развитии человека 2006 «Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов». С. 13-47.

принципы ИУВР, которое требует представительства женщин в ассоциациях пользователей водными ресурсами.

Основополагающим началом ИУВР является признание социальной и экономической ценности воды. С одной стороны это означает уяснение и продвижение на международной арене важности воды для человека – удовлетворения его насущных потребностей, т.е. права на воду. С другой стороны, это осознание факта несостоятельности и губительного характера отношения к воде как к бесконечному и не имеющему никакой самооценности ресурсу, т.е. признание воды в качестве экономического блага.

При этом ИУВР предполагает не просто признание права человека на воду, а согласование его содержания и понимания с правовыми нормами, регулирующими отношения по использованию и охране ресурсов пресной воды. Установление права на воду в международном праве направлено на удовлетворение повседневных потребностей человека в пресной воде. В связи с этим, прежде всего, следует рассмотреть соотношение понятий «повседневные потребности», используемого в актах по правам человека, и «насущные человеческие нужды», которыми оперируют договоры в области использования и охраны ресурсов пресной воды, т.к. их удовлетворение является приоритетным по сравнению с иными видами водопользования.

Понятие «повседневных потребностей» раскрывается в Замечании общего порядка № 15. Они предполагают необходимость воды для питья, личной санитарии, приготовления пищи, стирки и соблюдения элементарной гигиены (п. 12).

Международные договоры, касающиеся использования и охраны ресурсов пресной воды, не содержат определения «насущных потребностей человека», хотя оно используется в ст. 10 Конвенции 1997 г., п. 2 ст. 5 Проектов статей 2008 г., п. 20 ст. 3 Берлинских правилах 2004 г., предложении V Нью-Дельфийского Проекта Предложений по праву международных рек 1973 г. и др.

Понимание насущных человеческих нужд было дано КМП при разработке Конвенции 1997 г. Под ними подразумевается обеспечение достаточного для поддержания жизни человека количества воды, включая питьевую воду и воду для производства продовольствия в целях предотвращения голода²⁸⁶. Подобная трактовка дается КМП и в комментариях к Проектам статей 2008 г. При этом Комиссия особо подчеркивает, что это понимание уже содержится в Берлинских правилах 2004 г.²⁸⁷

Берлинские правила 2004 г. определяют насущные потребности человека через использование воды для непосредственного выживания человека, включая потребности в питье, приготовлении пищи и санитарии, а также поддержании домохозяйства. Отличие от понимания КМП заключается в отнесении использования воды для поддержания домохозяйства к насущным потребностям индивида.

В целом понимание насущных нужд человека согласно Берлинским правилам 2004 г. соответствует трактовке Комитета по экономическим, социальным и культурным правам права на воду.

Однако включение КМП ООН в число насущных человеческих нужд обеспечение водой для производства продовольствия в целях предотвращения голода выходит за рамки права на воду. Тем не менее, подобный подход представляется более обоснованным и рациональным, т.к. в большей степени способствует защите прав человека. ИУВР не предполагает исключительно признание права на воду и его увязку с нормами международного экологического права, регулирующими водопользование, оно предусматривает учет прав человека в целом при принятии решений по вопросам использования. Можно с уверенностью утверждать, что понимание насущных потребностей человека в трактовке

---

²⁸⁶ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 110.

²⁸⁷ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 214.

КМП помимо права на воду увязывается с тенденцией к признанию и реализации права на питание.

Несколько иным путем пошла практика африканских государств по данному вопросу. Вместо использования понятия «насущные человеческие нужды» закрепляются конкретные виды водопользования и устанавливаются особенности их реализации, приоритетность их удовлетворения. Так, Пересмотренный протокол по разделяемым системам водотоков 2000 г. и Водная хартия реки Сенегал 2002 г. выделяют бытовое, сельскохозяйственное, промышленное, судоходное и экологическое использование воды. Статья 1 Пересмотренного протокола 2000 г. определяет бытовое водопользование как использование воды для питья, мытья, приготовления пищи, купания и санитарии. Согласно ст.ст. 8 и 9 Водной хартии реки Сенегал 2002 г. ни один из видов водопользования не обладает приоритетом над другим, однако в случае дефицита воды устанавливается следующая очередность водопользования: 1) питьевое; 2) сельскохозяйственное и экологическое; 3) производство энергии; 4) промышленное; 5) судоходное. Таким образом, приоритет отдается интересам личности и необходимости обеспечения потребностей населения в питьевой воде.

В свете рассматриваемого вопроса не представляется возможным не затронуть такие факторы справедливого и разумного использования трансграничных водных объектов как зависимость населения от этих объектов и социально-экономические потребности государств. К сожалению, ни в Проектах статей 1994 г., ни в Проектах статей 2008 г. КМП не раскрывает содержание социально-экономических потребностей государства, которые должны приниматься во внимание при определении справедливости и разумности использования трансграничных водных объектов. Касательно зависимости населения от таких объектов Комиссия в комментариях к Проектам статей 1994 г. лишь указывает, что имеется ввиду как численность

этого населения, так и уровень зависимости²⁸⁸. Однозначно можно утверждать, что речь не идет о сравнении уровней экономического развития государств, разделяющих водоток. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что КМП отклонила в 1982 и 1983 гг. предложения специальных докладчиков С.М. Швебеля (США) и Й. Эвенсена (Норвегия) о включении «уровня экономического развития государств водотока» в качестве одного из факторов определения справедливости и разумности использования водотока²⁸⁹. Представляется верной позиция О. МакИнтайра, по мнению которого социально-экономические потребности государств и зависимость населения от водотока следует рассматривать вместе, они предполагают учет влияния водных ресурсов на уровень жизни населения, площади орошаемых сельскохозяйственных земель²⁹⁰. Немаловажным является значение водотока в качестве источника водоснабжения населения, доступ к рыбным и иным живым ресурсам водотока, его значение для торговли и ценообразования в государстве и др. аспекты.

Особый интерес в свете взаимодействия прав человека и экологических норм в целях рационального использования и охраны ресурсов пресной воды представляет Конвенция ЕЭК 1992 г. и Протокол по проблемам воды и здоровья 1999 г. По справедливому утверждению итальянского А. Танзи (Италия), они полностью соответствуют основным обязательствам государств в рамках Замечания общего порядка № 15, придавая таким образом договорную силу содержащимся в нем нормам²⁹¹.

К примеру, пп. «а» п. 2 ст. 4 Протокола 1999 г. устанавливает, что государства принимают все необходимые меры для адекватного снабжения питьевой водой хорошего качества, т.е. свободной от микроорганизмов,

---

²⁸⁸ Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 101.

²⁸⁹ McIntyre O. Environmental Protection of International Watercourses under International Law. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. P. 158.

²⁹⁰ Ibid. P. 157.

²⁹¹ Tanzi A. Reducing the Gap between International Water Law and Human Rights Law: The UNECE Protocol on Water and Health // International Community Law Review Vol. 12, 2010. P. 272

количество и качество которых может представлять угрозу здоровью человека. Подпункт «b» п. 2 указанной статьи требует проведения санитарно-профилактических мероприятий, обеспечивающих достаточный уровень охраны здоровья человека и окружающей среды.

Необходимость обеспечения права на доступ к воде и водным службам на недискриминационной основе, особенно для малообеспеченных или обездоленных групп населения, уделение особого внимания этим группам лиц в процессе принятия стратегий и планов действий по воде, обозначенные в качестве обязательств государств пунктом 37 Замечания общего порядка № 15, также находят отражение в нормах Протокола 1999 г. Согласно пп. «k» ст. 5 особой защите подлежат лица, наиболее уязвимые к водообусловленным заболеваниям, пп. «n» требует должного учета местных проблем, потребностей и знаний в процессе выполнения Протокола 1999 г. Подпункты «a» и «b» п. 1 ст. 6 Протокола 1999 г. целями данного договора называют обеспечение доступа к питьевой воде и реализацию санитарно-профилактических мер в отношении всех лиц.

Кроме того, в Протоколе 1999 г. большую конкретику приобретает требование Замечания общего порядка № 15 в виде разработки и принятия национальных водных стратегий и планов действий, их периодический обзор и мониторинг, индикаторы и показатели реализации права на воду (п. 37). Так, ст. 6 Протокола 1999 г. устанавливает обязанность принимать и публиковать национальные и/или местные целевые показатели в отношении норм и уровней результативности, которые периодически пересматриваются. Эти показатели должны предусматривать меры для участия общественности на открытой и справедливой основе и обеспечивать должный учет результатов такого участия. Согласно п. 5 ст. 6 Стороны создают механизмы для координации работы своих компетентных органов, правовую и организационную основу для контроля и обеспечения соблюдения стандартов качества питьевой воды; разрабатывают на

трансграничном, национальном и/или местном уровне планы управления водохозяйственной деятельностью.

В отличие от Замечания общего порядка № 15, положения которого многие считают подлежащими постепенной реализации, Протокол 1999 г. устанавливает конкретные временные рамки для принятия вышеуказанных целевых показателей и контрольных сроков их достижения. Государство-участник обязано сделать это в течение двух лет, став Стороной Протокола (п. 3 ст. 6).

Отдельная Глава IV – «Права лиц», которая начинается статьей 17 – право на доступ к воде, включена в Берлинские правила 2004 г. Данная статья раскрывает содержание права на доступ к воде, основные обязательства государств по его реализации, которые воспроизводят положения Замечания общего порядка № 15. Ст. 20 Правил обязывает государства принимать надлежащие меры для защиты прав и специальных потребностей общин и коренных народов или других особо уязвимых групп в процессе управления водами. В случае перемещения лиц или общин в связи с водными программами или проектами им обеспечивается выплата компенсации и гарантируется сохранность средств к существованию и культуры (ст. 21).

Подводя итоги, необходимо отметить, что глобальное, региональное и локальное регулирование использования и охраны ресурсов пресной воды базируются на концепции устойчивого развития, которая воплощается на практике, прежде всего, через интегрированный подход к управлению водными объектами. В целях реализации ИУВР государствам необходимо изменять подход к управлению подземными водами и учитывать природные особенности при регулировании отношений по их использованию и охране, принимать во внимание естественную взаимосвязь водных ресурсов с иными компонентами окружающей среды.

Кроме того, необходимо активное вовлечение частных лиц в управленческие процессы в сфере отношений по использованию и охране пресной воды, принятие во внимание интересов особо уязвимых групп населения – коренные народы, женщины, дети и старики, лица с ограниченными возможностями, заключенные и находящиеся под стражей.

Следует стремиться к согласованию и координированному развитию экологических норм и норм о правах человека, касающихся использования ресурсов пресной воды, т.к. конечная цель правового воздействия на отношения по использованию и охране водных ресурсов сводится к удовлетворению различных потребностей человека при сохранении экосистемы, и соответственно, возможности для обеспечения нужд будущих поколений.

Глава 3. Роль универсальных и региональных судебных учреждений в обеспечении рационального использования пресной воды

§ 3.1. Практика международных судов и арбитражей в международно-правовом регулировании использования пресной воды

Эффективность или недостатки, «дефектный характер» правовых норм, пробелы юридического регулирования общественных отношений наиболее ярко проявляются в правоприменительной деятельности субъектов. Данное утверждение всецело применимо также к международно-правовым нормам, регулирующим отношения по использованию и охране ресурсов пресной воды. В предыдущих главах настоящего диссертационного исследования мы затрагивали практику межгосударственного управления трансграничными отношениями в сфере водопользования. Однако совершенствование нормативного воздействия на данные отношения невозможно или, как минимум, будет неполноценно без учета проблем и путей их преодоления, выработанных судебной практикой.

Хотя на практике решения международных судебных учреждений не являются источниками международного права, тем не менее, формируемые в них положения, поведенческие формулы служат критерием определения правомерности и допустимости действий субъектов международного права. Практика правоприменения активно используется международными судебными учреждениями при принятии решений по межгосударственным и иным спорам.

Как отмечает Н.А. Соколова, международные суды вносят весомый вклад в укрепление процессов управления международными отношениями по

охране окружающей среды и рациональному использованию ее компонентов²⁹².

К аналогичным выводам приходит А.М. Солнцев, исследовав деятельность международных судебных органов в сфере окружающей среды, отмечая, что последние играют важную роль в прогрессивном развитии международного права, устранении пробелов регулирования, укреплении эффективности норм, повышении контроля и ответственности государств²⁹³.

Применительно к теме настоящего исследования задача заключается в выявлении роли международных судебных органов в регулировании отношений по использованию и охране ресурсов пресной воды с точки зрения международного экологического права и международного права прав человека. С эколого-правовой точки зрения исследуется практика Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП) и Международного суда ООН, Арбитража по озеру Лану; с позиции прав человека – деятельность Европейского и Межамериканского судов по правам человека (далее – соответственно ЕСПЧ и МАСПЧ), Африканской комиссии по правам человека и народов и Международного центра по урегулированию инвестиционных споров.

В качестве одного из фундаментальных принципов современного международного права выступает справедливость и разумность использования трансграничных водных объектов. Становление данного принципа многие исследователи связывают, в частности, с решением Постоянной палаты международного правосудия по делу о территориальной юрисдикции Международной комиссии по реке Одер 1929 г. (далее – дело о реке Одер)²⁹⁴. Так, К.А. Бекашев пишет, что в указанном решении ППМП

---

²⁹² Соколова Н.А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: Дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2010. С. 279.

²⁹³ Солнцев А.М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 11.

²⁹⁴ Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder (United Kingdom v. Poland), Judgment of the PCIJ. September 10, 1929 // PCIJ Series A (1929). No. 23.

признала взаимосвязь между принципами равного использования водных ресурсов и сотрудничества²⁹⁵. О. МакИнтайр видит в данном решении первое в международном праве закрепление доктрины общности интересов, являющейся необходимой основой реализации принципа справедливого и разумного использования трансграничных водных объектов²⁹⁶.

В деле о реке Одер перед ППМС стояли два вопроса: а) распространяется ли юрисдикция Комиссии по реке Одер на притоки Варта и Нотець, расположенные на территории Польши; и б) каковы принципы определения ее юрисдикции на верхнем течении. С одной стороны шесть государств (Великобритания и Северная Ирландия, Чехословакия, Дания, Франция, Германия и Швеция) настаивали на том, что положения Версальского Договора 1919 г. распространяются на притоки рек, расположенных на территории Польши, если они судоходны. Польша, в свою очередь, оспаривала данное утверждение.

Рассмотрев дело по существу, ППМП постановила, что особенность использования рек, разделяющих или пересекающих границы двух и более государств, заключается не в необходимости обеспечения государствам права прохода по ней, а в общности их интересов. Именно эта общность интересов на судоходной реке становится базисом общего юридического права, основными чертами которого являются абсолютное равенство всех прибрежных государств в пользовании рекой на протяжении всего потока и исключение любых льготных привилегий для кого-либо из прибрежных государств по отношению к другим²⁹⁷.

Однако использование ППМП доктрины «общности интересов» необходимо рассматривать в политико-правовом контексте того времени и с учетом остальных положений исследуемого решения. Если принимать во внимание дальнейшие аргументы ППМС, становится очевидным, что

---

²⁹⁵ Бекяшев К.А. Правовой режим международных водотоков. С. 474.

²⁹⁶ McIntyre O. International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation? P. 250.

²⁹⁷ Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder. P. 27.

«общность интересов» и вытекающее из него «общее юридическое право» пользоваться рекой не соответствует современной трактовке. Так, судом сделан акцент на судоходном использовании рек, что объясняется окончательным закреплением в международном праве принципа свободы судоходства в начале XX в. Кроме того, ППМП в данном решении неоднократно подчеркивает, что общность интересов подразумевает наделение любого государства равными правами пользования реками, пересекающими или разделяющими границы двух и более государств²⁹⁸.

Наличие принципа свободы судоходства в наше время ни у кого не вызывает сомнений, однако трудно согласиться с тем, что абсолютно все государства обладают равными правами на трансграничных водных объектах. Признание за всеми государствами равных прав по использованию трансграничных ресурсов пресной воды означало бы нарушение суверенитета государств, разделяющих водные объекты, на свои части рек, озер, каналов, водохранилищ и т.п. Равенство прав и обязанностей на трансграничных водных объектах следует признавать лишь за прибрежными государствами. Без воли прибрежных государств иные страны не способны участвовать в распределении воды и благ от ее использования, принятии мер по поддержанию и восстановлению водных ресурсов на уровне, обеспечивающем максимальные блага от процесса их эксплуатации.

С точки зрения реализации экологических норм об использовании и охране ресурсов пресной воды немалый интерес вызывает решение ППМП по спору между Нидерландами и Бельгией об отводе воды из реки Маас 1937 г. (далее – дело по реке Маас)²⁹⁹. В данном деле Постоянная Палата признала равноправие и необходимость учета интересов других прибрежных государств при использовании трансграничных водных объектов.

---

²⁹⁸ Ibid. P. 27-28.

²⁹⁹ Diversion of Water from the Meuse (Netherlands v. Belgium), Judgment of the PCIJ. June 28, 1937 // PCIJ Series A/B (1937). No. 70.

В 1863 г. между Нидерландами и Бельгией был заключен Договор (в виде трех документов), регулирующий использование вод реки Маас. Однако дальнейшее коммерческое развитие требовало строительства новых каналов на территории обоих государств, использующих воду из реки Маас. В итоге в 1921 г. Нидерланды начали строительство Юлиана-канала, а Бельгия занялась строительством Альберт-канала. В качестве источника воды для данных каналов предполагалось использование реки Маас, что, по мнению Нидерландов, противоречило договору 1863 г., ст. 1 которого запрещала Бельгии строительство каналов ниже Маастрихта. Бельгия в свою очередь оспаривала возможность строительства Нидерландами плотины Боргхарен и требовала признания Юлиана-канала подпадающим под действие Договора 1863 г.

Нидерланды в качестве обоснования своей позиции, в частности, ссылались на факт нахождения водозабора на их территории, что наделяет их, как лицо, под суверенитетом которого находится данная территория, правом контроля за водозабором. При этом данное право, т.е. возможность контролировать изымаемое Бельгией количество воды, дополняется навязанным последней обязательством воздерживаться от определенных действий. То есть Нидерланды утверждали, что согласно Договору 1863 г. они обладают правом контроля водозабора, а Бельгия в свою очередь не может на это претендовать, и если Нидерланды могут оспаривать законность проведения каких-либо работ по водоотводу, то Бельгия не правомочна на осуществление подобных действий³⁰⁰.

Суд отметил, что Договор 1863 г., будучи соглашением, направленным на примирение конкурирующих интересов сторон относительно реки Маас, не содержит прямых указаний на неравенство его сторон в процессе использования воды. По мнению ППМП, ст. 1 Договора является в равной степени обязательным положением как для Нидерландов, так и для

---

³⁰⁰ Ibid. P. 18-19.

Бельгии³⁰¹, что дополнительно подтверждает равенство прибрежных государств в использовании трансграничных водных объектов.

Более того, судом затронут вопрос о полномочиях прибрежных государств относительно каналов, расположенных на их территориях. Последние правомочны изменять, увеличивать, трансформировать, заполнять их или даже увеличивать уровень воды при условии, что это не влияет на уровень поступления и выпуска воды в разделяемом водном объекте³⁰².

Таким образом, суд признал возможность использования частей трансграничного водного объекта, полностью находящихся под суверенитетом государства. В настоящее время данный подход получил более широкую трактовку и распространен на весь трансграничный водный объект – прибрежное государство может использовать разделяемый пресноводный объект без согласия соседнего государства при условии, что такое использование не нарушает прав и интересов последнего и ему не причиняется значительный ущерб.

Обозначенные выше выводы находят подтверждение также в практике Международного суда ООН, в частности, в известном решении по делу Габчиково-Надьмарош 1997 г.³⁰³ В 1977 г. Венгрия и Словакия заключили Договор о строительстве системы плотин Габчиково-Надьмарош, которые согласно положениям Договора должны были представлять собой неделимую систему гидроузлов, совместно эксплуатируемую Сторонами. Словакия почти полностью выполнила строительство части проекта на своей территории. При этом Венгрия впоследствии, ссылаясь, прежде всего, на вновь возникшие нормы экологического права и развитие знаний об окружающей среде, а также на принципы ненанесения значительного ущерба и предосторожности, отказалась от реализации своей части проекта, изначально приостановила, впоследствии полностью прекратила работы по

---

³⁰¹ Ibid. P. 20.

³⁰² Ibid. P. 26.

³⁰³ Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia), Judgment of the I.C.J. September 25, 1997 // I.C.J. Reports 1997.

осуществлению своей части обязательств. В связи с указанными действиями Словакия разработала семь вариантов возможной односторонней реализации проекта для ввода в эксплуатацию построенной на своей территории части гидроузла, только один из которых, «Вариант С», не затрагивал положения Договора 1977 г., и приступила к его осуществлению без согласования с Венгрией. Соответственно в качестве одного из вопросов, возникших перед Судом, было определение юридической возможности Словакии в одностороннем порядке приступить к разработке и претворению в жизнь альтернативного проекта гидроузла.

В своем решении Международный суд, прежде всего, со ссылкой на Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. и решение ППМП по реке Одер отметил, что отказ Венгрии от дальнейшего участия в реализации совместного проекта не означает, что она лишает себя права справедливого и разумного распределения ресурсов международного водотока. Односторонние действия Словакии по контролю за разделяемым ресурсом, в частности, реализация «Варианта С», лишают Венгрию права на справедливое и разумное использование вод реки и являются непропорциональными по отношению к нарушению последней своих обязательств по Договору 1977 г.³⁰⁴ При этом данный вывод был сделан исключительно в контексте положений Договора 1977 г., предусматривающих создание именно «совместной» системы плотин.

Ссылкой на положения Конвенции 1997 г. Суд подчеркнул ее важность в качестве документа, отражающего современные правовые нормы относительно использования и охраны ресурсов пресной воды в несудоходных целях. Дальнейшая аргументация Суда также подкрепляет данный вывод.

---

³⁰⁴ Ibid. Para. 85.

Так, по мнению Суда, в Договоре 1977 г. находит выражение концепция совместного использования водотока, закрепленная в п. 2 ст. 5 Конвенции 1997 г., в связи с чем сотрудничество государств по использованию водотока будет оптимальным вариантом ее имплементации³⁰⁵. Суд рекомендовал Сторонам придерживаться интегрированного подхода к использованию и охране вод Дуная, а также норм международного экологического права и принципов права международных водотоков. Сторонам следовало инкорпорировать вновь возникшие нормы международного экологического права в Договор 1977 г., т.к. он включал в себя положения о недопущении ухудшения качества воды Дуная³⁰⁶.

Вопросы о возможности государства осуществлять использование трансграничного водного объекта без согласования с другими разделяющими его государствами, а также содержании принципа ненанесения значительного ущерба вновь возникли перед Международным судом ООН в деле о целлюлозных заводах на реке Уругвай 2010 г.³⁰⁷ Спор был вызван тем, что, по мнению Аргентины, Уругвай нарушил режим оптимального и рационального использования реки, установленный Статутом по реке Уругвай 1975 г., санкционировав в одностороннем порядке строительство двух целлюлозных заводов на своей части водотока, а проведенная оценка воздействия проектов на окружающую среду являлась неполноценной и не отражала всех потенциальных последствий промышленной деятельности.

Относительно возможности использования реки для строительства целлюлозных заводов без согласия Аргентины Суд пришел к выводу, что исходя из положений Статута 1975 г. Уругвай не был уполномочен осуществлять строительство заводов в период консультаций и переговоров. В связи с тем, что стороны начали переговоры, Уругвай не мог разрешать и,

---

³⁰⁵ Ibid. Para. 147.

³⁰⁶ Ibid. Paras. 112, 141.

³⁰⁷ Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay), Judgment of the I.C.J. April 20, 2010 // I.C.J. Reports 2010.

тем более, реализовывать планируемую потенциально опасную деятельность³⁰⁸. Данное утверждение связано с тем, что начало строительства завода лишает смысла переговорный процесс, т.к. именно данные действия являются источником спора подлежащего урегулированию путем двустороннего диалога.

Фактически из позиции Аргентины следовало, что Уругвай не имел иной возможности, кроме как прийти к соглашению с ней. То есть без согласия последней строительство заводов в любом случае представляло бы собой нарушение международных обязательств. Однако Суд отверг подобное толкование действующих экологических норм, обосновывая свою позицию исходя из принципов справедливого и разумного использования водотоков и ненанесения значительного ущерба.

По утверждению Суда, обязательство вести переговоры не налагает на государства необходимость достижения соглашения по спорному вопросу³⁰⁹. Не является обоснованным также довод о том, что начало спорной деятельности в том случае, когда конфликтующие стороны не достигают соглашения, возможно только после принятия решения судом, т.к. передача спора на рассмотрение суда является возможностью, а не обязанностью сторон³¹⁰.

Оптимальное и рациональное использование водотока является стержнем системы сотрудничества по Статуту 1975 г. Оно с одной стороны требует баланса прав и потребностей сторон в использовании реки для экономической и коммерческой деятельности, с другой стороны, защиты водного объекта от любого вреда экологии. Действующее международное право по использованию и охране трансграничных водных ресурсов также имеют целью согласование интересов водопользования и защиты экологии водного объекта. Исходя из содержания ст. 27 Статута 1975 г. и

---

³⁰⁸ Ibid. Para. 144.

³⁰⁹ Ibid. Para. 150.

³¹⁰ Ibid. Para. 154.

действующих международно-правовых норм, ни один новый вид водопользования не будет справедливым и разумным, если при этом не учитываются интересы другого прибрежного государства³¹¹. В связи с чем, в случае недостижения соглашения в результате переговоров государство имеет право осуществить спорную деятельность или проект, однако, тем не менее, оно должно учитывать интересы других стран.

Обозначенный вывод тесно связан с принципом ненанесения значительного ущерба. Суд отметил, что международное право запрещает лишь значительное загрязнение реки, а также подтвердил распространенное в литературе мнение о том, что обязательство по принятию норм и мер для сохранения водной среды и, в частности, предотвращения загрязнения, является обязательством должной осмотрительности, т.е. обязательством поведения, а не результата³¹². С данным выводом Суда трудно согласиться, т.к. само по себе непринятие всех надлежащих мер не влечет ответственности государства, оно наступает лишь в случае нанесения значительного ущерба другим государствам.

В контексте ненанесения значительного ущерба также важно отметить выводы Суда относительно ОВОС. Процедура ОВОС является необходимой сторонам для оценки возможных рисков планируемой деятельности и должна проводиться до начала реализации проекта. Другое государство должно быть уведомлено о результатах оценки до начала реализации проекта, однако такое уведомление не требуется, если предполагаемый ущерб будет иметь место и последствия исключительно на территории данного государства. При этом конкретные требования к содержанию ОВОС международное право в настоящий момент не устанавливает³¹³.

В контексте рассматриваемых вопросов примечательно также решение арбитража по спору между Францией и Испанией относительно озера Лану

---

³¹¹ Ibid. Paras. 175-177.

³¹² Ibid. Paras. 188-197.

³¹³ Ibid. Paras. 97-104, 204.

1957 г.³¹⁴ В 1866 г. Стороны заключили Байоннское соглашение и Дополнительный акт к нему, предусматривавшие распространение суверенитета государства на любые протекающие по его территории воды, а относительно пограничных водотоков – до середины водного объекта. Статья 11 Дополнительного акта налагала на государства, планирующие определенные работы, в качестве последствий которых могут выступить изменение курса или объема воды реки, обязательство по предварительному уведомлению другой стороны³¹⁵.

С 1917 г. французское правительство начало осуществлять разработки проектов по забору воды из озера Лану и направлению ее в реку Аридж в целях производства электроэнергии. Правительство Испании нотой уведомило Францию о том, что данные работы окажут влияние на права и интересы страны, в связи с чем их реализация не допустима без согласования с последней. Стороны приступили к переговорам в 1930-е гг., однако они были приостановлены ввиду начала Второй мировой войны и возобновились в 1949 г. В 1950 г. был предложен проект по отводу вод озера Лану в реку Аридж, из верхней части которой далее предполагалось посредством туннелей осуществлять частичный возврат водных ресурсов в реку Карол до пересечения ею франко-испанской границы. К 1953 г. Франция отказалась от идеи частичного возвращения вод и выдвинула новую схему, согласно которой объем поступающей в реку Карол воды будет равен объему водозабора из озера Лану, т.е. осуществляется полное восстановление количества воды. Более того, для дополнительной гарантии обеспечения интересов Испании Франция предложила создать совместную комиссию, которая будет включать равное количество представителей стран и обладать правами по контролю и надзору за любыми работами по реализации проекта и восстановлением объема воды в реке Карол. Тем не менее, Испанию

---

³¹⁴ Lake Lanoux Arbitration (France v. Spain), Arbitral Tribunal. November 16, 1957. URL: <http://www.ecolex.org/server2.php/libcat/docs/COU/Full/En/COU-143747E.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³¹⁵ Ibid. P. 2.

данный вариант не устраивал, в связи с чем в 1955 г. была учреждена Специальная смешанная комиссия для разрешения разногласий сторон. Однако положительных результатов ее деятельность не принесла.

21 марта 1956 г. французские власти объявили себя свободными относительно реализации проекта. Испанское правительство обратилось к арбитражу с требованием обязать Францию прекратить осуществление работ по использованию вод озера Лану без достижения соглашения с Испанией.

Задачей Арбитража являлось разрешение двух основных вопросов: 1) нарушают ли запланированные Францией работы права Испании по Соглашению и Дополнительному акту 1866 г.; 2) нарушает ли положения указанных актов осуществление французского проекта без достижения соглашения сторон.

Выводы Арбитража в некоторой степени схожи с рассмотренной выше позицией Международного суда ООН по спору о заводах на реке Уругвай. Так, в арбитражном решении отмечается, что использование международных рек должно основываться на всеобъемлющем соглашении между государствами, разделяющими водный объект. Переговоры должны быть не просто формальностью, а вестись в духе доброй воли и добросовестности. При этом подчеркивается, что государства должны стремиться к заключению подобных соглашений, но не обязаны это делать³¹⁶.

Существенная часть выводов Арбитража основана на принципе суверенитета государств на свои части трансграничных водных объектов. Следует сразу же отметить, что данные выводы жизнеспособны и соответствуют современному состоянию правового регулирования использования и охраны ресурсов пресной воды. В решении отмечается, что части международной реки, расположенные на территории Франции, находятся под ее суверенитетом. По мнению Арбитража, суверенитет в международном праве презюмируется, он может ограничиваться

---

³¹⁶ Ibid. P. 15-16.

исключительно международными обязательствами государства. Возможность государства осуществлять определенные действия только с согласия другого государства представляет собой существенное ограничение суверенитета и является допустимой только в случае наличия прямых и убедительных доказательств соответствующего желания этого государства. К подобным случаям в международной практике отнесены совместная собственность, кондоминиумы, или осуществление совместной юрисдикции по определенным вопросам. Однако Арбитраж делает оговорку, что они являются исключением, и практика по их признанию идет крайне медленно, особенно, когда они затрагивают вопросы суверенитета. Признание зависимости одного государства от желания сотрудничать со стороны другого может привести к возникновению у последнего «право согласия» или «право вето»³¹⁷, что противоречит принципу суверенного равенства государств, являющемуся императивной нормой современного международного права.

Исследуя роль международных арбитражей в обеспечении рационального использования пресной воды, следует рассмотреть практику МЦУИС по спорам, связанным с инвестициями в водный сектор. В связи с этим интерес представляют, прежде всего, решения по делам Суэц, Сосьедад Дженерал де Агуас де Барселона и Вивенди Юниверсал СА против Республики Аргентина 2010 г.³¹⁸ и Бивотер против Танзании 2008 г.³¹⁹

В деле Суэц, Сосьедад Дженерал де Агуас де Барселона и Вивенди Юниверсал СА инвесторы жаловались на нарушения положений двусторонних инвестиционных договоров Аргентины с Францией 1993 г. и

---

³¹⁷ Ibid. P. 22-23.

³¹⁸ Suez, Sociedad General de Aguas de Barcelona S.A. and Vivendi Universal S.A v. Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/03/19), Decision on Liability of 30 July 2010. URL: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0826.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³¹⁹ Biwater Gauff (Tanzania) Limited v. United Republic of Tanzania (ICSID Case No. ARB/05/22), Award of 24 July 2008. URL: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0095.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Испанией 1991 г., а также Концессионного соглашения по оказанию услуг водоснабжения и канализации в городе Буэнос-Айрес и прилегающих районах 1993 г. в связи с принятыми властями Аргентины антикризисными мерами в конце 2001 – начале 2002 гг. При этом в обоснование принятых мер Аргентина ссылалась, в том числе, на свои обязательства согласно международному праву прав человека по обеспечению права населения страны на воду. Поскольку вода является особым товаром, государство обладает большим усмотрением при регулировании ее использования³²⁰. Доводы Аргентинской Республики поддерживали неправительственные организации, участвующие в процессе в качестве «друзей суда», отмечая, что в условиях кризиса действия Аргентины полностью соответствуют ее обязательствам по обеспечению физической и экономической доступности воды в рамках права человека на воду³²¹.

Однако арбитры МЦУИС не нашли противоречий между обязательствами по обеспечению прав человека и обязательствами по исполнению положений двусторонних инвестиционных договоров. Как отмечается в решении: «Аргентина является субъектом обоих международных обязательств... и должна уважать их в равной степени. Согласно обстоятельствам данного дела обязательства в области прав человека и инвестиционные обязательства не являются несовместимыми, противоречащими или взаимоисключающими. Таким образом, Аргентина была в состоянии исполнять оба типа обязательств»³²².

Во втором из перечисленных выше решений МЦУИС перед арбитрами также был поднят вопрос о праве человека на воду. Район Дар-эс-Салаам Танзании имел существенные проблемы с водообеспечением, что было обусловлено дефицитом воды, слабым управлением и растущими потребностями. В стране был установлен курс на приватизацию водного

---

³²⁰ ICSID Case No. ARB/03/19. Para. 252.

³²¹ Ibid. Para. 256.

³²² Ibid. Para. 262.

сектора, и в 2002 г. по результатам государственного тендера победителем было объявлено совместное предприятие Бивотер, с которым был заключен договор лизинга. Однако на практике компания столкнулась с инфраструктурными проблемами, трудностями выставления счетов и получения оплаты за оказанные услуги, незаконными конкурентами и сопротивлением граждан повышению цен на услуги водоснабжения и санитарии. Кроме того, Бивотер не удалось реализовать новый процесс выставления счетов за услуги. Компания недооценила риски проекта и не смогла собрать достаточные управленческие и финансовые средства для его реализации³²³. 13 мая 2005 г. власти Танзании расторгли договор лизинга с Бивотер, в связи с чем компания обратилась в МЦУИС.

Однако требования Бивотер о возмещении убытков остались без удовлетворения. МЦУИС указал, что Бивотер не была в состоянии исполнить свои обязательства по договору лизинга и вода оставалась недоступной во многих районах Дар-эс-Салаама. В связи с этим государство, на котором лежит обязанность по обеспечению доступа к воде для своих граждан, было вынуждено расторгнуть договор в целях предотвращения дальнейшего ухудшения услуг водоснабжения. Более того, арбитры сослались на Замечание общего порядка № 15 и Цели развития тысячелетия, в частности, к 2015 г. сократить вдвое число лиц, не имеющих доступа к питьевой воде, а также на заявление Бивотер о признании права на воду, сделанное в рамках третьего Всемирного водного форума в 2003 г. В решении подчеркивается, что иностранные инвесторы по проектам, тесно связанным с правами человека и достижением устойчивого развития, несут наиболее высокий уровень ответственности и должны надлежащим образом исполнять свои обязательства по договорам прежде, чем искать международно-правовой защиты³²⁴.

---

³²³ ICSID Case No. ARB/05/22. Para. 149.

³²⁴ Ibid. Paras. 379-381, 387.

Таким образом, анализ практики международных судов и арбитражей по «водным» спорам позволяет обозначить в качестве наиболее значимой проблемы международно-правового регулирования в данной сфере вопрос о соотношении принципов использования трансграничных водных объектов – возможности одностороннего использования государством трансграничных водных объектов. В связи с чем предлагается закрепить в международных договорах норму о возможности использования трансграничных водных объектов в одностороннем порядке при должном учете интересов других разделяющих его государств.

Судебная практика свидетельствует о целевом единстве и взаимодействии в установлении правового режима трансграничных ресурсов пресной воды принципов суверенитета государств на часть трансграничного водного объекта, справедливого и разумного использования, ненанесения значительного ущерба и сотрудничества в регулировании как односторонней и совместной деятельности государств относительно извлечения благ и охраны трансграничных ресурсов пресной воды.

Практика МЦУИС свидетельствует о растущем воздействии норм о правах человека по вопросам управления ресурсами пресной воды и в то же время отражает недостаточную проработанность содержания обязательств государств по обеспечению населения питьевой водой и их соотношения с другими международными обязательствами.

§ 3.2. Практика региональных и национальных механизмов защиты прав человека в обеспечении рационального использования пресной воды

Практика международных судов относительно права человека на воду и их роли в регулировании рационального использования и охраны ресурсов пресной воды характеризуется широким разнообразием подходов.

Так, несмотря на то, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³²⁵ и протоколы к ней не предусматривают право на воду, в практике Европейского суда по правам человека все же имеются случаи, когда последний встает на защиту прав лиц, которые были ограничены в доступе к воде для личных нужд. В качестве ответчиков по подобным делам привлекались только Румыния, Бельгия, Швеция, Армения, Россия и Украина. К сожалению, большинство случаев нарушения права человека на воду, попавшие в поле зрения ЕСПЧ, имеют место на территории России, что свидетельствует о наличии определенных проблем обеспечения населения питьевой водой.

Решения ЕСПЧ, связанные с лишением человека доступа к физически и экономически приемлемому и достаточному количеству воды для удовлетворения личных и бытовых нужд, можно разделить на две группы:

1) по жалобам заключенных или иных лиц, ограниченных в свободе, на длительное лишение доступа к воде и санитарии. В качестве примеров подобных решений из практики ЕСПЧ можно назвать Постановления по делам Федотов против Российской Федерации 2005 г.³²⁶, Мельник против

---

³²⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

³²⁶ Fedotov v. Russia (Application no. 5140/02), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. October 25, 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-70756> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Украины 2006 г.³²⁷, Риад и Идиаб против Бельгии 2008 г.³²⁸, Щебет (Shchebet) против России 2008 г.³²⁹, Тадевосян против Армении 2009 г.³³⁰, Мариан Стоицеску против Румынии 2009 г.³³¹, Евгений Габриэль Раду против Румынии 2009 г.³³², Джамбекова и другие против России 2009 г.³³³, Александра Дмитриева против России 2011 г.³³⁴, Эргашев (Ergashev) против России 2011 г.³³⁵ и др.

2) по жалобам на загрязнение окружающей среды, выражающееся в недопустимом ухудшении качества питьевой воды, и неисполнение судебных решений. К данной группе следует отнести решения Зандер против Швеции 1993 г.³³⁶, Дубецкая и другие против Украины 2011 г.³³⁷

³²⁷ Melnik v. Ukraine (Application no. 72286/01), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. June 26, 2006. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72886#{"itemid":\["001-72886"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72886#{) (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³²⁸ Riad and Idiab v. Belgium (Applications nos. 29787/03 and 29810/03), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. January 24, 2008. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-108395> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³²⁹ Shchebet v. Russia (Application no. 16074/07), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. June 12, 2008. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-86961> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³³⁰ Deloge V. Road to 2015: the European Union and the realisation of the human right to water // New Zealand Journal of Environmental Law Vol. 16, 2012. P. 17, 19.

³³¹ The human rights to water and sanitation in courts worldwide: A selection of national, regional and international case law. WaterLex and WASH United. Geneva, 2014. P. 245-246.

³³² Ibid. P. 242-244.

³³³ Dzhambekova and others v. Russia (Applications nos. 27238/03 and 35078/04), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. March 12, 2009. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-91736> (дата обращения: 10.04.2014 г.).

³³⁴ Aleksandra Dmitriyeva v. Russia (Application no. 9390/05), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. November 3, 2011. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-107196> (дата обращения: 10.04.2014 г.).

³³⁵ Ergashev v. Russia (Application no. 12106/09), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. December 20, 2011. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-108162> (дата обращения: 10.04.2014 г.).

³³⁶ Zander v. Sweden (Application no. 14282/88), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. November 25, 1993. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-57862#{"itemid":\["001-57862"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-57862#{) (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Так в деле Федотов против России в отношении заявителя, жителя г. Боровичи Новгородской области, в 1999 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 201 Уголовного кодекса РФ³³⁸ «Злоупотребление правами». В связи с неявкой в прокуратуру он был объявлен в федеральный розыск, позже, в апреле 2000 г., производство по делу было прекращено за отсутствием состава преступления. Однако он был арестован в Москве 14-15 июня и 6-7 июля 2000 г., поскольку все еще находился в розыске, и в обоих случаях был отпущен после подтверждения отмены постановления о заключении под стражу. При этом заявитель находился под стражей 12 часов и 22 часа соответственно, не получая еды и питья, а также не имея возможности пользоваться туалетом.

Относительно первого ареста в Москве ЕСПЧ указал, что действиями сотрудников правоохранительных органов не достигнут минимальный уровень жестокости, в случае со вторым арестом Суд усмотрел нарушение ст. 3 Конвенции 1950 г. (запрещение пыток), выразившееся в бесчеловечном обращении – длительном лишении лица возможности удовлетворить основные потребности³³⁹.

В деле Риад и Идиаб против Бельгии 2008 г. заявители, граждане Палестины, прибыв из Сьерра-Леоне в Брюссельский аэропорт получили отказ во въезде в страну, вынуждены были провести в транзитной зоне аэропорта 15 дней. Затем их перевели в закрытый центр содержания незаконных иммигрантов. Однако по решению суда их освободили и вновь переместили в транзитную зону, в которой они провели 11 дней. При этом их несколько дней не кормили и не поили, пищу они получали только от уборщиков компании, обслуживающей аэропорт. Длительное лишение

---

³³⁷ Dubetska and others v. Ukraine (Application no. 30499/03), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. February 10, 2011. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103273#{"itemid":\["001-103273"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103273#{) (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³³⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³³⁹ Fedotov v. Russia, Judgment of the ECHR. October 25, 2005. Para. 68.

доступа к воде в данном случае ЕСПЧ также расценил в качестве нарушения ст. 3 Конвенции 1950 г. Суд, в частности, отметил, что право государства контролировать въезд на свою территорию должно осуществляться в соответствии с положениями Конвенции 1950 г., независимо от поведения жертв и обстоятельств. Ситуация, когда лицо заключается в такие условия, в которых абсолютно не способно удовлетворить свои базовые потребности, является неприемлемой. Подобные условия, по мнению ЕСПЧ, вызывают значительные моральные страдания, подрывающие человеческое достоинство и порождающие чувство унижения³⁴⁰.

В заявлениях Евгения Габриэля Раду и Мариана Стоицеску, поданных в отношении Румынии, ЕСПЧ имел дело с нарушениями условий содержания заключенных в тюрьме Бухарест-Жилава. В тюрьме отсутствовало водоснабжение, в связи с чем заключенных заставляли использовать воду из 50-100-литровых бочек. Заявителям дозволялось принимать душ лишь один раз в неделю, причем в комнате с ржавой техникой и старыми дырявыми трубами. Более того, в данной тюрьме находились в непригодном для пользования состоянии санитарно-гигиенические средства, например, часто на первом этаже оказывались затопленными туалеты ввиду поломки или затора труб.

Рассмотрев данные дела, ЕСПЧ нашел материальные условия содержания заключенных и их продолжительность превышающими уровень страданий, присущий лишению свободы как наказанию, и представляющими собой нарушение со стороны Румынии ст. 3 Конвенции 1950 г.

Другие упомянутые дела данной группы аналогичны делу Федотов против России, в них также государства признаны нарушившими ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Однако необходимо оговориться, что имеется и иная позиция ЕСПЧ, отраженная по ранним делам. К примеру, в решении по делу Нарцисо

---

³⁴⁰ Riad and Idiab v. Belgium, Judgment of the ECHR. January 24, 2008. Paras. 100-107.

против Нидерландов 2005 г.³⁴¹ Суд указал, что отсутствие доступа к воде не может считаться достаточно тяжелым обстоятельством, чтобы рассматриваться как нарушение ст. 3 Конвенции 1950 г.

Защитой Конвенции 1950 г. пользуются также лица, которым доступ к достаточному количеству воды надлежащего качества для удовлетворения базовых потребностей ограничен или вовсе не предоставляется ввиду осуществления работ, негативно сказывающихся на состоянии окружающей среды, или неисполнения решений национальных судов. Так, с 1960 по 1979 гг. недалеко от домов двух больших семей Дубецких-Найд и Гаврилюков-Вакив на хуторе Вильшина сбрасывался мусор из ближайшего государственного завода по обработке угля и шахты. Ряд проведенных государственных и частных исследований отметили неблагоприятное воздействие на окружающую среду в результате работы завода и шахты, в частности, загрязнение подземных вод, затопление некоторых районов. В одном из отчетов 2005 г. констатирована загрязненность колодцев ртутью и кадмием, что создает для жителей хутора высокий риск рака, респираторных и почечных заболеваний.

Экологическая опасность в результате деятельности шахты и завода достигла такого уровня, при котором значительно ухудшилась возможность пользоваться жилищем, частная и семейная жизнь. Интенсивность и продолжительность воздействия загрязненной воды, воздуха и почвы крайне отрицательно сказались на качестве жизни заявителей, их физическом и психическом благополучии. Кроме того, украинские власти не представили достаточных доказательств невозможности переселения заявителей³⁴². ЕСПЧ

---

³⁴¹ Giovanni I. Narcisio v. Netherlands. Decision of the European Court of Human Rights as to the Admissibility of Application no. 47810/99, Strasbourg. January 27, 2005. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-68204> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁴² Dubetska and others v. Ukraine, Judgment of the ECHR. February 10, 2011. Paras. 105, 154-155.

усмотрел в данном случае нарушение ст. 8 Конвенции 1950 г., т.е. права на уважение жилища.

В деле Зандер против Швеции заявители с 1966 г. являлись собственниками имущества, расположенного недалеко от свалки, на которой одна из шведских компаний с 01 июля 1983 г. начала переработку бытового и промышленного мусора. Проведенные в 1983 г. анализы воды в ближайших колодцах показали уровень содержания цианида в ней, превышающий допустимые пределы. В связи с этим Муниципальный совет по вопросам здравоохранения начал осуществлять временное снабжение питьевой водой домохозяйств, пользующихся данными колодцами. Однако в июне 1984 г. Национальное продовольственное агентство увеличило допустимые пределы содержания цианида в воде с 0,01 мг до 0,1 мг на литр, последствием чего стало прекращение муниципального водоснабжения домохозяйств, т.к. вода в колодцах соответствовала новым стандартам качества.

Более того, в 1986 г. компания по переработке мусора подала заявление в Совет по лицензированию на возобновление лицензии, включающее увеличение масштабов деятельности. Совет возобновил действие лицензии несмотря на жалобы заявителей о недопустимости продолжения деятельности компании в связи с высоким риском дальнейшего загрязнения воды. Апелляционная жалоба заявителей в Правительство 17 марта 1988 г. осталась без удовлетворения.

ЕСПЧ отметил, что собственники домов имеют право пользоваться питьевой водой из колодцев, вытекающее из права собственности на землю. Данное право является «гражданским правом» по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции 1950 г. Оно было нарушено в связи с тем, что у заявителей не было возможности обжаловать в судебном порядке решение о выдаче лицензии мусороперерабатывающей компании и последующее его подтверждение со стороны Правительства. Суд признал Швецию

нарушившей п. 1 ст. 6 Конвенции 1950 г. – право на справедливое и публичное разбирательство дела независимым судом³⁴³.

Отдельно следует отметить дело Бутан и Драгомир против Румынии 2008 г.³⁴⁴ Т.Н. Бутан и К. Драгомир, сын и мать, проживали в квартире в многоквартирном доме, водоснабжение которой осуществлялось на основе договора между объединением собственников жилья и частной водоснабжающей компанией. С 20 октября 2001 г. подача воды в квартиру заявителей была прекращена, в связи с тем, что жители нижних этажей дома перекрыли свои трубы. При этом водоснабжающая компания отказалась заключать отдельный договор с заявителями, в связи с чем семья вынуждена была проживать в другой квартире по договору найма жилого помещения.

Попытки обжаловать действия соседей и компании нашли отклик в Верховном суде, который обязал последнюю заключить с заявителями договор питьевого водоснабжения. Однако даже на момент рассмотрения дела ЕСПЧ в 2008 г. решение Верховного суда не было приведено в исполнение.

Суд отметил, что хотя обязательства по водоснабжению в данном конкретном случае лежали на частной компании, однако она их осуществляла на основе заключенного с муниципальными властями контракта. В связи с чем реализация услуг водоснабжения по контракту должна была контролироваться государственными органами. Следовательно, национальные власти не предприняли всех возможных мер для приведения решения Верховного суда в исполнение и своим бездействием нарушили право заявителей на эффективное судебное разбирательство³⁴⁵.

В межамериканской системе защиты прав человека также отсутствует прямое закрепление права индивида на воду. Однако МАСПЧ, как и иные региональные механизмы защиты прав человека, в отдельных случаях

---

³⁴³ Zander v. Sweden, Judgment of the ECHR. November 25, 1993. Paras. 27-29.

³⁴⁴ The human rights to water and sanitation in courts worldwide: A selection of national, regional and international case law. P. 247-249.

³⁴⁵ Ibid. P. 249.

признает нарушением длительное лишение лица доступа к воде. Практику данного Суда условно делят на две группы: а) по жалобам на условия содержания в тюрьмах; б) по делам о защите особо уязвимых групп населения³⁴⁶. Как отмечалось в § 1 главы 2 настоящего исследования, заключенные также относятся к уязвимой категории населения в плане обеспечения их потребностей в воде, однако данная классификация удобна в изучении практики МАСПЧ, связанной с лишением лиц доступа к воде.

В деле Лопез Альварез против Гондураса 2006 г.³⁴⁷ осужденный к шести годам и четырем месяцам лишения свободы заявитель отбывал наказание в тюрьмах Тела и Тамара. При этом помимо того, что он вынужден был в течение длительного периода времени спать на полу, власти не предоставляли ему адекватную пищу и воду, а также не были обеспечены базовые условия гигиены.

МАСПЧ со ссылкой, в том числе, на практику ЕСПЧ отметил роль государства как гаранта прав заключенных, обязанного обеспечить условия жизни совместимые с человеческим достоинством. В частности, принимаемые меры не должны превышать уровень страданий, присущих лишению свободы как наказанию и заключению в тюрьме³⁴⁸. Суд признал Гондурас виновным в нарушении пунктов 1, 2 и 4 ст. 5 Американской конвенции о правах человека 1969 г. (далее – АКПЧ 1969 г.)³⁴⁹ – запрет пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство наказания или обращения.

---

³⁴⁶ Chavarro J.M. The Right to Water in the Case-Law of the Inter-American Court of Human Rights // *Anuario Colombiano de Derecho Internacional* Vol. 7, 2014. P. 48

³⁴⁷ López-Álvarez v. Honduras, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. February 01, 2006. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_141_ing.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁴⁸ López-Álvarez v. Honduras, Judgment of the IACtHR. February 01, 2006. Para. 106.

³⁴⁹ American Convention on Human Rights. San Jose 25 November 1969. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-32.html> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Нарушение прав заключенных на доступ к приемлемой по качеству и количеству воде МАСПЧ признал за Панамой в деле Велеса Лоора 2010 г.³⁵⁰ Фактические обстоятельства дела сводились к тому, что 11 ноября 2002 г. Велес Лоор, гражданин Эквадора, был задержан панамской полицией и не смог представить документы, разрешающие его пребывание на территории страны. После установления факта его депортации в 1966 г. и повторного незаконного въезда на территорию Панамы директор Национального миграционного офиса вынес решение о заключении на два года в тюрьму. В июне 2003 г. заявитель был доставлен для отбывания наказания в Пенитенциарный центр Ла Джоита (“La Joyita”). В данном Центре наблюдались существенные проблемы с питьевым водоснабжением, о чем власти страны были осведомлены. В сентябре 2003 г. приговор был смягчен, и заявителя депортировали в Эквадор. В связи с длительным лишением доступа к питьевой воде в период своего заключения он обратился с заявлением в Межамериканскую комиссию по правам человека, а далее дело было передано в МАСПЧ. В частности, заявитель жаловался на недостаточное количество предоставляемой питьевой воды, а также ее неприемлемое качество³⁵¹. Перебои в водоснабжении в некоторых случаях продолжались в течение 15 дней.

Как и в рассмотренном выше деле МАСПЧ указал, что поскольку государство правомочно применять наказание в виде лишения свободы, оно обязано обеспечивать надлежащие условия жизни заключенных. Особенно важным аспектом таких условий является наличие питьевой воды. Суд впервые сослался на Замечание общего порядка № 15, а также на Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., указав, что согласно положениям данных документов государства должны предпринять меры по обеспечению заключенных достаточным количеством

---

³⁵⁰ Velez Loor v. Panama, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. November 23, 2010. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_218_ing.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁵¹ Ibid. Para. 212.

безопасной воды для удовлетворения их повседневных потребностей, включая питье и личную гигиену. Доступ к воде надлежащего количества и качества имеет важное, существенное значение для достойной жизни. МАСПЧ также отметил недопустимость ссылки на неблагоприятное экономическое состояние страны как основание для несоблюдения прав человека³⁵². В результате Панама была признана виновной в нарушении запрета пыток (ст. 5 АКПЧ 1969 г.).

Другая группа дел относительно обеспечения человека водой для удовлетворения личных и бытовых потребностей в практике МАСПЧ связана с жалобами общин коренных народов Якие Акса³⁵³, Савхоямакса³⁵⁴ и Хакмок Касек³⁵⁵ против Парагвая 2005, 2006 и 2010 гг. соответственно.

Во всех трех жалобах заявители были лишены возможности проживать на традиционно занимаемых народом землях. В результате этого они вынуждены были разместиться в различных поселениях, известных как «Санта-Элиза» (“Santa Elisa”), «КМ 16», «25 Февраля» (“25 de Febrero”) и т.п., преимущественно расположенных вдоль трасс.

Источником воды, используемой членами коренных общин как для личного потребления, так и для целей гигиены, выступали колодцы. При этом они не были каким-либо образом защищены и одновременно также использовались животными. Особенно тяжелым положение лиц становилось во время засухи в связи с дефицитом воды.

---

³⁵² Ibid. Paras. 198, 215-216.

³⁵³ Yakye Axa Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. June 17, 2005. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_125_ing.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁵⁴ Sawhoyamacha Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. March 29, 2006. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_146_ing.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁵⁵ Hakmok Kasek Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. August 24, 2010. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_214_ing.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Практически во всех трех делах Указами Президента и Декретами Министерства Образования и Культуры Парагвая ситуация с общинами коренных народов признавалась чрезвычайной. Национальным центром по чрезвычайным ситуациям осуществлялись поставки воды танкерами. Однако поставляемая вода в основном была непригодной для питьевых целей. Кроме того, в подобных поселениях отсутствовали элементарные санитарные условия, в связи с чем для этих целей использовались открытые пространства, что привело к распространению водообусловленных заболеваний преимущественно среди детей и стариков, в результате которых в отдельных случаях наступили летальные последствия.

МАСПЧ во всех случаях признал нарушенным права заявителей на жизнь (ст. 4 АКПЧ 1969 г.). С точки зрения Суда подходы, ограничивающие право на жизнь, являются недопустимыми. В решении по делам общины Якие Акса и Хакмок Касек подчеркивается, что право на жизнь сводится не только к защите от произвольного лишения индивида жизни, но также предполагает запрет создания условий, препятствующих или мешающих достойному существованию, принятие всех надлежащих мер для защиты и сохранения жизни. То есть на государства возлагаются позитивные обязательства по созданию минимальных условий для достойной жизни, в частности, обеспечение питьевой водой и туалетами³⁵⁶. МАСПЧ также сослался на Замечание общего порядка № 14 КЭСКП, в котором подчеркивается: «в случае с коренными народами доступ к традиционно занимаемым землям и использование их естественных богатств тесно связано с возможностью обеспечения питанием и чистой водой... Соответственно утрата традиционных земель приводит к лишению их доступа средствам получения пищи и чистой воды»³⁵⁷.

---

³⁵⁶ *Xakmok Kasek Indigenous Community v. Paraguay*, Judgment of the IACtHR. August 24, 2010. Paras. 186-187. *Yakye Axa Indigenous Community v. Paraguay*, Judgment of the IACtHR. June 17, 2005. Paras. 161-162.

³⁵⁷ *Yakye Axa Indigenous Community v. Paraguay*, Judgment of the IACtHR. June 17, 2005. Para. 167.

Кроме того, в деле общины Хакмок Касек МАСПЧ отдельно остановился на вопросе о количестве воды, необходимой для удовлетворения личных и бытовых потребностей человека. По заявлению властей Парагвая в поселение общины «25 Февраля», состоящее из 228 представителей коренного народа Хакмок Косек, в 2009 г. было поставлено: 10 000 л. воды – 23 апреля, 20 000 л. – 03 июля, 20 000 л. – 10 августа и 14 000 л. – 14 августа, а также 6000 м³ – 05 февраля. По расчетам Суда данное количество воды обеспечивает 2,17 л. в день на человека, что является недостаточным с точки зрения современного международного права. Со ссылкой на Замечание общего порядка № 15, а также на работы П. Глейка и Дж. Бертрама и Г. Ховарда. МАСПЧ отметил, что согласно действующим международным стандартам для удовлетворения всех базовых потребностей человека, включая питание и гигиену, необходимо обеспечение каждому индивиду 7,5 литров воды ежедневно³⁵⁸.

Однако Судом ошибочно истолкованы положения современного международного права относительно достаточного количества воды для удовлетворения базовых потребностей человека. Как отмечает Х.М. Чаварро (Бельгия), вероятнее всего, Судом неверно восприняты положения публикации ВОЗ относительно количества воды для домохозяйства под авторством Дж. Бертрама и Г. Ховарда 2002 г., в которой указано необходимое количество воды, равное 7,5 литрам в день на одного человека для удовлетворения питьевых нужд, не включая гигиену и иные виды водопользования³⁵⁹.

Вопросы относительно количества воды необходимого для удовлетворения базовых потребностей человека, т.е. для питья, личной санитарии, приготовления пищи, стирки и соблюдения элементарной гигиены, подробно были раскрыты в § 1 главы 2 настоящего исследования.

---

³⁵⁸ Хакмок Касек Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of the IACtHR. August 24, 2010. Para. 195.

³⁵⁹ Chavarro J.M. Op. cit. P. 57.

Согласно позиции П. Глейка, которой руководствуются большинство стран и рекомендуемой КЭСКИП, а также наиболее новому Руководству ВОЗ по обеспечению качества питьевой воды 2011 г. достаточное количество воды на удовлетворение базовых потребностей человека в день составляет не менее 20 литров.

Почти по всем трем рассмотренным делам МАСПЧ обязал Парагвай:

а) обеспечивать коренные общины достаточным количеством питьевой воды до тех пор, пока не будет восстановлено их право пользоваться традиционно занимаемыми землями, а также создать санитарные условия;

б) учредить фонды развития общин с суммами от 100 тыс. до 1 млн. долларов США, часть средств которых должна пойти на обеспечение бутилированной водой;

в) определить границы традиционно занимаемых общинами коренных народов земель и вернуть им данные земли в течение определенного периода времени.

В африканской системе защиты прав человека также отсутствует нормативное закрепление права человека на воду, за исключением упомянутой ранее ст. 15 Протокола к Африканской Хартии прав человека и народов относительно прав женщин в Африке 2003 г., рассматривающей обеспечение доступа к чистой питьевой воде как часть права на продовольственную безопасность. Однако в практике Африканской комиссии по правам человека и народов (далее – АКПЧН) имели место жалобы, связанные с лишением человека доступа к воде. К ним относят следующие четыре дела: Группа бесплатной юридической помощи против Заира 1995 г.³⁶⁰, Центр действий по социальным и экономическим правам и

---

³⁶⁰ Free Legal Assistance Group and others v. Zaire, Decision of African Commission on Human and People's Rights. April 04, 1996. URL: http://www.achpr.org/files/sessions/18th/comunications/25.89-47.90-56.91-100.93/achpr18_25.89_47.90_56.91_100.93_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Центр по экономическим и социальным правам против Нигерии 2001 г.³⁶¹, Институт по правам человека и развитию в Африке против Анголы 2008 г.³⁶², Суданская организация по правам человека и Центр по жилищным правам и вопросам выселения против Судана 2009 г.³⁶³

В деле против Заира заявители жаловались на многочисленные нарушения прав человека, включая незаконные аресты, пытки и преследования по религиозным мотивам, нехватку лекарств и неисполнение государством обязанности по предоставлению таких основных услуг, как обеспечение электроэнергией и безопасной питьевой водой. АКПЧН установила нарушение ст. 16 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.³⁶⁴ – право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, выразившееся в неспособности властей Заира обеспечить базовые услуги по снабжению населения водой, электроэнергией и медикаментами³⁶⁵.

В деле против Нигерии суть претензий сводилась к тому, что разработка нефтяных месторождений на территории народа Огони нефтяным консорциумом Шелл (Shell) при попустительстве властей страны осуществлялась без учета последствий деятельности компании для здоровья местных жителей и окружающей среды, с существенным загрязнением воды

³⁶¹ The Social and Economic Rights Action Centre and the Centre for Economic and Social Rights v. Nigeria, Decision of African Commission on Human and People's Rights. October 27, 2001. URL: http://www.achpr.org/files/sessions/30th/comunications/155.96/achpr30_155_96_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁶² Institute for Human Rights and Development in Africa v. Angola, Decision of African Commission on Human and People's Rights. May 22, 2008. URL: http://www.achpr.org/files/sessions/43rd/comunications/292.04/achpr43_292_04_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁶³ Sudan Human Rights Organisation and Centre on Housing Rights and Evictions v. Sudan, Decision of African Commission on Human and People's Rights. May 27, 2009. URL: http://www.achpr.org/files/sessions/45th/comunications/279.03-296.05/achpr45_279.03_296.05_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁶⁴ African Charter on Human and Peoples' Rights. 27 June 1981. URL: http://www.achpr.org/files/instruments/achpr/banjul_charter.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁶⁵ Free Legal Assistance Group and others v. Zaire, Decision of ACHPR. April 04, 1996. Para. 47.

путем выбросов токсичных отходов в водные объекты в нарушение применимых международных экологических стандартов. Комиссия признала действия Нигерии по участию в загрязнении воды, воздуха и почвы, непроведению ОВОС и лишению народа Огони правовой защиты нарушением права на здоровье (ст. 16 Африканской хартии 1981 г.) и права народов на удовлетворительную окружающую среду (ст. 24 Африканской хартии 1981 г.)³⁶⁶.

В деле против Судана 2009 г., связанном с систематическими и массовыми нарушениями прав коренных темнокожих африканских племен Фур, Марсалит и Загхава в Дарфурском регионе, Комиссия со ссылкой на Замечание общего порядка № 14 и дело против Заира 1995 г. указала, что право на здоровье предполагает не только своевременное и адекватное медицинское обслуживание, но и обеспечение основных детерминант здоровья – доступ к безопасной питьевой воде, питанию и жилищу. Кроме того, государства должно воздерживаться от загрязнения воды, воздуха и почв. В данном деле имело место отравление источников питьевой воды. В связи с этим АКПЧН признала Судан виновным в нарушении права на здоровье (ст. 16 Африканской хартии 1981 г.)³⁶⁷.

В деле Института по правам человека и развитию в Африке против Анголы 2008 г. 14 граждан Гамбии, работавших на алмазодобывающих регионах Анголы, в рамках кампании правительства по депортации иностранных работников были незаконно арестованы и заключены в центры содержания под стражей. При этом центры характеризовались крайне низкими условиями санитарии. На пятьсот заключенных представлялись лишь два ведра воды в целях мытья, отсутствовали отдельные душевые и, фактически, мытье осуществлялось в помещениях для приема пищи и сна³⁶⁸.

---

³⁶⁶ SERAC and CESR v. Nigeria, Decision of ACHPR. October 27, 2001. Para. 50

³⁶⁷ Sudan Human Rights Organisation and Centre on Housing Rights and Evictions v. Sudan, Decision of ACHPR. May 27, 2009. Paras. 209-212.

³⁶⁸ Institute for Human Rights and Development in Africa v. Angola, Decision of ACHPR. May 22, 2008. Para. 51.

Если во всех трех вышеприведенных делах неисполнение обязательства по обеспечению населения водой Комиссией признавалось в качестве нарушения права на здоровье, то в данном случае АКПЧН признала нарушенным право на уважение человеческого достоинства (ст. 5 Африканской Хартии).

Рассматривая роль механизмов защиты прав человека в обеспечении рационального использования ресурсов пресной воды, представляется обоснованным изучение наиболее передовых национальных практик по защите права человека на воду. К последним относится практика южноафриканских и индийских судебных органов.

Официальное толкование право на воду получило в известном постановлении Конституционного суда ЮАР по делу Мазибуко и другие против города Йоханнесбург от 08.10.2009 г.³⁶⁹ Суть дела сводилась к проверке на законность и конституционность политики г. Йоханнесбург об обязательной установке водосчетчиков предоплаты, настроенных на обеспечение бесплатной водой в объеме 25 литров на человека в сутки или 6000 литров на домохозяйство в месяц. При превышении указанных лимитов водоснабжение прекращалось до конца месяца, в результате чего заявители оставались без воды ежемесячно 15 последних дней. Первоначально дело рассматривалось Верховным судом, который признал подобную политику незаконной, неконституционной. По мнению суда, отсутствие уведомлений об отключениях лишало заявителей средств правовой защиты. Кроме того, по мнению Верховного суда, данная политика носила дискриминационный характер, т.к. жителям богатых районов города предоставлялось право на получение воды в кредит и на ведение переговоров относительно условий предоставления услуг. Суд обязал город Йоханнесбург предоставлять бесплатно 50 литров воды на человека в сутки. В результате апелляционной

---

³⁶⁹ Mazibuko v. The City of Johannesburg and Others. Judgment of the Constitutional Court of South Africa. October 8, 2009. URL: <http://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2009/28.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

жалобы властей города в Верховный кассационный суд последним необходимым объем бесплатно предоставляемой воды был сокращен до 42 литров на человека в сутки.

Однако Конституционный суд вышеуказанным постановлением отменил решения Верховного и Верховного кассационного судов, отметив, что ни политика предоставления бесплатной воды, ни система водосчетчиков предоплаты не нарушают право на воду, предусмотренное ст. 27 Конституции. Позиция Конституционного суда представляется более обоснованной и соответствующей международно-правовому пониманию. Во-первых, право на воду не предполагает обязательного бесплатного ее предоставления, на что также обращается внимание в Замечании общего порядка № 15 и иных документах³⁷⁰. Как отмечалось выше, КЭСКП указывает на экономическую доступность, а не на бесплатный характер предоставления доступа к воде. Во-вторых, является необоснованной ссылка Верховного суда на лишение заявителей средств правовой защиты ввиду отсутствия заблаговременных уведомлений об отключении. Наоборот, заявителям был предоставлен доступ информации о воде, т.к. они в любое время могли ознакомиться с показателями счетчиков, и со стороны городских властей не чинились препятствия в этом направлении, что соответствует международно-правовому содержанию права на воду.

В отличие от ЮАР Конституция Индии не предусматривает права на воду. Тем не менее, имеется обширная практика индийских судов, обеспечивающая защиту права на воду путем толкования конституционного права на жизнь. Как отмечается в юридической литературе, практика индийских судов играет весомую роль в процессе становления права на воду и восполняет пробелы в существующем правовом регулировании водного сектора, при этом суды не определяют конкретное нормативное содержание

---

³⁷⁰ Право на воду. Изложение фактов № 35 / Серия «Права человека: изложение фактов» - С. 16-17.

права на воду³⁷¹. Однако в отдельных случаях они все же касаются юридического содержания права на воду. Например, в деле Венкатагирияппа против Совета по электроэнергии Карнатака 1998 г. Верховный суд Штата Карнатака постановил, что право на воду не охватывает использование воды в ирригационных и коммерческих целях³⁷².

Ф. Куллет (Великобритания) со ссылками на решения по делам ДЛФ Универсал Лтд. против профессора Лакшми Сагар 1998 г., Хамид Хан против Штата Мадхья-Прадеш 1997 г., Д-р К.Ц. Малхотра против Штата Мадхья-Прадеш 1993 г. отмечает тенденцию к расширительному толкованию права на воду индийскими судами за счет выделения его связи с правами на здоровье, на санитарную, окружающую среду³⁷³.

Тем не менее, преимущественное большинство решений индийских судов рассматривает право на воду как часть права на жизнь. В деле Ф.К. Хусейн против Индийского союза 1990 г., где оспаривалась схема увеличения поставок питьевой воды путем добычи подземных вод в связи с тем, что это приведет к привнесению соленых вод и нарушит право заявителей на жизнь (ст. 21 Конституции), Верховный суд Штата Керала установил нарушение права на жизнь и отметил, что право на воду и право на воздух являются атрибутами права на жизнь, потому что это основные элементы, которые поддерживают саму жизнь³⁷⁴.

В делах Лакноу Гри Свами Паришад против Штата Уттар-Прадеш 2000 г.³⁷⁵ и Вишала Кочи Кудивелла Самаркшана Самити против Штата Керала

---

³⁷¹ Cullet Ph. Water Sector Reforms and Courts in India: Lessons from the Evolving Case Law // Review of European Community & International Environmental Law Vol. 19 No. 3, 2010. P. 329.

³⁷² Venkatagiriappa v. Karnataka Electricity Board, Bangalore and Others. High Court of Karnataka at Bangalore. July 15, 1998. URL: www.ielrc.org/content/e9813.pdf (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁷³ Cullet Ph. Op. cit. P. 329-330.

³⁷⁴ F.K. Hussain v. Union of India (UOI) and Ors. High Court of Kerala. February 26, 1990. URL: <http://www.ielrc.org/content/e9002.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

³⁷⁵ Lucknow Grih Swami Parishad v. State of Uttar Pradesh and others. High Court of Allahabad (Lucknow bench). April 20, 2000. URL: <http://www.ielrc.org/content/e0013.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

2006 г.³⁷⁶ суды пришли к выводу, что государство обязано обеспечивать население питьевой водой, неисполнение же данной обязанности является нарушением ст. 21 Конституции, т.е. права на жизнь.

Таким образом, практика региональных и отдельных национальных механизмов защиты прав человека свидетельствует об экологизации содержания основных прав и свобод индивида. Ни один из действующих региональных международных договоров по защите прав и свобод человека не содержит прямого нормативного закрепления права на воду. Однако учрежденные региональные и национальные механизмы защиты осуществляют его охрану путем расширительного толкования, выведения его из содержания других прав человека.

Продолжительное лишение лиц доступа к воде или ухудшение ее качества признается нарушением:

- запрета пыток или иного, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, права на частную и семейную жизнь, жилище, а также справедливое судебное разбирательство в европейской правозащитной системе;

- запрета бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а также права на жизнь в межамериканской системе защиты права человека;

- права на здоровье, удовлетворительную окружающую среду и уважение человеческого достоинства в рамках африканских механизмов по защите прав индивидов.

---

³⁷⁶ Vishala Kochi Kudivella Sam. Samithi vs. State of Kerala. High Court of Kerala at Ernakulam. February 20, 2006. URL: <http://www.ielrc.org/content/e0642.pdf> (дата обращения: 01.07.2015 г.).

Заключение

Концептуальный анализ международно-правового регулирования рационального использования ресурсов пресной воды позволяет сделать следующие выводы.

В международном праве пресную воду можно рассматривать в двух тесно взаимосвязанных качествах. Во-первых, вода – это ресурс, отношения по управлению, использованию и охране которого регулируются нормами международного экологического права. В большинстве случаев пресная вода как составная часть трансграничных водных источников выступает объектом отношений по их управлению, использованию и охране, урегулированных нормами международного экологического права. В то же время она может выступать в качестве самостоятельного объекта международных экологических правоотношений. Из семи естественных источников пресной воды регулирующее воздействие международных норм осуществляется на отношения по использованию и охране международных водотоков, трансграничных водоносных горизонтов, ледников и айсбергов, расположенных на международных пространствах. Указанные источники с точки зрения современного международного права представляют собой единство двух тесно связанных между собой компонентов: гидрологической системы резервуаров и содержащихся в них ресурсов пресной воды.

Дефицит водных ресурсов и истощение традиционных источников пресной воды в отдельных регионах мира послужили стимулом к активному освоению подземных вод и альтернативных источников водоснабжения. При этом государства в подобных ситуациях столкнулись с существенной проблемой в виде отсутствия специальных международно-правовых норм в данной области и неэффективностью применения к данной области межгосударственного сотрудничества норм, регулирующих рациональное использование международных водотоков. В то же время государства до

настоящего времени продолжают применять к отношениям по использованию и охране трансграничных водоносных горизонтов, ледников и айсбергов нормы, касающиеся использования международных водотоков, или более общие нормы международного морского и международного экологического права. Подобная практика также наблюдается в двусторонних договорах Российской Федерации в области рационального использования трансграничных водных объектов. Международно-правовая база регулирования отношений по использованию и охране трансграничных водоносных горизонтов и ледников и айсбергов находится на стадии формирования и требует дальнейшего изучения.

Анализ международно-правовых договоров в области рационального использования и охраны пресной воды с начала XX столетия свидетельствует о расширении объекта правового регулирования. Если объектом регулирования международно-правовых норм начала XX столетия выступали отношения по промышленному и сельскохозяйственному использованию международных водотоков, с установлением приоритета использования водотоков для целей судоходства над промышленным и сельскохозяйственным водопользованием, то международно-правовые нормы середины столетия оставляли вопрос о приоритете видов использования на усмотрение прибрежных государств. А с 60-70-х годов XX в. началось международно-правовое регулирование вопросов использования водных ресурсов трансграничных водных объектов для удовлетворения потребностей людей в питьевой воде, санитарии или для иного жизнеобеспечения человека. При этом исследование договорной базы на современном этапе сотрудничества и норм мягкого права в данной сфере позволяет сделать вывод о приоритете использования ресурсов пресной воды для удовлетворения насущных потребностей человека, т.е. питьевых и в производстве продовольствия, перед иными видами водопользования,

следствием чего является тенденция к внедрению норм о правах человека в правовое регулирование рационального использования пресной воды.

Международно-правовое регулирование использования и охраны ресурсов пресной воды базируется на четырех основных принципах:

– суверенитет государств на свои части трансграничных водных объектов, что означает независимость и всю полноту власти государства относительно расположенных на его территории частей рек, озер, каналов, подземных вод при их использовании и охране в той степени, в какой оно не нарушает права других государств;

– справедливое и разумное использование пресной воды, выражающееся в максимально оптимальном, но не обязательно равном распределении воды и благ от ее использования, а также в необходимости принятия мер по поддержанию и восстановлению водных ресурсов на уровне, обеспечивающем максимально возможное извлечение благ;

– ненанесение значительного ущерба, что налагает на государство обязательства по принятию на своей территории всех надлежащих мер для предотвращения «поддающегося обнаружению», но не обязательно «серьезного» или «существенного» вреда (гибель или ухудшение состояния здоровья людей, утрата или повреждение имущества, ущерб окружающей среде, расходы на разумные меры по восстановлению прежнего состояния имущества или среды) другому государству при использовании трансграничного пресноводного объекта, по уменьшению или ликвидации его последствий, а также компенсации за него;

– сотрудничество, что подразумевает заключение договоров по использованию пресной воды, создание совместных механизмов, обмен данными и информацией, уведомление о планируемых мерах, встречи технических и правительственных экспертов, обмен проектами документов и т.д.

Неоправданными являются попытки установить иерархию принципов использования и охраны ресурсов пресной воды. Подобные суждения в основном сводятся к обоснованию превалирующего характера принципа справедливого и разумного использования, ненанесения значительного вреда или принципа государства суверенитета на часть трансграничного водного объекта. Как было показано на примере принципов суверенитета государства на часть трансграничного водного объекта и справедливого и разумного использования пресной воды, первый – вытекает из основных принципов международного права и самой сущности государства, тогда как второй – устанавливает правовые рамки, способствующие максимально эффективному использованию водных ресурсов при уважении суверенных прав прибрежных государств и сохранении водной среды.

Принципы использования и охраны трансграничных вод не обладают иерархией, не вступают в противоречие между собой, гармонично дополняют друг друга и, в конечном счете, направлены на достижение единых целей – установление равенства государств при использовании пресной воды, максимизацию благ от ее использования и минимизацию экологических, экономических и иных потерь.

Тем не менее, на практике до настоящего времени продолжают возникать споры относительно содержания указанных принципов. Так, анализ деятельности международных судебных учреждений по спорам в области рационального использования пресной воды позволяет определить в качестве наиболее значимой проблемы международно-правового регулирования соотношение принципов использования трансграничных водных объектов и возможности одностороннего использования государством трансграничных водных объектов. При этом практически во всех случаях суды признают за государствами, разделяющими ресурсы пресной воды, возможность осуществлять их использование и охрану в одностороннем порядке в той степени, в какой это не нарушает права иных

государств. В связи с чем предлагается закрепить в международных договорах норму о возможности использования трансграничных водных объектов в одностороннем порядке при должном учете интересов других разделяющих их государств.

Судебная практика также свидетельствует о возможности международно-правового регулирования как односторонней, так и совместной деятельности государств относительно извлечения благ и охраны трансграничных ресурсов пресной воды. При этом принципы суверенитета государств на часть трансграничного водного объекта, справедливого и разумного использования, ненанесения значительного ущерба и сотрудничества характеризуются целевым единством и взаимодействием в установлении правового режима трансграничных ресурсов пресной воды.

Второе качество, в которой пресная вода выступает в международном праве, связано с тенденцией к признанию в качестве одного из основных прав человека права на воду. Пресная вода в данном случае является ресурсом, без которого невозможно обеспечение и осуществление прав человека.

Анализ международных договоров, норм мягкого права и национальных актов, прямо или косвенно предусматривающих право на воду, показал отсутствие единообразной, продолжительной и всеобщей практики на всех уровнях, что не позволяет рассматривать право на воду в качестве обычно-правовой нормы международного права.

Нормативное содержание права на воду сводится к возможности индивида требовать от государства и иных лиц обеспечения ежедневно для удовлетворения своих повседневных потребностей не менее 20 литрами питьевой воды безвредной, приемлемой по цвету, запаху и вкусу и доступной в экономическом и физическом плане, т.е. не более чем в одном километре от домовладения и из безопасных источников снабжения. При этом на государства возлагаются корреспондирующие данному праву обязанности по

невмешательству и предотвращению подобных действий со стороны третьих лиц в процесс осуществления данного права индивидами, а также по созданию максимально благоприятных условий получения воды для личных целей путем принятия законодательных, административных, технических, экономических и иных мер, в том числе учреждению эффективных механизмов его защиты в случае нарушений.

Выделение права на воду в качестве самостоятельного права способно затруднить его имплементацию, приведет к ограничению определенной эффективности реализации иных прав, закрепленных в действующих международных договорах, а также к правовой неопределенности в системе прав человека. Право на воду является производным и служит необходимым условием реализации иных прав человека – права на жизнь; на наивысший достижимый уровень здоровья; на достаточный жизненный уровень; на человеческое достоинство; права на социальную защиту; на продовольственную безопасность; права на развитие и др.

Данный вывод находит свое подтверждение также при изучении практики судебных учреждений. В первую очередь это практика региональных и отдельных национальных механизмов защиты прав человека, которая свидетельствует об экологизации содержания основных прав и свобод индивида. Несмотря на то, что ни один из региональных международных договоров по защите прав и свобод человека прямо не закрепляет право на воду, учрежденные региональные и национальные механизмы защиты осуществляют его охрану путем расширительного толкования, выведения его из содержания следующих прав и свобод человека: право на жизнь; право на здоровье; свобода от пыток; право на человеческое достоинство; право на удовлетворительную окружающую среду; право на частную и семейную жизнь; право на жилище; право на справедливое судебное разбирательство.

Среди универсальных судебных учреждений только в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров имели место споры, связанные с необходимостью учета норм о правах человека при определении рационального использования пресной воды. Данная практика свидетельствует о растущем воздействии норм о правах человека по вопросам управления ресурсами пресной воды и в то же время отражает недостаточную проработанность содержания обязательств государств по обеспечению населения питьевой водой и их соотношения с другими международными обязательствами.

В настоящее время развитие международного права и национального законодательства государств базируется на концепции устойчивого развития. Воплощение данной концепции в области рационального использования пресной воды следует осуществлять путем реализации интегрированного подхода к управлению водными ресурсами. Имплементация ИУВР требует от государств:

- изменения подхода к управлению подземными водами и учет природных особенностей при регулировании отношений по их использованию и охране, принятия во внимание естественной взаимосвязи водных ресурсов с иными компонентами окружающей среды;

- активного вовлечения частных лиц в процессы управления в сфере отношений по использованию и охране пресной воды;

- принятия во внимание интересов особо уязвимых групп населения – коренные народы, женщины, дети и старики, лица с ограниченными возможностями, заключенные и находящиеся под стражей.

В этой связи представляется необходимой разработка и внедрение положений об особенностях использования трансграничных водоносных горизонтов в двусторонние договоры Российской Федерации, создание нормативных условий и обеспечение участия граждан в работе Комиссий по

рациональному использованию и охране трансграничных водных объектов и доступе к информации об управлении трансграничными водными ресурсами.

Следует стремиться к согласованию и координированному развитию экологических норм и прав человека, касающихся использования ресурсов пресной воды, т.к. конечная цель правового воздействия на отношения по использованию и охране водных ресурсов сводится к удовлетворению различных потребностей человека при сохранении экосистемы, и соответственно, возможности для обеспечения нужд будущих поколений.

Список используемых сокращений

КМП / КМП ООН	Комиссия международного права Организации Объединенных Наций
ИУВР	Интегрированное управление водными ресурсами
МЦУИС	Международный центр по урегулированию инвестиционных споров
АМП	Ассоциация международного права
Конвенция ЕЭК 1992 г.	Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года
Пересмотренный протокол 2000 г.	Пересмотренный протокол по разделяемым системам водотоков от 07 августа 2000 года к Договору о Сообществе развития Юга Африки от 1992 года
ВК РФ	Водный кодекс Российской Федерации от 03 июня 2006 года № 74-ФЗ
ОВОС	Оценка воздействия на окружающую среду
КЭСКИ	Комитет по экономическим, социальным и культурным правам
Пакт 1966 г.	Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года
Протокол 1999 г.	Протокол по проблемам воды и здоровья от 17 июня 1999 года к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года
ЮАР	Южно-Африканская Республика
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения

Комиссия Брундтланд	Всемирная комиссия по вопросам окружающей среды и развития
Декларация Рио-92	Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 года
Конвенция о биоразнообразии 1992 г.	Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года
ГВП	Глобальным водным партнерством
Конвенция о Франко-швейцарском женеvском ВГ 2007 г.	Конвенция о защите, использовании, подпитке и мониторинге Франко-швейцарского женеvского водоносного горизонта, заключенная Францией и Швейцарией 18 декабря 2007 года
ППМП	Постоянная палата международного правосудия
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека
МАСПЧ	Межамериканский суд по правам человека
Дело о реке Одер	Дело о территориальной юрисдикции Международной комиссии по реке Одер, рассмотренное Постоянной палаты международного правосудия в 1929 года
Дело по реке Маас	Спор между Нидерландами и Бельгией об отводе воды из реки Маас, рассмотренный Постоянной палаты международного правосудия в 1937 года
АКПЧ 1969 г.	Американская конвенция о правах человека 1969 года
АКПЧН	Африканская комиссия по правам человека и народов

Библиография

I. Документы

1. Международные договоры

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
2. Договор об Антарктике от 01 декабря 1959 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ats.aq/documents/ats/treaty_original.pdf.
3. Киотский протокол 1997 г. к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/kyoto.pdf.
4. Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
6. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 05 июня 1998 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml.
7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 341 – 355.

8. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml.

9. Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7. С. 45 - 67.

10. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Международное публичное право. Сборник документов / Бекашев К.А., Бекашев Д.К. – М.: Проспект, 2009. – С. 225 - 231.

12. Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике от 04 октября 1991 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ats.aq/documents/recatt/att006_r.pdf.

13. Протокол по проблемам воды и здоровья от 17 июня 1999 г. к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/water_protection.shtml.

14. Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml.

15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 06 октября 2011 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/EBD534384FE2BB9643257DEA004591D1.

16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур от 03 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/12B142813CAE27AA43257E6800415F32.

17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о рациональном использовании и охране трансграничных вод от 29 января 2008 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/034CFEA1C9A4508A43257DEA004592E4.

18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 24 мая 2002 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/467703258468E81443257DEA00458E7F.

19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 07 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/2802AD59421F365743257DEA00459548.

20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 18 октября 1992 г. URL: www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/5A85B58DA1C4DC5D43257DEA0045BE7C.

21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15 февраля 1994 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/12236>.

22. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии по охране и использованию трансграничных вод 11 февраля 1995 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3282>.

23. Соглашение о приграничном сотрудничестве в области изучения, освоения и охраны недр от 31 мая 2001 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=4703.

24. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pollutants.pdf.

25. African Charter on Human and Peoples' Rights. 27 June 1981. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.achpr.org/files/instruments/achpr/banjul_charter.pdf.

26. African Charter on the Rights and Welfare of the Child 1990. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/afchild.htm>.

27. African Convention on the Conservation of Nature and Natural Resources. Algiers, 15 September 1968. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.african-court.org/pt/images/documents/Sources%20of%20Law/Conservation%20of%20Nature/nature%20eng.pdf>.

28. Agreement on the cooperation for the sustainable development of the Mekong river basin 5 April 1995. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/policies/agreement-Apr95.pdf>.

29. Agreement on the Nile River Basin Cooperative Framework 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/Nile_River_Basin_Cooperative_Framework_2010.pdf.

30. Amazon cooperation treaty 3 July 1978. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sedac.ciesin.columbia.edu/entri/texts/amazonian.cooperation.1978.html>.
31. American Convention on Human Rights. San Jose 25 November 1969. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-32.html>.
32. Arab Charter on human rights 2004 // Translation by Dr. Mohammed Amin Al-Midani and Mathilde Cabanettes. Revised by Professor Susan M. Akram. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.acihl.org/res/Arab_Charter_on_Human_Rights_2004.pdf.
33. Charter of Water of the Senegal River 28 May 2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://iea.uoregon.edu/pages/view_treaty.php?t=2002-SenegalRiverWaterCharter.EN.txt&par=view_treaty_html.
34. Convention on the protection, utilisation, recharge and monitoring of the Franco-Swiss Genevois Aquifer 2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/2008Franko-Swiss-Aquifer-English.pdf.
35. Convention on the Regulation of Antarctic Mineral Resource Activities 02 June 1988. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ats.aq/documents/recatt/Att311_e.pdf.
36. Guarani Aquifer Agreement 02 August 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/Guarani_Aquifer_Agreement-English.pdf.
37. Protocol to the African Charter on human and peoples' rights of women in Africa 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.achpr.org/files/instruments/women-protocol/achpr_instr_proto_women_eng.pdf.

38. Revised Protocol on Shared Watercourses 07 August 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sadc.int/files/3413/6698/6218/Revised_Protocol_on_Shared_Watercourses_-_2000_-_English.pdf.

39. Treaty relating to cooperative development of the water resources of the Columbia River Basin 17 January 1961. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-145062.pdf>.

2. Документы международных организаций

А) Документы международных межправительственных организаций и международных органов

Документы Генеральной Ассамблеи ООН

40. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право. Сборник документов / Бекашев К.А., Бекашев Д.К. – М.: Проспект, 2009. – С. 221 - 224.

41. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Декларация ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

42. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Право человека на безопасную питьевую воду и санитарную от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/157. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/448/89/PDF/N1344889.pdf>.

43. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Право человека на воду и санитарную от 03 августа 2010 г. A/RES/64/292. [Электронный ресурс]

– Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/479/37/PDF/N0947937.pdf>.

44. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей от 16 декабря 1991 г. 46/91. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/586/23/IMG/NR058623.pdf>.

45. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. 08 сентября 2000 г. A/RES/55/2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/559/53/PDF/N0055953.pdf>.

Документы и материалы Комиссии международного права ООН

46. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН A/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001.

47. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии: док. ООН A/59/10. Нью-Йорк: ООН, 2004.

48. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят седьмой сессии: док. ООН A/60/10. Нью-Йорк: ООН, 2005.

49. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН A/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006.

50. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН A/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008.

51. Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН A/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 12-380.

52. Проекты статей по праву трансграничных водоносных горизонтов с комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии: док. ООН А/63/10. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 18-85.

53. Draft Articles on The Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses // Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 89-135.

54. Yearbook of the International Law Commission. 1987. Vol. I.

55. Yearbook of the International Law Commission. 1993. Vol. II. Part 1.

56. Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 1.

57. Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2.

58. Yearbook of the International Law Commission. 2003. Vol. II. Part 1.

Документы других международных межправительственных организаций и международных органов

59. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды Стокгольм, 1972 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml.

60. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития от 04 августа 1987 г. А/42/427. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.

61. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 6 (1982). Статья 6 (право на жизнь), 16-я сессия, 1982 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6630&Lang=ru.

62. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000). Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), 22-я сессия, Женева, 25 апреля - 12 мая 2000 г. U.N. Doc. E/C.12/2000/4 (11.08.2000). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G00/439/36/PDF/G0043936.pdf>.

63. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 15 (2002). Право на воду (статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), 29-я сессия, Женева, 11-29 ноября 2002. U.N. Doc. E/C.12/2002/11 (20.01.2003). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G03/402/31/PDF/G0340231.pdf>.

64. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 3 (1990). Природа обязательств государств-участников (пункт 1 статьи 2 Пакта), 5-я сессия, 1990 г. U.N. Doc. E/1991/23. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCESCR%2fGEC%2f4758&Lang=ru.

65. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты в г. Женеве в 1955 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 290 - 311.

66. Повестка дня на XXI век, принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml.

67. Право на воду. Изложение фактов № 35 / Серия «Права человека: изложение фактов» - С. 15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet35ru.pdf>.

68. Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. 04 сентября 2002 г. A/CONF.199/20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf.

69. Резолюция Совета по правам человека. Права человека и доступ к питьевой воде и санитарным услугам от 06 октября 2010 г. A/HRC/RES/15/9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G10/166/35/PDF/G1016635.pdf>.

70. Рекомендация Консультативного Совещания по Договору об Антарктике XV-21 от 20 октября 1989 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ats.aq/documents/SATCM4_12/fr/SATCM4_12_fr001_e.pdf.

71. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

72. Совет по правам человека. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о сфере охвата и содержании соответствующих правозащитных обязательств, связанных со справедливым доступом к безопасной питьевой воде и санитарным услугам, в рамках международных договоров о правах человека, 6-я сессия, 2007 г. U.N. Doc. A/HRC/6/3 (16.08.2007). П. 66. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G07/136/57/PDF/G0713657.pdf>.

73. COP Decision V/6 “Ecosystem approach” 15-26 May 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cbd.int/decision/cop/?id=7148>.

74. Council of Europe. The Committee of Ministers. Resolution 67 (10) European Water Charter 26 May 1967. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=640943&Site=COE>.

75. Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council establishing a framework for Community action in the field of water policy 23 October 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5c835afb-2ec6-4577-bdf8-756d3d694eeb.0004.02/DOC_1&format=PDF.

76. Final Report of the Fourth Special Antarctic Treaty Consultative Meeting on Antarctic Mineral Resources. 02 June 1988. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ats.aq/documents/SATCM4_12/fr/SATCM4_12_fr001_e.pdf.

77. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Development Law Service. Sources of International Water Law FAO legislative study 65 / Food & Agriculture Org. – 1998. – 336 p.

78. Guidelines for Drinking-water Quality – 4th ed., 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/44584/1/9789241548151_eng.pdf.

79. The United Nations World Water Development Report 1 “Water for people, water for life”. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001297/129726e.pdf>.

80. WHO/UNICEF Joint Report «Progress on Drinking Water and Sanitation: 2012 Update». 2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://whqlibdoc.who.int/publications/2012/9789280646320_eng_full_text.pdf.

Б) Документы международных неправительственных организаций

81. Доклад о развитии человека 2006 «Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов». / Пер. с англ. – М.: «Весь Мир», 2006. – 440 с.

82. Fundamental Principles for a Global Convention on the Right to Water May 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.barcelona2004.org/www.barcelona2004.org/esp/banco_del_conocimiento/docs/CO_49_EN_2.pdf.

83. International Law Association Committee on Water Resources Law (2004). Fourth Report, Berlin Conference (2004). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/meetings/legal_board/2010/annexes_groundwater_paper/Annex_IV_Berlin_Rules_on_Water_Resources_ILA.pdf.

84. The Dublin Statement - Dublin, 31 January 1992. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.wmo.int/pages/prog/hwrrp/documents/english/icwedece.html>.

85. The Helsinki Rules on the Uses of the Waters of International Rivers 1966. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/meetings/legal_board/2010/annexes_groundwater_paper/Annex_II_Helsinki_Rules_ILA.pdf.

3. Материалы судебной и арбитражной практики

Практика Постоянной палаты международного правосудия

86. Diversion of Water from the Meuse (Netherlands v. Belgium), Judgment of the PCIJ. June 28, 1937 // PCIJ Series A/B (1937). No. 70.

87. Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder (United Kingdom v. Poland), Judgment of the PCIJ. September 10, 1929 // PCIJ Series A (1929). No. 23.

Практика Международного Суда ООН

88. Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia), Judgment of the I.C.J. September 25, 1997 // I.C.J. Reports 1997.

89. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay), Judgment of the I.C.J. April 20, 2010 // I.C.J. Reports 2010.

Практика Европейского суда по правам человека

90. Dubetska and others v. Ukraine (Application no. 30499/03), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. February 10, 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103273#{"itemid":\["001-103273"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103273#{).

91. Fedotov v. Russia (Application no. 5140/02), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. October 25, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-70756>.

92. Giovanni I. Narcisio v. Netherlands. Decision of the European Court of Human Rights as to the Admissibility of Application no. 47810/99, Strasbourg. January 27, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-68204>.

93. Melnik v. Ukraine (Application no. 72286/01), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. June 26, 2006. [Электронный

ресурс] – Режим доступа: [http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72886#{"itemid":\["001-72886"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72886#{).

94. Riad and Idiab v. Belgium (Applications nos. 29787/03 and 29810/03), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. January 24, 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-108395>.

95. Shchebet v. Russia (Application no. 16074/07), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. June 12, 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-86961>.

96. Zander v. Sweden (Application no. 14282/88), Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. November 25, 1993. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-57862#{"itemid":\["001-57862"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-57862#{).

Практика Межамериканского суда по правам человека

97. López-Álvarez v. Honduras, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. February 01, 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_141_ing.pdf.

98. Sawhoymaxha Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. March 29, 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_146_ing.pdf.

99. Velez Loor v. Panama, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. November 23, 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_218_ing.pdf.

100. Хакмок Касек Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. August 24, 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_214_ing.pdf.

101. Yakye Axa Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of the Inter-American Court of Human Rights, San Jose. June 17, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_125_ing.pdf.

Практика Африканской комиссии по правам человека и народов

102. Free Legal Assistance Group and others v. Zaire, Decision of African Commission on Human and People's Rights. April 04, 1996. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.achpr.org/files/sessions/18th/comunications/25.89-47.90-56.91-100.93/achpr18_25.89_47.90_56.91_100.93_eng.pdf.

103. Institute for Human Rights and Development in Africa v. Angola, Decision of African Commission on Human and People's Rights. May 22, 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.achpr.org/files/sessions/43rd/comunications/292.04/achpr43_292_04_eng.pdf.

104. Sudan Human Rights Organisation and Centre on Housing Rights and Evictions v. Sudan, Decision of African Commission on Human and People's Rights. May 27, 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.achpr.org/files/sessions/45th/comunications/279.03-296.05/achpr45_279.03_296.05_eng.pdf.

105. The Social and Economic Rights Action Centre and the Centre for Economic and Social Rights v. Nigeria, Decision of African Commission on

Human and People's Rights. October 27, 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

http://www.achpr.org/files/sessions/30th/comunications/155.96/achpr30_155_96_eng.pdf.

Решения международных арбитражей

106. Biwater Gauff (Tanzania) Limited v. United Republic of Tanzania (ICSID Case No. ARB/05/22), Award of 24 July 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0095.pdf>.

107. Lake Lanoux Arbitration (France v. Spain), Arbitral Tribunal. November 16, 1957. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ecolex.org/server2.php/libcat/docs/COU/Full/En/COU-143747E.pdf>.

108. Suez, Sociedad General de Aguas de Barcelona S.A. and Vivendi Universal S.A v. Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/03/19), Decision on Liability of 30 July 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0826.pdf>.

Решения национальных судов

109. F.K. Hussain v. Union of India (UOI) and Ors. High Court of Kerala. February 26, 1990. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ielrc.org/content/e9002.pdf>.

110. Lucknow Grih Swami Parishad v. State of Uttar Pradesh and others. High Court of Allahabad (Lucknow bench). April 20, 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ielrc.org/content/e0013.pdf>.

111. Mazibuko v. The City of Johannesburg and Others. Judgment of the Constitutional Court of South Africa. October 8, 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2009/28.pdf>.

112. Venkatagiriappa v. Karnataka Electricity Board, Bangalore and Others. High Court of Karnataka at Bangalore. July 15, 1998. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ielrc.org/content/e9813.pdf.

113. Vishala Kochi Kudivella Sam. Samithi vs. State of Kerala. High Court of Kerala at Ernakulam. February 20, 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ielrc.org/content/e0642.pdf>.

4. Национальные правовые акты

114. Водный Кодекс Российской Федерации: [федер. закон: от 03 июня 2006 года № 74-ФЗ (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

115. Российская Федерация. Законы. О недрах: [федер. закон: от 21 февраля 1992 года № 2395-1 (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 823.

116. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года: [распоряжение Правительства РФ: от 27 августа 2009 № 1235-р (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 36. – Ст. 4362.

117. СанПиН 2.1.4.10749-01 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды» от 16.09.2001 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901798042>.

118. СанПиН 2.1.4.1175-02 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды» от 17.11.2002 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/10/10948/.

119. Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

120. Российская Федерация. Законы. О водоснабжении и водоотведении: [федер. закон: от 07 декабря 2011 г. № 416-ФЗ (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7358.

121. Водный Кодекс Республики Беларусь от 30.04.2014 г. № 149-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2014. – № 21.

122. Code de l'environnement. Version consolidée au 01 juillet 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006074220&dateTexte=20150828>.

123. Constitution of the Oriental Republic of Uruguay 1967. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://faolex.fao.org/faolex/Constitutions.html>.

124. Constitution of the Republic of South Africa 1996. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gov.za/documents/constitution/1996/a108-96.pdf>.

125. UK position on human right to water 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/36540/uk-position-human-right-water.pdf.

II. Специальная литература

126. Абашидзе А.Х., Кислицына Н.Ф. Доступ к питьевой воде - неотъемлемое право человека / А.Х. Абашидзе, Н.Ф. Кислицына // Обозреватель – Observer. – М: РАУ-Университет, 2004. – № 7. – С. 86-94.

127. Бринчук М.М. Потенциал природы как методологическое основание развития и совершенствования международного экологического права / М.М. Бринчук // Международное право – International Law. – 2010. – № 2 (42). – С. 8-13.

128. Валеев Р.М., Гусейнов Т. Право на воду для жизни и международное право / Р.М. Валеев, Т. Гусейнов // Основные тенденции развития современного международного права. LIBER AMICORIUM в честь профессора Геннадия Иринарховича Курдюкова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2010. – С. 88-105.

129. Вылегжанин А.Н. Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы: монография / А.Н. Вылегжанин, Л.В. Савельева и др.; Моск.гос.ин-т междунар.отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар.права. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 201 с.

130. Вылегжанин А.Н., Тертус Е.Е. Международное водное право как учебная дисциплина / А.Н. Вылегжанин, Е.Е. Тертус // Московский журнал международного права. – 2015. – № 1 (97). – С. 60-84.

131. Дьяков Ф.В. Право на воду / Ф.В. Дьяков // Советское право. Журнал института советского права. – М.: Государственное издательство, 1927. – № 2 (26). – С. 142-146.

132. Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право: Учебное пособие / под ред. С. А. Гуреева. – М.: Юридическая литература, 2004. – 352 с.

133. Гусейнов Т. Международно-правовое регулирование обеспечения права человека на воду / Т. Гусейнов // Казанский журнал международного права. – Казань: Изд-во Акад. управления «ТИСБИ», 2008. – № 2. – С. 77-84.

134. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды: экологический, экономический, социальный и политический аспекты / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. – М.: Наука, 2006. – 221 с.

135. Бекашев Д.К. Роль ООН в формировании и развитии международно-правовой концепции устойчивого рыболовства в Мировом океане / Д.К. Бекашев // Международное публичное и частное право. – 2015. – №5 (86). – С. 16-20.

136. Бекашев К.А. Правовой режим международных водотоков / К.А. Бекашев // Lex Russica. – 2009. – № 2. – С. 471-483.

137. Боклан Д.С. «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития / Д.С. Боклан // Московский журнал международного права. – 2015. – № 1. – С. 117-134.

138. Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Кн. 1 / Под ред. Г.И. Тункина. – М.: Прогресс, 1977. – 535 с.

139. Захарова Л.И. Права человека и охрана окружающей среды: взаимосвязь концепций, актуальные проблемы (часть 1) / Л.И. Захарова // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 92-97.

140. Захарова Л.И. Права человека и охрана окружающей среды: взаимосвязь концепций, актуальные проблемы (часть 2) / Л.И. Захарова // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10 (77). – С. 80-85.

141. Косарева М.А. Трансграничные природные ресурсы в международном праве: понятие, статус, режим: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Косарева Мария Александровна. – М., 2008. – 187 с.

142. Малеев Ю.Н. Новое в международном управлении // Международное право и современные теории международных отношений: аспекты сочетаемости (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – ЗАО Издательство «Аспект Пресс», Издательство «МГИМО-Университет», 2013. – С. 89-99.

143. Махкамбаев С.Д. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по использованию трансграничных водных

ресурсов в регионе Центральной Азии: дисс. ... канд. Юрид. наук: 12.00.10 / Махкамбаев Сироджиддин Джурабаевич. – М., 2011. – 227 с.

144. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук. – изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

145. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Р.М. Валеев и проф. Г.И. Курдюков. – М.: Статут, 2010. – 624 с.

146. Международное право: Учебник / Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 688 с.

147. Международное публичное право: учеб. / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. – 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Проспект, 2011. – 1008 с.

148. Мохаммад С.М.А. Международные режимы в международном экологическом управлении: Монография / Под ред. М.Н. Копылова. – М.: АДС Групп, 2013. – 143 с.

149. Мухина Э.Н. Правовое регулирование использования и охраны подземных вод: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Мухина Эвелина Николаевна. – М., 2011. – 222 с.

150. Некотенева М.В. Правовые проблемы использования международных водотоков: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Некотенева Мария Владимировна. – М., 2008. – 227 с.

151. Олейникова Т.Ю., Спиридонова Е.С. Право на воду в контексте европейского и российского правозащитного законодательства // Проблемы современного российского права. Материалы международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной памяти Ивана Яковлевича Дюрягина (4-5 мая 2007 г.). – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2007, Ч. 1. – С. 148-151.

152. Случевская Ю.А. Право на воду в системе прав человека, конституционно-правовой механизм его реализации в законодательстве Российской Федерации // Научные труды РАЮН. Вып. 14: в 2 т. Т. 1. – М.: Юрист, 2014. – С. 741-745.

153. Соколова Н.А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10 / Соколова Наталья Александровна. – Москва, 2010. – 467 с.

154. Соколова Н.А. Международно-правовые принципы устойчивого развития / Н.А. Соколова // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 8 (27). – С. 35-42.

155. Соколова Н.А. Теоретические проблемы международного права окружающей среды. Монография / Отв. ред.: Бекашев К.А. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 240 с.

156. Солнцев А.М. Международно-правовая защита экологических прав человека: региональная специфика / А.М. Солнцев // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского Института Бизнеса. – 2014. – № 4 (29). – С. 273-279.

157. Солнцев А.М. Право на доступ к воде и международное право / А.М. Солнцев // Подготовка доклада о состоянии прав человека в Российской Федерации и зарубежных странах. – М.: Юрист, 2010. – С. 137-149.

158. Солнцев А.М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Солнцев Александр Михайлович. – М., 2008. – 225 с.

159. Султанова С.С. Реализация права человека на достаточный уровень жизни в Российской Федерации / С.С. Султанова // Евразийский юридический журнал 2012. – № 3 (46). – С. 94-97.

160. Тимофеев Л.А. Правовые проблемы обеспечения населения России питьевой водой нормативного качества: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.06 / Тимофеев Лев Александрович. – Саратов, 2004. – 453 с.

161. Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права окружающей среды / Отв. ред.: Колбасов О.С. - М.: Наука, 1986. – 191 с.
162. Хименес де Аречага Э. Современное международное право / Под ред. Г.И. Тункина. – М.: Прогресс, 1983. – 480 с.
163. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учебное пособие под общей редакцией проф. В.П. Колесова (экономический факультет МГУ), 2-е издание, дополненное и переработанное. – М.: Права человека, 2008. – 636 с.
164. Шуршалов В.М. Международные правоотношения / В.М. Шуршалов. – М.: Международные отношения, 1971. – 238 с.
165. Atlas of International Freshwater Agreements. – UNEP/Earthprint, 2002. – 184 p.
166. Barberis J.A. International groundwater resources law (FAO legislative study 40) / J.A. Barberis. – Food & Agriculture Org., 1986. – 67 p.
167. Bates R. The road to the well: an evaluation of the customary right to water / R. Bates // Review of European Community & International Environmental Law. – 2010. – Vol. 19 N 3. – P. 282-293.
168. Beail-Farkas L. The human right to water and sanitation: context, contours, and enforcement prospects / L. Beail-Farkas // Wisconsin International Law Journal. – 2013. – Vol. 30 N 4. – P. 772-774.
169. Birnie P., Boyle A. International Law and the Environment (second edition) / P. Birnie, A. Boyle. – Oxford University Press, 2002. – 798 p.
170. Biswas A.K. Integrated Water Resources Management: Is It Working? / A.K. Biswas // International Journal of Water Resources Development. – 2008. – Vol. 24 N 1. – P. 5-22.
171. Bluemel E.B. The Implications of Formulating a Human Right to Water / E.B. Bluemel // Ecology Law Quarterly. – 2004. – Vol. 31, N 4. – P. 957-1006.

172. Bourquain K. Freshwater Access from a Human Rights Perspective: A Challenge to International Water and Human Rights Law / K. Bourquain. – Martinous Nijhoff Publishers, 2008. – 258 p.

173. Boyle A. Human Rights and International Environmental Law: Some Current Problems. – 2011. – 11 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/Law/ResearchTeaching/WorkingGroups/08-03-HumanRights.pdf>.

174. Boyle A. Human Rights and the Environment: A Reassessment / A. Boyle // Fordham Environmental Law Review. – 2008. – P. 471-511.

175. Boyle A. Human Rights and the Environment: Where Next? / A. Boyle // The European Journal of International Law. – 2012. – Vol. 23, N 3. – P. 613-642.

176. Bulto T.S. The Emergence of the Human Right to Water in International Human Rights Law: Invention or Discovery? / T.S. Bulto // Melbourne Journal of International Law. – 2011. – Vol. 12. – P. 305-306.

177. Burchi S. The Year in Review. Report on Fresh water / S. Burchi // Yearbook of International Environmental Law. – 2009. – Vol. 20. – P. 285-288.

178. Burchi S., Mechlem K. Groundwater in International Law - Compilation of Treaties and Other Legal Instruments. FAO legislative study 86 / S. Burchi, K. Mechlem. – FAO/UNESCO, 2005. – 557 p.

179. Caponera D.A. Patterns of Cooperation in International Water Law: Principles and Institutions / D.A. Caponera // Natural Resources Journal. – 1985. – Vol. 25. – P. 563-587.

180. Caponera D.A. Principles for International groundwater law / D.A. Caponera // Natural Resources Journal. – 1978. – Vol. 18. – P. 589-619.

181. Carlson J. A critical resource or just a wishing well? A proposal to codify the law on transboundary aquifers and establish an explicit human right to water / J.A. Carlson // American University International Law Review. – 2011. – Vol. 26 N 5. – P. 1409-1436.

182. de Chazournes L.B. Freshwater in International Law / L.B. de Chazournes. – Oxford University Press, 2013. – 288 p.

183. de Chazournes L.B. International Law and Freshwater: The Multiple Challenges / L.B. de Chazournes. – Edward Elgar Publishing Limited, 2013. – 463 p.

184. Chavarro J.M. The Right to Water in the Case-Law of the Inter-American Court of Human Rights / J.M. Chavarro // Anuario Colombiano de Derecho Internacional. – 2014. – Vol. 7. – P. 39-86.

185. Collins L.M. Implementing the Human Right to Water in Canada: A Discussion Paper / L.M. Collins. – Ottawa, March 29 & 30, 2007. – 17 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://unac.org/wp-content/uploads/2012/10/A-Human-Right-to-Water.pdf>.

186. Cullet Ph. Governing the Environment without CoPs - The Case of Water / Ph. Cullet // International Community Law Review. – 2013. – Vol. 15. – P. 123-135.

187. Cullet Ph. Water Sector Reforms and Courts in India: Lessons from the Evolving Case Law / Ph. Cullet // Review of European Community & International Environmental Law. – 2010. – Vol. 19 N 3. – P. 328-338.

188. Dellapenna J.W. Adapting the law of water management to global climate change and other hydropolitical stresses / J.W. Dellapenna // The Journal of the American Water Resources Association. – 1999. – Vol. 35 N 6. – P. 1301-1326.

189. Dellapenna J., Gupta J. Toward Global Law on Water / J. Dellapenna, J. Gupta // Global Governance. – 2008. – Vol. 14. – P. 437-453.

190. Deloge V. Road to 2015: the European Union and the realisation of the human right to water / V. Deloge // New Zealand Journal of Environmental Law. – 2012. – Vol. 16. – P. 1-37.

191. Dombrowsky I. Revisiting the potential for benefit sharing in the management of trans-boundary rivers / I. Dombrowsky // *Water Policy*. – 2009. – Vol. 11. – P. 125-140.

192. Donoho D. Some critical thinking about a human right to water / D. Donoho // *ILSA Journal of International & Comparative Law*. – 2012. – Vol. 19 N 1. – P. 91-115.

193. Eckstein G. Commentary on the U.N. International Law Commission's Draft Articles on the Law of Transboundary Aquifers / G. Eckstein // *Colorado Journal of International Environmental Law and Policy*. – 2007. – Vol. 18 N 3. – P. 537-610.

194. Epiney A. Sustainable use of freshwater resources / A. Epiney // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. – 2003. – P. 377-396.

195. Erdem M. Ecosystem Approach to Environmental Protection in the Law of International Watercourses / M. Erdem // *Özel Sayı Dokuz Eylül Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*, 2013. – P. 1359-1391.

196. Erdem M. The Tigris-Euphrates rivers controversy and the role of International Law. – 8 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/Mete-Erdem.pdf>.

197. Fitzmaurice M. The Human Right to Water / M. Fitzmaurice // *Fordham Environmental Law Review*. – 2007. – Vol. XVIII. – P. 537-585.

198. Fuentes X. The Utilization of International Groundwater in General International Law (chapter 8) // *The Reality of International Law: Essays in Honour of Ian Brownlie* / Guy S. Goodwin-Gill and Stefan Talmon. – Oxford, Carendon press, 1999. – P. 177-198.

199. Gleick P.H. Basic Water Requirements for Human Activities: Meeting Basic Needs / P.H. Gleick // *Water International*. – 1996. – Vol. 21. – P. 83-92.

200. Gleick P.H. The Human Right to Water / P.H. Gleick // *Water Policy*. – 1999. – Vol. 1, Issue 5. – P. 487-503.

201. Grzybowski A., McCaffrey S., Paisley R. Beyond International water law: Successfully Negotiating Mutual Gains Agreements for International Watercourses / A. Grzybowski, S. McCaffrey, R. Paisley // *Global Business & Development Law Journal*. – 2010. – Vol. 22. – P. 139-154.

202. Harnum J. Deriving the Right to Water from the Right to Life, Liberty and Security of the Person: Section 7 of the Canadian Charter of Rights and Freedoms and Aboriginal Communities in Canada / J. Harnum // *Review of European Community & International Environmental Law*. – 2010. – Vol. 19, Issue 3. – P. 306-315.

203. Hiers R.H. Water: A Human Right Or Responsibility? / R.H. Hiers // *Willamette Law Review*. – 2011. – Vol. 47, Issue 3. – P. 467-493.

204. Huang L. Not Just Another Drop in the Human Rights Bucket: the Legal Significance of a Codified Human Right to Water / L. Huang // *Florida Journal of International Law*. – 2008. – Vol. 20. – P. 353-370.

205. Jaiharn N., Popattanachai N. Analysis of Thai Water Management Legislation from an International Law Perspective / N. Jaiharn, N. Popattanachai // *Yonsei Law Journal*. – 2013. – Vol. 4 N 2. – P. 351-369.

206. Joyner C.C. Ice-Covered Regions in International Law / C.C. Joyner // *Natural Resources Journal*. – 1991. – Vol. 31. – P. 213-242.

207. Joyner C.C. The Status of Ice in International Law // *The Law of the Sea and Polar Maritime Delimitation and Jurisdiction*. – ed. by Oude Elferink A.G., Rothwell D.R. – The Hague, 1991. – P. 23-48.

208. Lo V.C.S. Right to water, right to life / V.C.S. Lo // *Ateneo Law Journal*. – 2011. – Vol. 55. – P. 1042-1065.

209. Majzoub T., Quillere-Majzoub F., Abdel Raouf M., El-Majzoub M. “Cloud busters”: Reflections on the Right to Water in Clouds and a Search for International Law Rules / T. Majzoub T., F. Quillere-Majzoub, M. Abdel Raouf, M. El-Majzoub // *Colorado Journal of International Environmental Law and Policy*. – 2009. – Vol. 20 N 3. – P. 321-365.

210. McCaffrey S. A Human Right to Water: Domestic and International Implications / S. McCaffrey // *Georgetown International Environmental Law Review*. – 1992. – Volume V, Issue 1. – P. 1-24.
211. McCaffrey S. A Human Right to Water / S. McCaffrey // in *Fresh Water and International Economic Law* – Weiss E.B. et al eds., 2005. – P. 93-115.
212. McCaffrey S. An Assessment of the Work of the International Law Commission / S. McCaffrey // *Natural Resources Journal*. – 1996. – Vol. 36. – P. 297-318.
213. McCaffrey S. *The Law of International Watercourses*. 2nd ed. / S. McCaffrey. – Oxford University Press, 2007. – 638 p.
214. Machowski J. The status of polar ice under international law / J. Machowski // *Polish Polar Research*. – 1992. – Vol. 13 N 2. – P. 149-175.
215. McIntyre O. *Environmental Protection of International Watercourses under International Law* / O. McIntyre. – Ashgate Publishing, Ltd., 2013. – 446 p.
216. McIntyre O. International Water Resources Law and the International Law Commission Draft Articles on Transboundary Aquifers: A Missed Opportunity for Cross-Fertilisation? / O. McIntyre // *International Community Law Review*. – 2011. – Vol. 13. – P. 237-254.
217. McIntyre O. The Role of Customary Rules and Principles of International Environmental Law in Protection of Shared International Freshwater Resources / O. McIntyre // *Natural Resources Journal*. – 2006. – Vol. 46. – P. 157-210.
218. Mechlem K. Moving Ahead in Protecting Freshwater Resources: The International Law Commission's Draft Articles on Transboundary Aquifers / K. Mechlem // *Leiden Journal of International Law*. – 2009. – Vol. 22. – P. 801-821.
219. Mekonnen D.Z. The Nile Basin cooperative framework agreement negotiations and the Adoption of a “Water Security Paradigm”: Flight into Obscurity or a Logical Cul-de-Sac? / D.Z. Mekonnen // *The European Journal of International Law*. – 2010. – Vol. 21 N 2. – P. 421-440.

220. Mohamed S.A. Equitable and Reasonable Utilization of International Rivers in the UN Convention with a Particular Reference to the River Nile // S.A. Mohmed. – African Perspectives. – 2013. – Vol. 11 Issue 39. – P. 22-28.

221. Nafziger J. Basic Functions and Principles of International Environmental Law in the Context of Managing Water Resources / J. Nafziger // Denver Journal of International Law and Policy. – 2011. – Vol. 39 N 3. – P. 381-395.

222. Okowa Ph. Procedural Obligations in International Environmental Agreements / Ph. Okowa. – British Yearbook of International Law. – 1996. – P. 275-336.

223. Onzivu W. Long Road to Integrating Public Health into Sustainable Development of Shared Freshwaters in International Environmental Law: Lessons from Lake Victoria in East Africa / W. Onzivu // International Lawyer. – 2012. – Vol. 46 N 3. – P. 867-892.

224. Paisley R. Adversaries into partners: International Water Law and the equitable sharing of downstream benefits / R. Paisley // Melbourne Journal of International Law. – 2002. – Vol. 3. – P. 280-300.

225. Pardy B. The dark irony of international water rights / B. Pardy // Pace Environmental Law Review. – 2011. – Vol. 28, Issue 3. – P. 907-920.

226. du Plessis A. A Government in deep water? Some thoughts on the State's duties in relation to water arising from South Africa's Bill of Rights / A. du Plessis // Review of European Community & International Environmental Law. – 2010. – Vol. 19 N 3. – P. 316-327.

227. Rose F. Water Justice in South Africa: Natural Resources Policy at the Intersection of Human Rights, Economies, and Political Power / F. Rose // Georgetown International Environmental Law Review. – 1992. – Vol. 18, Issue 1. – P. 149-185.

228. Rutherford R. An international human right to water: How to secure the place of people ahead of profits in the struggle for water access / R. Rutherford // *Alabama Law Review*. – 2011. – Vol. 62 N 4. – P. 872-874.

229. Shue H. *Basic Rights: Subsistence, Affluence and US Foreign Policy* / H. Shue. – New Jersey: Princeton University Press. – 1st ed., 1980; 2nd, revised ed., 1996. – 256 p.

230. Smeardon E.T. Impact of global change on water resources / E.T. Smeardon // *Arizona Journal of International and Comparative Law*. – 1992. – Vol. 9 N 1. – P. 155-168.

231. Smets H. Economics of Water Services and the Right to Water // in *Fresh Water and International Economic Law* – Weiss E.B. et al eds., 2005. – P. 173-189.

232. Smets H. Implementing the Right to Water in France. – 11 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ielrc.org/activities/workshop_0704/content/d0723.pdf.

233. Spandonide B. Iceberg water transportation from Antarctica to Australia: PhD thesis, University of Tasmania, 2012. – 539 p.

234. Tabi M.T. Implementing the human right to water in Europe: Lessons from French and British Experiences / M.T. Tabi // *Willamette Journal of International Law & Dispute Resolution*. – 2011. – Vol. 19, Issue 1. – P. 1-45.

235. Tanzi A. Reducing the Gap between International Water Law and Human Rights Law: The UNECE Protocol on Water and Health / A. Tanzi // *International Community Law Review*. – 2010. – Vol. 12. – P. 267-285.

236. Tarlock A.D., Wouters P. Are Shared Benefits of International Waters an Equitable Apportionment? / A.D. Tarlock, P. Wouters // *Colorado Journal of International Environmental Law & Policy*. – 2007. – Vol. 18. – P. 523-536.

237. Tetzlaff K. Towards a Global Convention on the Right to Water? / K. Tetzlaff // *New Zealand Postgraduate Law E-Journal*. – 2005. – Issue 2. – P. 2-33.

238. The human rights to water and sanitation in courts worldwide: A selection of national, regional and international case law. WaterLex and WASH United. – Geneva, 2014. – 293 p.

239. Traversi C. The Inadequacies of the 1997 Convention on International Water Courses and 2008 Draft Articles on the Law of Transboundary Aquifers / C. Traversi // *Houston Journal of International Law*. – 2011. – Vol. 33 N 2. – P. 453-488.

240. Tremblay H. A clash of paradigms in water sector? Tensions and Synergies Between Integrated Water Resources Management and the Human Rights-Based Approach to Development / H. Tremblay // *Natural Resources Journal*. – 2011. – Vol. 51 N 2. – P. 307-356.

241. Tully S. A Human Right to Access Water? A Critique of General Comment No 15 / S. Tully // *Netherlands Quarterly of Human Rights*. – 2005. – Vol. 23 N 1. – P. 35-63.

242. Utton A.E. Which Rule Should Prevail in International Water Disputes: That of Reasonableness or That of No Harm? / A.E. Utton // *Natural Resources Journal*. – 1996. – Vol. 36. – P. 635-641.

243. de Vido S. Right to Water as an International Custom / S. de Vido // *Carbon & Climate Law Review*. – 2012. – Vol. 6, Issue 3. – P. 221-227.

244. Vinuales J.E. Iced Freshwater Resources: A Legal Exploration / J.E. Vinuales. – *Yearbook of International Environmental Law*. – 2009. – Vol. 20. – P. 188-206.

245. Wohlwend B.J. An Overview of Groundwater in International Law. A case study: The Franco-Swiss Genevese Aquifer. – 2007. – 25 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bjwconsult.com/The%20Genevese%20Aquifer.pdf>.

246. Zaharia F. The Law of Transboundary Aquifers in Practice – the Mures Alluvial Fan Aquifer System (Romania / Hungary) / F. Zaharia // *International Community Law Review*. – 2011. – Vol. 13. – P. 291-304.

III. Интернет ресурсы

247. Официальный сайт Совета Европы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hub.coe.int/>.

248. Официальный сайт информационно-правовой системы Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int>.

249. Официальный сайт Международного центра по урегулированию инвестиционных споров [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://icsid.worldbank.org/apps/ICSIDWEB/Pages/default.aspx>.

250. Официальный сайт Межамериканского суда по правам человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.acihl.org/>.

251. Официальный сайт Африканской комиссии по правам народов и человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.achpr.org/>.

252. Официальный сайт Африканского суда по правам человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.african-court.org/>.

253. Официальный сайт Секретариата Договора об Антарктике [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ats.aq/>.

254. Официальный сайт Правительства Великобритании [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.uk/>.

255. Официальный сайт Глобального водного партнерства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gwp.org/>.

256. Официальный сайт Международного суда ООН [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org>.

257. Официальный сайт Ассоциации международного права [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ila-hq.org>.

258. Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/>.

259. Официальный сайт Министерства иностранных дел России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mid.ru/>.

260. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org>.

261. Официальный сайт Европейской экономической комиссии ООН [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unecsc.org>.

262. Официальный сайт ЮНЕСКО [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unesco.org>.

263. Официальный сайт Федерального агентства водных ресурсов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://voda.mnr.gov.ru/>.